

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
2021. Т. 8. № 3**

Основан в 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель –
ФГБОУ ВО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»

Издается в рамках научного сотрудниче-
ства с Институтом русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Редактор Д.С. Нерозник
Технический редактор Н.В. Москвичёва
Переводчик А.Ю. Енарьева

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-72190 от 15 января 2018 г.
Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных техноло-
гий и массовых коммуникаций

ISSN 2413-6182

eISSN 2658-4867

«Коммуникативные исследования» –
рецензируемый научный журнал,
в котором представлены исследования
в области коммуникативистики.

К публикации принимаются статьи
на русском и английском языках

Включен в перечень ВАК.

Включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а, 2 корпус ОмГУ, каб. 221
Тел.: +7(3812)22-98-15
Сайт журнала: <http://com-studies.org/ru>

Дата выхода: 20.09.2021.
Ризографическая печать.
Формат 16,4×23,9.
Заказ 136. Тираж 60 экз.
Объединенный подписной каталог
«Пресса России». Индекс 94243.
Свободная цена

Отпечатано в типографии Омского
государственного университета
им. Ф.М. Достоевского

Адрес издателя и типографии
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а

**COMMUNICATION
STUDIES
2021, Vol. 8, no. 3**

Founded in 2014

Published four times a year

Founded and published by
Dostoevsky Omsk State University

The journal is published within the frame-
work of scientific cooperation with Vinogra-
dov Russian Language Institute of the Rus-
sian Academy of Science (RAS)

Editor D.S. Neroznik
Technical editor N.V. Moskvicheva
Interpreter A.Yu. Yenaryeva

Journal Registration Certificate
ПИ No. ФС77-72190 of January 15, 2018.
Given by The Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

ISSN 2413-6182

eISSN 2658-4867

"Communication Studies" is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
communication science.

The Journal publishes articles in Russian
and English

Included in VAC list.

Included in Russian Science Citation Index.

Address of editorial office
office 221, 2nd OmSU corpus, 55a, Mira pr.,
Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia
Phone: +7(3812)22-98-15
Site of Journal: <http://com-studies.org/ru>

Date of publication: September 20, 2021.
Risograph printing.
Format 16,4×23,9.
Order 136. Circulation of 60 copies
United subscription catalog "The Russian
Press". Index 94243.
Free price

Published by Dostoevsky Omsk State
University

Address of publisher and printing house
55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077,
Russia

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
2021. Т. 8. № 3**

Редакционная коллегия

Главный редактор

д-р филол. наук, проф.
О.С. Иссерс (Омск, Россия)

д-р философии, проф.
Р. Андерсон (Лос-Анджелес, США)

д-р филол. наук, проф.
А.Н. Баранов (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Н.В. Богданова-Бегларян
(Санкт-Петербург, Россия)

д-р философии, проф.
Д. Вайс (Цюрих, Швейцария)

д-р филол. наук, проф.
М.А. Кронгауз (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.П. Крысин (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.А. Кудрявцева (Киев, Украина)

д-р филол. наук, проф.
Э. Лассан (Вильнюс, Литва)

д-р филол. наук, проф.
Б.Ю. Норман (Минск, Беларусь)

д-р филологии, проф.
Р. Ратмайр (Вена, Австрия)

д-р филологии, проф.
Л. Рязанова (Эдинбург, Великобри-
тания)

д-р филол. наук, проф.
И.А. Стернин (Воронеж, Россия)

д-р филол. наук, проф.
В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург,
Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.Д. Шмелев (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук, доц.
М.В. Терских (Омск, Россия)

**COMMUNICATION
STUDIES
2021, Vol. 8, no. 3**

Editorial Staff

Editor-in-Chief

Prof. O.S. Issers
(Omsk, Russia)

Ph.D. R. Anderson
(Los Angeles, USA)

Prof. A.N. Baranov
(Moscow, Russia),

Prof. N.V. Bogdanova-Beglaryan
(St. Petersburg, Russia)

Prof. V.E. Chernyavskaya
(St. Petersburg, Russia)

Prof. A.P. Chudinov
(Yekaterinburg, Russia)

Prof. M.A. Krongauz
(Moscow, Russia)

Prof. L.P. Krysin
(Moscow, Russia)

Prof. L.A. Kudryavtseva
(Kyiv, Ukraine)

Prof. E. Lissan
(Vilnius, Lithuania)

Prof. B.Yu. Norman
(Minsk, Belarus)

Ph.D. R. Rathmayr
(Vienna, Austria)

Ph.D. L. Ryazanova
(Edinburgh, UK)

Prof. I.A. Sternin
(Voronezh, Russia)

Prof. A.D. Shmelev
(Moscow, Russia)

Ph.D. D. Weiss
(Zurich, Switzerland)

Executive secretary of the journal

PhD M.V. Terskikh
(Omsk, Russia)

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
2021. Т. 8. № 3**

**COMMUNICATION
STUDIES
2021, Vol. 8, no. 3**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Предисловие приглашенного редактора..... 428

Guest Editor's Foreword428

Раздел I. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I. THEORY OF COMMUNICATION

Карасик В.И., Китанина Э.А. Коллективные и личностные векторы осмысления мечты..... 433
Попова Т.И. Функция метакоммуникативных маркеров в русскоязычной коммуникации (социолингвистический аспект)..... 454
Протасова Е.Ю. Чужая речь и коммуникация с представителями иных культур в современной художественной литературе..... 465
Радбиль Т.Б., Кузнецов И.А., Кузнецова Т.И. Национально обусловленные модели манипулятивной коммуникации в русской диалогической речи..... 481

Karasik V.I., Kitanina E.A. Collective and personal vectors of dreams understanding433
Popova T.I. The function of metacommunicative markers in Russian-speaking communication (a sociolinguistic aspect).....454
Protassova E. Foreign speech and communication with representatives of other cultures in contemporary fiction.....465
Radbil T.B., Kuznetsov I.A., Kuznetsova T.I. Nationally conditioned models of manipulative communication in Russian dialogical speech.....481

Раздел II. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Part II. MODERN DISCOURSE PRACTICES

Богданова-Бегларян Н.В. Идиомы в русской спонтанной речи носителей других языков: они есть или их нет? (О языковой креативности говорящих на неродном языке) 499
Гранева И.Ю. Лексикализованные употребления форм личных местоимений «я» и «ты» в русской устной речи: к вопросу о национальной специфике реплик в диалоге..... 511
Жуковская Л.И. Дискурсивное варьирование лексем *ментальность* и *менталитет* в этноспецифичных концептуально-метафорических моделях предикатно-объектной сочетаемости..... 530
Кун Чунься. «Текст о тексте», или «Коммуникация по поводу коммуникации» (на материале неподготовленного чтения русских текстов носителями русского и китайского языков)..... 547

Bogdanova-Beglarian N.V. Idioms in Russian spontaneous speech used by non-native speakers: do they exist or not? (About the linguistic creativity of non-native speakers)499
Graneva I.Yu. Lexicalized usages of the forms of personal pronouns “ya” (“I”) and “ty” (“you”) in Russian speech: to the question of the national specificity of speech in dialogue511
Zhukovskaya L.I. Discursive variation of the lexemes *mental'nost'* and *mentalitet* (“mentality”) in ethno-specific conceptual-metaphoric models of predicate-objective compatibility530
Kong Chunxia. “Texts about texts”, or “Communication about communication” (based on the unprepared reading of Russian texts by native speakers of Russian and Chinese languages)547

<i>Ратмайр Р.</i> Как в докоронавирусное время говорили о болезнях и здоровье в Австрии и в России. Сопоставительная прагматика560	<i>Rathmayr R.</i> How diseases and health issues were spoken of in Austria and Russia in pre-Covid-19 times. Comparative pragmatics 560
<i>Тамерьян Т.Ю., Кусаева Е.Э.</i> Речевой портрет главы Северо-Осетинского региона: дискурсивные треки 2021.....579	<i>Tameryan T.Yu., Kusaeva E.E.</i> Speech portrait of the North Ossetian region head: discourse tracks 2021 579

Раздел III. КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА

Part III. COMMUNICATIVE DIDACTICS

<i>Зайцева О.А.</i> Диалогические телевизионные программы как средство обучения диалоговым стратегиям на продвинутом этапе обучения русскому языку как иностранному.....597	<i>Zaytseva O.A.</i> Dialogical TV programs as a means of learning dialogue strategies at an advanced stage of learning Russian as a foreign language 597
---	---

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part IV. REVIEWS. CHRONICLE

<i>Милованова М.С.</i> Рецензия на коллективную монографию «Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии» (Маркова Е.М., Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Ручина Л.И. и др. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 217 с.).....609	<i>Milovanova M.S.</i> The review of collective monograph "Linguo-cognitive aspects of studying national conceptospheres in synchrony and diachrony" (Markova, E.M., Radbil, T.B., Ratsiburskaya, L.V., Ruchina, L.I. et al. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Lobachevsky State University publ., 2020, 217 p.)..... 609
<i>Сперанская А.Н.</i> «Можно только научиться». К юбилею Татьяны Викторовны Шмельёвой614	<i>Speranskaya A.N.</i> "You can only teach yourself". To the Prof. Tatiana V. Shmeleva's anniversary..... 614
<i>Юматов В.А.</i> Хроника III Всероссийской научной конференции с международным участием «Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы»621	<i>Yumatov V.A.</i> Chronicle of the 3rd all-Russian scientific conference with international participation "National and International trends and prospects for the development of forensic expertise" 621
<i>Информация для авторов</i>627	<i>Information for authors</i> 632

Тематический выпуск

**НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ
МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ**

Thematic issue

**NATIONAL-SPECIFIC
MODELS OF COMMUNICATION**

**ПРЕДИСЛОВИЕ
ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА**

GUEST EDITOR'S FOREWORD

Тема очередного выпуска нашего журнала – **«Национально обусловленные модели коммуникации»**. Мы отдаем себе отчет, что такая формулировка, при всей ее извечной актуальности, для многих может иметь некоторую долю полемичности, вызывать определенные сомнения. Очевидно, что базовые принципы коммуникации на естественном языке носят общечеловеческий характер и в целом не зависят от особенностей национальных языков и культур. При этом общеизвестным и достаточно тривиальным является и тот факт, что люди разных народов думают, воспринимают мир и говорят по-разному. Это на уровне бытового сознания отражают, например, бесчисленные анекдоты, пословицы и поговорки на тему различий между национальностями. Также в этом не усомнится и любой вдумчивый преподаватель иностранного языка. Просто данное, вполне интуитивно ясное обстоятельство долгое время находилось вне сферы стратегий научного поиска лингвистов, потому что наука о языке в целом не имела адекватного исследовательского инструментария для научной формализации и объективации смутных прозрений и отдельных наблюдений подобного рода.

Однако, как было показано еще в концепции «культурных скриптов» Анны Вежицкой, всё это можно и нужно изучать, оставаясь в пределах строгого лингвистического знания. Можно и нужно аргументированно обосновать, что особенности лингвопрагматической организации дискурса в целом и разных речевых практик в частности, в том числе моделей диалогической интеракции, паттернов речевого воздействия, коммуникативных стратегий и тактик говорящих, вполне могут отличаться определенной национальной и культурной обусловленностью. Тем более, что это уже достаточно давно замечено, например в преподавании иностранных языков, в теории и практике кросс-культурной коммуникации и т. д.

В наши дни исследовательское поле описания национально обусловленных моделей коммуникации находится еще в стадии становления. Как нам представляется, очередной тематический выпуск научного журнала «Коммуникативные исследования», предлагаемый вниманию заинтересованного читателя, призван в определенной степени заполнить этот пробел, продвинуть эту крайне интересную и в целом малоизученную область исследования, очертить основные проблемные зоны, а также наметить пути и перспективы дальнейшего изучения национально обусловленных моделей коммуникации в дискурсах разного типа на материале разных языков и культур.

Первый, теоретический раздел журнала отличается тематическим разнообразием и нетривиальной проблематикой. Выпуск открывается статьей В.И. Карасика и Э.А. Китаниной «Коллективные и личностные векторы осмысления мечты». Это представляется весьма симптоматичным: в тяжелые времена, которые мы переживаем сегодня, именно мечта освобождает человека от оков обыденности, выводит его в сферу идеалов и

вневременных ценностей. В статье аргументированно раскрываются две противоположные линии в отношении к мечте как к феномену воображаемой реальности в языковом сознании и коммуникативном поведении, отраженные в дискурсивных практиках носителей русского и английского языков – с позиции Деятеля и с позиции Созерцателя.

Внимание к проблемам метакоммуникации в русском речевом общении отличает статью Т.И. Поповой, в которой анализируются прагматические маркеры метакоммуникации (типа *знаешь, слушай* и пр.) в гендерном аспекте и с учетом социальных ролей говорящего. Важно, что исследование осуществлено на широком корпусном материале (корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день», разработанный на основе расшифровок аудиозаписей, полученных в естественных условиях), что значительно повышает степень его валидности, достоверности и объективности. Интересен и ряд выводов, среди которых особое внимание привлечет, например, положение о том, что одной из особенностей русскоязычного общения является тенденция к сотрудничеству и поддержанию диалога в женской речи.

В статье Е.Ю. Протасовой, представляющей Хельсинкский университет (Финляндия), решается крайне актуальная проблема отражения коммуникации с представителями иных культур в современной художественной литературе. Трудно не согласиться с мыслью автора о том, что национально обусловленные модели коммуникации кажутся странными тому, кто смотрит на них со стороны. Е.Ю. Протасова показывает, как опыт жизни в межкультурной среде существенно облегчает выбор модели речевого взаимодействия в межкультурном общении. Не менее важно и положение о значимости рефлексии над языком, осуществляемой в престижном художественном дискурсе.

Другой аспект национально обусловленных моделей коммуникации, а именно манипулятивная диалогическая интеракция, обстоятельно освещается в статье Т.Б. Радбиля, И.А. Кузнецова и Т.И. Кузнецовой. На материале представительного массива диалогических вопросно-ответных единств, сформированного по данным Национального корпуса русского языка, демонстрируется разнообразие манипулятивных коммуникативных стратегий и тактик в русской речи: перемена затрагиваемой в вопросе темы, отказ говорить на указанную тему, ответная реакция, демонстративно не связанная с обсуждаемой темой, нежелание продолжать коммуникацию, умышленное молчание и пр. Отмечая в целом универсальный характер данных моделей, авторы тем не менее подчеркивают, что их распространенность именно в русской речевой практике можно трактовать как проявление особенностей высококонтекстной культуры в свете известного пренебрежения к рациональной стороне общения.

Во втором разделе тематического выпуска журнала рассматриваются современные дискурсивные практики. Отметим широту охвата мате-

риала в области дискурсов разного типа и представленность в анализе национально обусловленных моделей коммуникации явлений разных уровней языка. Так, лексический уровень дискурсивного варьирования социально значимых концептов в русской речи (на примере концептуально-метафорических преобразований лексем «ментальность» и «менталитет») затрагивается в работе Л.И. Жуковской. Фразеологический уровень отражен в статье Н.В. Богдановой-Бегларян, посвященной идиомам в русской спонтанной речи носителей других языков в свете проблемы лингвокреативности. В исследовании И.Ю. Граневой освещаются коммуникативно-прагматические аспекты грамматики русских местоимений Я и ТЫ, употребление которых анализируется через призму процесса лексикализации. Уровень собственно текста и метатекста рассматривается в работе Кун Чунья с примечательным названием «“Текст о тексте”, или “Коммуникация по поводу коммуникации” (на материале неподготовленного чтения русских текстов носителями русского и китайского языков)». Также в разделе представлен и очень интересный опыт сопоставительной прагматики: Р. Ратмайр (Венский экономический университет, Австрия) обсуждает вопрос о том, как в докоронавирусное время говорили о болезнях и здоровье в Австрии и в России. Не осталась в стороне и проблематика, связанная с теорией языковой личности. В статье Т.Ю. Тамерьян и Е.Э. Кусаевой, в рамках исследования моделей порождения политического дискурса по билингвальным, русско-осетинским каналам, реконструируется речевой портрет главы Республики Северная Осетия – Алания.

Завершая свое краткое погружение в область национально обусловленных моделей коммуникации, я хочу привести слова Т.В. Матвеевой, которые, на мой взгляд, в сжатой и афористичной форме резюмируют многое из того, что обсуждается в данном тематическом выпуске журнала: «Непринужденные диалоги в их совокупности создают ту или иную атмосферу, тот воздух общения, который характеризует нацию в целом». Понятно, что речь в нашем тематическом выпуске идет не только о спонтанных диалогах, но и в целом о любых разновидностях устного и письменного дискурса. Сама необъятность темы, предложенной нами для данного выпуска, ее, так сказать, концептуальная неисчерпаемость является серьезным вызовом для лингвистов, которые заморожены восхитительным разнообразием языков и культур в нашем меняющемся мире, а также оставляет нам значительный простор для дальнейших исследований в области национальной и культурной обусловленности моделей коммуникации.

Т.Б. Радбиль

Раздел I

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I

THEORY OF COMMUNICATION

КОЛЛЕКТИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ВЕКТОРЫ ОСМЫСЛЕНИЯ МЕЧТЫ

В.И. Карасик¹, Э.А. Китанина²

^{1*,2} Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
(Москва, Россия)

^{1**} Тяньцзиньский университет иностранных языков (Тяньцзинь, Китай)

Аннотация: Рассматривается выраженное в языковом сознании и коммуникативном поведении отношение к мечте как переживаемому результату воображения, отражающее установки индивидуального и коллективного осмысления потенциальной реальности. Материалом для анализа послужили данные словарей и справочников, тексты художественной литературы и публицистики на русском и английском языках. Установки в понимании различия между воображением и действительностью сводятся к противоположной оценке воображаемого положения дел и дают возможность выделить два основных вектора в осмыслении мечты – с позиций практика либо романтика. Практик видит различие между воображением и реальностью и осуждает тех, кто игнорирует это различие, либо превращает мечту в цель, достижение которой требует определенных усилий. Такова позиция Деятеля, получающая статус идеологической установки. Романтик восхищается мечтой, но, столкнувшись с суровой реальностью, признает тщетность попыток приблизиться к прекрасному идеалу. Такое отношение к мечте характеризует позицию Созерцателя и детально представлено в поэтическом дискурсе.

Ключевые слова: мечта, концепт, ценность, дискурс, лингвокультурное сопоставление.

Для цитирования:

Карасик В.И., Китанина Э.А. Коллективные и личностные векторы осмысления мечты // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 433–453. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).433-453.

Сведения об авторах:

¹ Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, * профессор кафедры общего и русского языкознания, ** профессор

² Китанина Элла Анатольевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего и русского языкознания

Контактная информация:

^{1*,2} Почтовый адрес: 117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6

^{1**} Почтовый адрес: 300204, P.R. China, Tianjin, Hexi District, Machang Road, 117

¹ E-mail: vkarasik@yandex.ru

² E-mail: ella_kitanina@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода»

Дата поступления статьи: 25.04.2021

Дата рецензирования: 24.05.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

Введение

Осмысление переживаемого опыта лежит в основе индивидуального и коллективного знания о мире, отраженного в семантике слов, фразеологизмов, универсальных высказываний и сюжетов тех повествований, которые запоминаются и определяют установки носителей культуры. К числу существенных ориентиров поведения относится концепт 'мечта'. Материалом для анализа послужили данные толковых словарей, выборки из художественных и публицистических текстов разных жанров и опроса информантов.

Понятийные характеристики концепта 'мечта'

Концептологическое моделирование языка стало одним из наиболее активно развивающихся направлений современной антропологической лингвистики [Вежбицкая 2011; Воркачев 2014; Карасик 2004; Красавский 2008; Радбиль 2017; Слышкин 2004; Степанов 1997; Стернин 2008; Шмелев 2002]. Концепт 'мечта' привлекал к себе внимание исследователей [Макаренко 2014; Макович 2000; Мальнева 2012; Сергеев 2005; Хлебодарова 2015]. Установлены и описаны его мотивирующие, понятийные и образные признаки, охарактеризовано семантическое поле лексических единиц, апеллирующих к этому ментальному образованию, определены его индивидуально-авторские смысловые обертоны в творчестве известных поэтов. Вместе с тем дискурсивная специфика этого переживаемого понятия еще недостаточно освещена в лингвистической литературе. Мы разделяем позицию Х. Куссе, который считает, что осмысление концептов является дискурсивно-сенситивным [Куссе 2016]. В этом плане представляется перспективным развитие дискурсивно и личностно ориентированной лингвоконцептологии, поскольку разные типы ментальных образований специфически проявляются в обиходном, политическом, научном, медийном и других типах дискурса, с одной стороны, и в языко-

вом сознании различных типизируемых личностей, с другой стороны. Такое исследование предполагает установление понятийных, образных и ценностных характеристик концепта и уточнение этих характеристик в разных типах дискурса и в языковом сознании респондентов.

Понятийные признаки концепта 'мечта' в русской лингвокультуре определяются на основе анализа словарных дефиниций:

- Мечта 1. Обычно мн. То, что создано воображением, фантазией. 2. Желание, стремление. 3. Предмет желаний и стремлений; мысленный образ чего-либо желаемого. || О чем-либо неосуществимом, недостижимом. || Перен. Разг. О чем-либо необыкновенно красивом, привлекательном (ССРЛЯ).

- Мечта – это желание, чтобы то, что вы себе представляете, осуществилось, сбылось. В разговорной речи вы называете мечтой то, что достойно самой высокой похвалы. Голубой мечтой называют то, чего вы сильно хотите, но что вряд ли сможет когда-либо осуществиться. Мечтами называют мысли о том, чего вы желаете получить или чего хотите добиться (ТСРЯ).

- Мечта вообще всякая картина воображения и игра мысли; пустая, несбыточная выдумка; призрак, видение, мара (СД).

В английской лексикографии мы находим близкие определения:

- Dream – 1) a train of thoughts, images, or fancies passing through the mind during sleep; a vision during sleep; the state in which this occurs; 2) fig. a vision of the fancy voluntarily or consciously indulged in when awake (esp. being unreal, or idle); a visionary anticipation, reverie, castle-in-the-air, cf. daydream; 3) transf. a) an object seen in vision; b) Something of dream-like beauty or charm, such as one expects to see only in dreams; c) an ideal or aspiration; spec. a national aspiration or ambition; a way of life considered to be ideal by a particular nation or group of people; freq. with defining adjective prefixed, as the American dream (OED).

- Dream – [while sleeping] a series of thoughts, images, and feelings that you experience when you are asleep; [wish] a wish to do, be, or have something – used especially when this seems unlikely (LDCE).

- Dream – 1. A series of images, ideas, emotions, and sensations occurring involuntarily in the mind during certain stages of sleep. 2. A daydream; a reverie. 3. A state of abstraction; a trance. 4. A wild fancy or hope. 5. A condition or achievement that is longed for; an aspiration. 6. One that is exceptionally gratifying, excellent, or beautiful (AHDEL).

Признаковый состав этого концепта включает следующие компоненты: 1) результат воображения, 2) желательный, 3) неосуществимый. В английском языке, в отличие от русского, такой результат связан со сном или подобен сновидению. Осмысление этого явления разворачивается в трех направлениях: 1) нечто воображаемое, а не реальное, 2) нечто очень приятное, 3) нечто несбыточное. Противопоставление воображения и реальности составляет суть этого ментального образования и по-

лучает полярное (энантиосемантическое) оценочное уточнение: один и тот же объект оценивается положительно и отрицательно.

Внутренняя форма слова, обозначающего этот концепт, в русском языке сводится к индоевропейской основе [meik] со значением «мерцать», «блестеть», «мелькать» (Фасмер 1986; Черных 1999), в английском – к германской основе [*draugma] со значением «обман», «фантом» (Klein 1966).

Современный парадигматический контекст слова «мечта» образуют его синонимы «мечтание» и «грёза», при этом в семантике слова «мечтание» акцентируются приятные представления о чем-либо, а в слове «грёза» – несбыточные и призрачные воображения (ССРЯ). В словаре синонимов Н. Абрамова, составленном в 1900 г., приводится обширный список сходных по смыслу выражений применительно к слову «мечта»: *мечта, мечтание, бредни, грёза, дума, видение, привидение, иллюзия, призрак, причуда, самообман, самообольщение, утопия, фантазия, химера, воздушный замок, игра воображения, сон, бред, несбыточное желание* (Абрамов 2006). Можно заметить, что многие из этих слов и выражений ассоциативно связаны с рассматриваемым концептом, уточняя его в отрицательно-оценочном направлении.

Синонимическое уточнение концепта 'dream' / 'мечта' в английском языке уточняется в общем направлении "ideas or images, present in the mind but having no concrete or objective reality" (идеи или образы, оторванные от конкретной или объективной реальности): *fancy* (плод воображения), *fantasy / phantasy* (фантазия, полет воображения), *phantasm* (воображение, близкое к галлюцинации), *vision* (видение, воспринимаемое как откровение), *dream* (приятные праздные мечтания, близкие к сновидениям), *daydream* (мечтания о будущем или о неисполнимом), *nightmare* (кошмар, дурной сон) (WNDS).

Обратим внимание на то, что в русской лингвокультуре не прослеживается ассоциативная связь между мечтой и дурным сном.

Контекстуальные характеристики концепта 'мечта'

Контекстуальное уточнение рассматриваемого концепта сводится к описанию содержания и оценки мечты. Проанализированы данные Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) и результаты выборки из произведений художественной литературы и публицистики.

Содержание мечты составляют смысложизненные ценности:

- *Моя мечта – обогатить человека, добавить в его жизнь смыслов, обертонов, дополнительных жизненных граней* (П. Архипов).

- *Прекрасно! Разве это не мечта – стать бессмертным? Значительное место в философии экзистенциализма занимает постановка и решение проблемы свободы, которая определяется как выбор личностью одной из бесчисленных возможностей* (А. Котюсов).

• *Мы уходим в неизвестность. Нас ведет туда жажда знаний и вековечная мечта человека открыть себе подобные разумные существа в иных мирах, с тем чтобы разум объединился с разумом* (Ч. Айтматов).

• *Летающие машины – это вообще давняя мечта человека, о них грезили еще в начале XX века* (К. Мильчин).

Людям свойственно мечтать и о земных конкретных благах, которых они по разным причинам лишены:

• *Белокуроым, любезная Елена Николаевна, идет или черное, или пунсовое... Вот бы весьма шло к вашему лицу платье черного атласу с зубчатым, стоячим воротом а ля Мария Стюарт, унизанным мелкими брильянтами... или средневековое платье пунсового бархату с небольшим декольте и рубиновым крестиком... Шубка темно-синего лионского бархату и венецианский берет тоже пошли бы к вам... Все это, конечно, мечты, – говорил он, усмехаясь. – Ваш отец получает у нас всего семьдесят пять рублей месячных, а детей у него, кроме вас, еще пять человек, мал мала меньше, – значит, вам скорей всего придется всю жизнь прожить в бедности* (И. Бунин).

• *Когда мы начали работать, у него была мечта: сделать ремонт за пять миллионов рублей* (Е. Николаева).

• *Когда Пальчиков расплатился, она стала говорить, что ее мечта, конечно, не шмотками торговать, а в воскресной школе детишкам Закон Божий преподавать* (А. Бузулукский).

• *В те дни у меня была мечта – вот кончится война, и я сварю целое ведро картошки и накормлю досыта всю семью* (И. Архипова).

Мечты связаны с основными видами деятельности людей:

• *Это пьеса – моя давнишняя мечта, я вынашивал её десять лет* (А. Гулина).

• *Для того чтобы дослужиться до генерала (вожделенная мечта каждого служащего), нужны ещё двадцать лет* (И. Золотусский).

• *Море и ветры странствий зовут его. Магеллана захватывает дерзкая мечта. Нужно снарядить экспедицию для того, чтобы открыть новый путь к Индии и сказочно богатым пряностями Молуккским островам, двигаясь не долгим восточным путём, а западным* (О. Тихомиров).

• *Иметь Страдивари – это мечта любого скрипача. Он считал, что она неосуществима – и Бог с ней* (С. Спивакова).

• *Думаю, это мечта каждого спортсмена – быть не только участником Олимпийских игр, но и призёром* (О. Лисогор).

• *Заветная мечта косметологов – создавать эликсиры молодости и красоты, а заветная мечта каждой женщины – использовать их!* (Д. Яковлева).

Обратим внимание на то, что мечты характерны для молодых людей:

• *Клим остался один и долго предавался со всем жаром юношеского увлечения самым чудным, самым упоительным мечтам, которых автор не приводит из опасения насмешить читателей...* (Н. Некрасов).

Подчеркивается контраст между мечтой и реальностью:

- *В моем тогдашнем мраке мне мечталась... мерещилась, может быть, новая заря. Всё это была только **мечта**, от тогдашнего ужаса...* (Ф. Достоевский).

- *Наша жизнь исполнена мрака и страданий, но она окружена воздушными **мечтами**, которые светят нам. Наша дорога исполнена рытвин, и на ней лежат острые камни; но кто смотрит не только себе под ноги, тот видит, что на всем своем протяжении она обрамлена цветами* (К. Бальмонт).

- *Будем же надеяться, что эта **мечта** когда-нибудь станет реальностью* (И. Шкловский).

Мечта раскрывается как побег от реальности:

- *Как и положено **мечте**, она, того и гляди, отодвинется вдаль времени. Гордая **мечта** неотделима от звонких обещаний. А критики не устают повторять: «И что человеку делать в космосе?»* (А. Волков).

- *Так начинался день – не то сон, не то сплошная **мечта**, – очаровательный и призрачный* (А. Толстой).

Человеку больно видеть крушение мечты:

- *Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собой роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся – **мечта** исчезает... остаётся удвоенный голод и отчаяние!* (М.Ю. Лермонтов).

- *Больно было мне расставаться с моими **мечтами** – и наконец с горькими слезами расстался я с ними, как младенец с игрушками* (В. Белинский).

- *Давняя великая **мечта** о просвещении народа сейчас кажется не более реальной, чем попытка целиком зажарить быка на огне свечи* (Ф. Искандер).

Люди понимают, что мечта недостижима, но она дает силы и украшает жизнь:

- *Вот и сегодня утром: снова слышу запах чайной розы на лестнице, выхожу на улицу, и туманный день расцветает сказкой, которую создала причудливая **мечта** поэта. И красивое стихотворение создано, но я его забыл, когда вернулся домой. А пока шел, был почти счастлив* (С. Волков).

- *Бэкон и Филонов, каждый по своему, надеялись перехитрить природу творчества. Это была великая **мечта**. Оттого ли их проигрыш так похож на победу?* (А. Беляков).

- *Может же быть у меня что-то свое, совсем свое... Как чудесная, как несбывшаяся **мечта**, понимаешь? Может же кто-нибудь, хоть кто-нибудь слышать несбывшуюся мечту!* (А. Крамер).

- *Надеюсь и верю, что получится достучаться хоть до кого-то и это поможет спасти калининградские руины от полного исчезновения. Наивная такая **мечта**. Нужна всего лишь качественная консервация, чтобы они простояли ещё пару сотен лет* (С. Демская).

Мечтателей часто осуждают за отрыв от реальности:

- *Глупости!* – заговорили деревья, и все разом начали доказывать *Attale'e*, что она предлагает ужасный вздор. – Несбыточная **мечта!** – кричали они, вздор, нелепость! Рамы прочны, и мы никогда не сломаем их, да если бы и сломали, так что ж такое? (Вс. Гаршин).

- Не только **мечта** о блестящем телесюжете на его глазах накрывалась медным тазом – распадалась на куски и фантомы картина привычного мира, возникало монструозное впечатление, что на телеэкране блистал один ребенок, а перед журналистом стоял совершенно другой! (Е. Сафронова).

В ряде случаев оторванность от реальности оценивается иронически:

- *Вот так сбылась древняя **мечта** всех бездельников – расслабиться и видеть сны всю жизнь, без вреда для здоровья* (В. Пелевин).

Стремление воплотить мечту в жизнь является важным отличительным признаком коммунистической идеологии:

- *Эта была его давняя **мечта**, он верил, что сельскохозяйственный коммунистический труд приведёт к Царству Божьему на земле* (В. Гроссман).

- *...поэт Маяковский в самые, быть может, тяжелые времена жизни Кузнецкстроя, в момент, когда приехавшая на строительство первая комиссия «распушила» нас в пух и прах, написал свой «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», заканчивавшийся словами: «Я знаю – город будет, Я знаю, саду – цветсть, Когда такие люди в стране советской есть». Этим он поддержал наш дух, и мы продолжали начатое дело и считали его самым главным в осуществлении нашей **мечты**. Этой **мечтой** мы жили в течение многих, многих лет, и лишь при советской власти нам удалось осуществить ее, построив собственными руками в далекой Сибири металлургический завод-гигант* (И. Бардин).

Идеологически значимым является содержание мечты:

- *Нельзя себе представить советского писателя, оторванного от советской питательной среды. Нам кажутся очень наивными житейские идеалы некоторых дореволюционных писателей. Собственная вилла на берегу Черного моря, автомобиль. Все это, право же, ничего общего не имеет с нашими **мечтами**, нашими идеалами* (М. Шолохов).

Таким образом, в русской лингвокультуре подчеркивается позитивный смысл мечты как ориентации на идеал. Вместе с тем подвергается критике оторванность мечтателей от реальности.

Контекстуальное уточнение концепта 'dream' / 'мечта' в английской лингвокультуре было проанализировано на материале текстов художественной литературы и публицистики, размещенных в сети «Интернет» и на сайте Британского национального корпуса (<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>).

Охарактеризованы объекты мечты:

- *Despite his plush accommodations, he had always **dreamed** of owning a riverside apartment on L'le Saint-Louis, where he could rub shoulders with the true cognoscenti, rather than here, where he simply met the filthy rich* (D. Brown) / *Несмотря на свое шикарное жилье, он всегда мечтал жить в квартире на набережной Сен-Луи, где можно каждый день встречаться со знатоками, а не с этими противными богачами.*

- *...those women who at that time of night are solitary – solitary and moving eastward in a stream – swung slowly along, with expectation in their gait, **dreaming** of good wine and a good supper, or – for an unwonted minute, of kisses given for love* (J. Galsworthy) / *...эти женщины, которые идут одиноко в это время ночью – одиноко двигаясь в восточном направлении – медленно, с надеждой, мечтая о хорошем вине и хорошем ужине или – подсознательно – о поцелуях любви.*

- *Two or three of their number, as I was assured, being gouty and rheumatic, or perhaps bedridden, never **dreamed** of making their appearance at the Custom-House, during a large part of the year* (N. Hawthorne) / *Двое или трое из их числа, как меня уверили, страдали от подагры и ревматизма или, возможно, были прикованы к постели, и не могли даже мечтать о том, чтобы появиться в таможне в течение года.*

- *Mike's **dream** of a home for himself, his girlfriend and son has disappeared* (The Daily Mirror) / *Мечта Майка о доме для себя, своей подружки и сына исчезла.*

- *Playing in a Wembley final has always been a **dream** of mine and I think Saints can get there this season* / *Играть в финале кубка Уэмбли всегда было моей мечтой, и я думаю, команда «Сейнтс» в этом сезоне туда попадет.*

Мечта может составлять смысл жизни:

- *After a long moment, a knowing smile crossed Langdon's face. He knows! Teabing's heart craved that knowledge. His life's **dream** was right in front of him* (D. Brown) / *Через некоторое время на лице Лэнгдона появилась понимающая улыбка. Он знает! Тибинг всем сердцем желал получить это знание. Мечта всей его жизни была прямо перед ним.*

Акцентируется разрыв между мечтой и реальностью:

- *Are you still **dreaming** of finding your stupid treasure map? – It's no **dream**, Maud. I'm going to find it someday. – No you won't you never will because what you're looking for doesn't exist. What exists is chaos seen through a blind man's eyes and an imbecile's brain* (E. Whittermore) / *Ты все еще мечтаешь найти свою дурацкую карту сокровищ? – Это не мечта, Мод. Когда-нибудь я ее найду. – Нет, не найдешь ты ее никогда, потому что того, что ты ищешь, не существует. Существует только хаос в глазах слепца и в мозгу идиота.*

- *This scheme, it is hardly necessary to say, is a mere **daydream**, impossible of realization* (G. Orwell) / *Такая схема, вряд ли об этом стоит говорить, является всего лишь мечтой, которую невозможно реализовать.*

• *To return to the agricultural past, as some thinkers about the beginning of the twentieth century **dreamed** of doing, was not a practicable solution (G. Orwell) / Вернуться к сельскому укладу прошлой жизни, как об этом мечтали некоторые мыслители начала двадцатого века, было неосуществимым планом.*

• *His **dream** is only an illusion and he knows it cannot be realised / Его мечта – только иллюзия, и он знает, что ее невозможно воплотить в жизнь.*

Раскрывается сущность мечты как идеала:

• *I believe that if one man were to live out his life fully and completely, were to give form to every feeling, expression to every thought, reality to every **dream** – I believe that the world would gain such a fresh impulse of joy that we would forget all the maladies of mediaevalism, and return to the Hellenic ideal – to something finer, richer than the Hellenic ideal, it may be (O. Wilde) / Я думаю, если бы люди могли жить полной и совершенной жизнью, могли бы дать форму каждому чувству, выражение каждой мысли, реальность каждой мечте – я думаю, мир бы получил такой свежий импульс радости, что мы бы забыли о всех болезнях средневековья и вернулись бы к греческому идеалу, и может быть, к чему-то более тонкому и богатому, чем греческий идеал.*

• *My **daydreams**, my conceptions of how things should be, were invariably grandiose, and I labored at them prodigiously and always secretly (J. Barth) / Мои мечты, мои представления о том, как должны обстоять дела, были неизменно грандиозными, и я взращивал их упорно и в секрете.*

• *He also said that there's no reason to give up the **dream** of economic growth but then there you go / Он также сказал, что нет смысла отказываться от мечты об экономическом росте, но потом получилось так, как получилось.*

• *The perfect world they sought lay in the individual and not in any **dream** of an idyllic country life / Прекрасный мир, который они искали, заключался в личности, а не в мечте об идиллической сельской жизни.*

Вместе с тем подчеркивается, что мечты могут осуществляться при должных усилиях:

• *Less than 200 years ago Singapore was a swamp, infested by man-eating tigers, murderous pirates and mosquitoes. Then along came an entrepreneurial Yorkshireman called Thomas Stamford Raffles. He realised that this steamy tropical island with its huge natural harbour, just 80 miles north of the equator, was perfectly placed to become the British Empire's power-base in the East. Within a few years Raffles had realised his **dream**. The swamps were drained and the pirates were chased out (The Daily Mirror) / Менее 200 лет тому назад Сингапур был болотом, в котором жили тигры-людоеды, кровожадные пираты и комары. Затем там оказался предприимчивый йоркширец по имени Томас Стэнфорд Рэффлз. Он понял, что этот знойный тропический остров с его огромной естественной гаванью всего лишь в 80 милях*

от экватора прекрасно подходит для того, чтобы стать базой Британской империи на востоке. За несколько лет Рэффлз реализовал свою мечту. Болота были осушены, а пираты изгнаны.

- *The prize is great, the hope invigorating, the **dream** attainable. We want, with you, to make the **dream** a reality / Приз велик, надежда бодрит, мечта исполнима. Мы хотим вместе с вами воплотить мечту в реальность.*

Разбитые мечты заставляют людей страдать:

- *He is one of the less famous victims among the tens of thousands of small businessmen who are suffering all over the land as a Tory **dream** turns into a nightmare. He and his wife toiled almost round the clock for seven years to make a success of their T-shirt design and print business – only to land on the scrapheap (The Daily Mirror) / Он – один из менее известных жертв среди десятков тысяч мелких бизнесменов, которые пострадали во всей стране, когда мечта тори превратилась в кошмар. Он и его жена работали, не покладая рук семь лет, продвигая свой бизнес в дизайне и печати на футболках, и в итоге оказались на свалке.*

Показано, что мечта порой граничит с отклонением от психической нормы:

- *As to Mrs. St. Clair's assertion that she had actually seen her husband at the window, he declared that she must have been either mad or dreaming (A. Conan Doyle) / Что касается утверждения миссис Сен-Клэр, что она действительно видела своего мужа в окно, то он заявил, что она, наверно, сошла с ума или грезилась наяву.*

Приведенные примеры свидетельствуют о значительном совпадении характеристик мечты в русской и английской языковых картинах мира: этот концепт осмысливается как нечто желаемое, но вряд ли достижимое, некоторая специфика англоязычного понимания мечты состоит в акцентировании усилий для ее осуществления и понимания мечты как недостижимого идеала.

Ценностные характеристики концепта 'мечта'

В языковом сознании современных носителей русского языка представлены следующие реакции на основной лексический способ выражения рассматриваемого концепта:

- стимул – мечта: голубая (15); жизни (7); моя (5); сбылась (4); жизнь, идиота, несбыточная, розовая (3); заветная, любовь, полет, поэта, светлая (2); Америка, бледнеет, большая, будущее, вечная, всей жизни, высокая глупая, давняя, день, детства, ерунда, звезда, ирреальная, исполнилась, конфеты, Ленина, летать, мечтать, моей жизни, нанайца, недостижимая, недостижимое, неосуществимая, нет, нудная, о былом, о ней, о нём, о принцессе, осуществилась, осуществится, печаль, планы, поэт, птица, романтика, сбудется, сбывается, свершилась, сладкая, сон, твое, ушла, фантазия, хрусталь, цель (всего 102 реакции; РАС, с. 320);

• стимул – мечта: *желание* (9); *мечта сбывается* (8); *несбыточная, о будущем* (6); *надежда, фантазия, цель* (5); *голубая, счастье* (4); *всей жизни* (3); *воображение, Газпром, заветная, идиота, моя, розовая* (2); *американская, белая, гвозди, глупость, грёзы, дом, желаемое, заветная, задумано, звезда, идеал, исполнение, корабль, крылатая, «куда приводят мечты», метла, милый, море, мужик, мысль, не вредно, нет, Нью-Йорк, обидеться, облако, осуществимая, пони, поэта, прекрасная, радость, радуга, свет, светлая, сокровенная, сон, стремление, у каждого человека, фирма, хорошо* (1); *отказ* (7) (всего 113 реакций; АСУРЛ, с. 100);

• стимул – мечтать: *думать* (20); *не вредно* (8); *летать, мысли, фантазировать* (4); *желать, облака* (3); *деньги, желание, задуматься, звезды, машина, мечта, мотоцикл, небо, о главном, о машине, планы, представлять, прекрасно, сон, фантазия* (2); *бессонница, бред, будущее, воображать, вороны, вспоминать, выдумка, жизнь лучшая, загадывать, кайфовать, классно, летать в облаках, лететь, любить, мечты, мозги забивать, мысли о хорошем, о всем, о друге, о жизни, о любви, о прекрасном, о путешествии, о хорошем, о экзамене, о юбке, облако, отвлечься, подарок, полет, придумывать, прикольно, размышления, самолет, сидеть, сочинять стихи, стремление, счастье, хорошо, хотеть, цель* (1) (всего 143 реакции; РАСШ, с. 225).

Приведенные данные показывают, что в реакциях преобладают оценочные ассоциации (положительные и отрицательные оценки, при этом отчетливо видны иронические переосмысления положительной оценки), с одной стороны, и конкретные воплощения мечты, с другой стороны. Прослеживается ассоциативная динамика осмысления мечты в зависимости от возраста респондентов: школьники не думают о неосуществимых и неосуществленных мечтах, у старших респондентов появляются определения мечты как ирреальной и несбыточной.

Ценностные характеристики рассматриваемого концепта были уточнены на материале пословиц и афоризмов (Афоризмы 2006; Даль 2009; Жуков 1991; Соболев 1983; Simpson 1985).

В русских паремиях показано, что мечта украшает жизнь: *Человек без мечты, что птица без крыльев; Без мечты не проживёшь; Плох тот солдат, который не мечтает в генералы; Один лишь чёрт без мечты живёт.*

Следует видеть границу между мечтой и реальностью: *Не всё сбывается, о чём мечтается; Много думается, да не всё то сбудется; Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.*

Содержание мечты говорит о сути человека: *Дурак мечтает о богатстве, мудрец – о счастье.*

Английские пословицы о мечтах резко уступают в количественном отношении соответствующим русским речениям. Сказано о противоречивости мечтаний и о том, что они должны быть своевременными: *Dreams*

go by contraries / Мечты противоречат друг другу; To dream of things out of season is trouble without reason / Мечтать о чем-то вне сезона – одно расстройство без резона.

В отличие от пословиц, афоризмы о мечтах весьма многочисленны. Считается, что афористика интернациональна и носит личностный характер. Полученные нами результаты наблюдений позволяют немного уточнить тезис об отсутствии этнокультурной специфики у таких речений. Приведем основные предписания поведения, высказанные авторами из разных стран.

Следует знать, что мечты делают жизнь осмысленной: *Вечен только мир мечты* (В. Брюсов); *Именно в мечтах рождаются новые идеи... Добиться исполнения мечты – в этом величайший смысл жизни человека...* (А. Яковлев); *Мечты – это краеугольные камни нашего характера* (Г. Торо); *Если ты построил воздушные замки, это вовсе не значит, что твой труд пропал напрасно: именно так и должны выглядеть настоящие замки. Осталось лишь подвести под них основание* (Г. Торо); *Ничто так не способствует созданию будущего, как смелые мечты. Сегодня утопия, завтра – плоть и кровь* (В. Гюго); *Разум человеческий владеет тремя ключами, открывающими всё: цифрой, буквой, нотой. Знать, думать, мечтать. Всё в этом* (В. Гюго); *Мечта могущественнее реальности. И может ли быть иначе, если сама она высшая реальность? Она душа сущего* (А. Франс); *Мечты придают миру интерес и смысл. Мечты, если они последовательны и разумны, становятся еще прекраснее, когда они создают реальный мир по своему образу и подобию* (А. Франс); *Мечты – не уход от действительности, а средство приблизиться к ней.* (У.С. Моэм); *Если отнять у человека способность мечтать, то отпадет одна из самых мощных побудительных причин, рождающих культуру, искусство, науку и желание борьбы во имя прекрасного будущего* (К. Паустовский); *Надо мечтать как можно больше, как можно сильнее мечтать, чтобы будущее обратить в настоящее* (М. Пришвин); *Мечта есть высшая жизнь, рождаемая самой жизнью, творческое самосовершенствование и самоподъятие жизни* (С. Франк); *Бриллиант – это кусочек угля, которому удалось претворить свои мечты в действительность* (Анон.); *Когда мы уже больше не можем мечтать, мы умираем* (Э. Голдман).

Следует знать, что для воплощения мечты в жизнь нужно действовать: *Все люди действия – мечтатели* (Дж. Хьюнекер); *За каждым большим достижением стоит великий мечтатель* (Р. Гринлиф); *Мечта – это только мечта, цель – это мечта, у которой есть план и срок* (Х. Маккей); *Вы никогда не осуществите вашу мечту, если она не станет целью* (Анон.); *Единственное отличие мечты от достижения – это напряженная работа* (К. Болвидж); *Выстрой мечту, и мечта выстроит тебя* (Р. Шулер); *Ваши способности будут расти под стать вашим мечтам* (Дж. Рон); *Самые великие достижения когда-то были мечтами* (Дж. Аллен); *Стремись*

ввысь, ибо звёзды спрятаны в твоей душе, умеи мечтать, ибо мечты лежат в основе цели (П. Старр).

Обратим внимание на то, что предписание действовать для реализации мечты высказано только в англоязычных афоризмах.

Следует знать, что для осуществления мечты нужна смелость: *Познай себя, верь в Бога и дерзай мечтать* (Дж. Сэлли); *Нет пределов нашим мечтам* (Дж. Симмонс); *Вы можете достичь всего в жизни, если у вас есть смелость об этом мечтать, ум, чтобы построить реалистичный план, и воля довести начатое до конца* (С. Фридман); *Не бойтесь пропастн между мечтой и реальностью – если у вас есть мечта, вы одержите победу* (Б. Дейвис); *Живите великой мечтой и не бойтесь поражений* (Н. Воган).

Следует знать, что в мечту нужно верить: *Если вы верите в себя и умеете мечтать, всё возможно* (Анон.); *Будущее принадлежит тем, кто верит в красоту своей мечты* (Э. Рузвельт); *Верь в невозможную мечту, сражайся с непобедимым врагом, стремись до последнего дыхания к недостижимой звезде* (Анон.); *Прежде, чем ваши мечты осуществятся, нужно, чтобы они у вас появились* (Дж. Джойс); *Тот, кто добился успеха, это мечтатель, в которого кто-то верил* (Анон.).

Следует знать, что мечта не равна реальности: *Мечта хороша и полезна, если только не забывать, что она – мечта* (Э. Ренан); *То, о чем человек мечтает, почти никогда не сбывается* (Л. Витгенштейн); *Мечтатель сильнее всего ощущает реальность: слишком часто он падает с неба на землю* (К. Ижиковский); *Мечта – это замок, существующий лишь до тех пор, пока его не начали строить* (В. Гжегорчик).

Следует знать, что неисполненные мечты доставляют боль: *Шутить с мечтой опасно; разбитая мечта может составить несчастье жизни; гоняясь за мечтою, можно прозевать жизнь или в порыве безумного воодушевления принести ее в жертву* (Д. Писарев); *Мечтатели одиноки* (Э. Бомбек).

Следует знать, что мечты притягательны: *Природа устроила так, что питать иллюзии свойственно не только безумцам, но и мудрецам: в противном случае последние слишком сильно страдали бы от собственной мудрости* (Н. Шамфор); *В старости больше тоскуешь о мечтах своей юности, чем о ее счастье* (М. Эбнер-Эшенбах); *Даже когда уже не веришь в свои мечты, не можешь с ними расстаться* (Э. Рей).

Следует знать, что мечты могут принести вред людям: *Существуют бесталанные мечтатели, и тогда они действительно опасные люди* (Г. Лихтенберг).

Следует держать свои мечты под контролем: *Учись мечтать, не став рабом мечтанья* (Р. Киплинг).

Следует знать, что мечта не должна быть слишком приземленной: *Убога мечта, которая может сбыться целиком* (А. Кумор).

Афоризмы о мечте подчеркивают ее значимость и важность, доминирует позитивная оценка мечты, в них содержится призыв действовать для осуществления задуманного, не бояться трудностей и верить в себя. Обращает на себя внимание высокий градус патетичности таких высказываний.

Дискурсивные характеристики концепта 'мечта' в поэзии

Поскольку мечта в значительной мере представляет собой идеал, к которому люди стремятся, логично предположить, что ее осмысление должно быть активно представлено в поэзии.

В русской классической поэзии доминирует оценка мечты как бесплодных попыток оторваться от реальности: *На свете счастья нет, но есть покой и воля / Давно завидная мечтается мне доля / Давно, усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальнюю трудов и чистых нег* (А. Пушкин); *Я предавал мечтам свой юный ум / И праздномыслить было мне отрада* (А. Пушкин); *Пред ним исчезли упоенья / Мечты бесплодной и пустой* (М. Лермонтов); *Но тщетны мечты, бесполезны мольбы / Против строгих законов судьбы* (М. Лермонтов); *Так мчалась юность бесполезная / В пустых мечтах изнемогая...* (А. Блок); *Все бесстрастно, сумрачно и немо / О, мечты – бесплодный труд Сизифа!* (Г. Иванов); *Теперь мечты бесплодны / И не о чем вздыхать* (Г. Иванов).

Отмечено, что мечты украшают жизнь: *Ах! кто о прежних днях порой не вспоминал? / Кто жизнь печальную мечтой не украшал?* (Е. Боратынский); *И юношеских лет прекрасные мечты* (Н. Некрасов); *Пускай роскошные мечты / Вас подарят годами счастья* (Н. Некрасов); *Так вот каков великий пир Культуры! / Там гибнут люди – здесь играют в гибель! / Здесь песней золотою покупают / Достоинство и разум, честь и долг... / Так вот куда нас привели века Возвышенных, возвышенных мечтаний?* (А. Блок); *Даже словом иль делом пускай согрешу / Благородством мечты я оправдан навек* (А. Волохонский).

Вместе с тем подчеркивается, что мечты обманчивы: *Но ты обманом наградила / Мои надежды и мечты* (М. Лермонтов); *Что же делать, если обманула / Та мечта, как всякая мечта* (А. Блок); *Я тот, кто, полюбив людей и человека / В сердечных тайниках прочел / Что лживы все мечты, желанья, помышленья / Все, кроме смутной жажды обновленья* (Н. Минский).

Высказано убеждение в том, что нужно беречь свою мечту: *Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои!* (Ф. Тютчев); *Нельзя мечту свою хватать руками, / Нельзя мечту свою держать в руках!* (М. Цветаева).

В стихотворениях советских поэтов можно видеть иное, романтическое и патетическое осмысление мечты: *Мы нашим мечтам не изменим / Мы все остаемся в строю / И внук мой с благоговеньем / Поднимет фуражку мою* (М. Светлов); *Я отворяю окна, ставни, двери / Чтобы врывался горький ветер мира / И славная, жестокая земля / Срывала вороватые прикрасы / Ненастоящих, непростых мирков / Которые зовутся личным счастьем / Лирической мечтой об удаче / И красной чашкой, и уменьем*

жить (В. Луговской); *Мы без мечты немислимы / Бессильны / Но если исполняется она / за ней – как ослепление – / другая!..* (Р. Рождественский); *Мы – / рождённые песней победы – / начинаем / жить и мечтать! / Именем солнца, именем Родины / клятву даём / Именем жизни клянёмся павшим героям: / то, что отцы не допели, – / мы допоём! / То, что отцы не построили, – / мы построим!* (Р. Рождественский).

Подобное отношение к мечте четко выражено и в песнях советской эпохи: *Дети разных народов / Мы мечтою о мире живем / В эти грозные годы / Мы за счастье бороться идем* (Л. Ошанин); *Мечтать! Надо мечтать / Детям орлиного племени! / Есть воля и смелость у нас, чтобы стать / Героями нашего времени!* (С. Гребенников, Н. Добронравов); *Судьбы народов, мечты поколений / Провидел он взором орлиным своим / Бессмертный, как жизнь, вечно жить будет Ленин / В делах мудрой Партии, созданной им* (Ю. Каменецкий).

Отношение к мечте существенно изменилось в современной русской поэзии: *Эта воля пахнет уголовщиной / коноплей, растленьем малолеток / Помечтали? Стали новой общиной? / Въехали в театр марионеток* (И. Фаликов); *Что делать?.. Быть собой. Никем другим. Иначе Вы станете никем и, ничего не знача / Сопрётесь в порошок, но прежде сами, сами / Отравитесь мечтой, чужими чудесами* (Ю. Мориц).

Отчетливо прослеживается ироническое отношение к мечте в интернет-поэзии: *мечты сбываются – однако по крайне маленькой цене* (В. Поляков); *вы в чём храните сбереженья? я например храню в мечтах* (В. Поляков); *недорого и очень срочно продам надежды и мечты которые дала мне глупость и ты* (С. Ромич).

В англоязычной поэзии отношение к мечте осмыслено как движение к недостижимому идеалу: *Since now, our dream of bliss is past* (G. Byron) / *С этого момента наша мечта о счастье осталась позади; Thro' the jostle and din / Wandering, he revels / Dreaming, desiring, possessing* (W. Henley) / *Сквозь толкотню и шум странствий он наслаждается жизнью, отдаваясь мечтам, желаньям, обретеньям; Hide and seek, says I / To myself, and step / Out of the dream of Wake / Into the dream of Sleep* (W. de la Mare) / *Сыграем в прятки, – сказал я себе, / И вот я там, где видна / Дорожка из сладких мечтаний Дня / В сладкую грёзу сна* (пер. В. Лунина).

Мечта – это побег от реальности: *Eleanor Rigby pick up the rice in the church where a wedding has been, lives in a dream* (J. Lennon, P. McCartney) / *Элинор Ригби в церкви на свадьбе чужой подбирает цветы – Сны да мечты...* (пер. М. Бородицкой).

Мечта непостижима логикой: *But still for love the silly spirit pines In searching for the logic of its dream* (J. Wain) / *Но все еще тщится глупый дух обрести любовь, найти логику ее мечты.*

Мечты не радуют: *Life's evening dream is dark and dull* (G. Byron) / *Мечты вечера жизни мрачны и скучны; The forehead charged with baleful*

thoughts and dreams (R. Kipling) / На лбу *omneчатались* печальные мысли и грёзы; *Blindly and bloodily we drift, Our interests clog our hearts with dreams* (J. Masefield) / Слепо и задумчиво мы плывём, и то, что влечет нас, опутывает наши сердца мечтами.

Мечты лежат в основе творчества: *Fictions and dreams inspire the bard* (G. Byron) / Вымыслы и мечты вдохновляют барда; *...being dead, we rise, Dream and so create Translunar Paradise* (W. Yeats) / ...мертвые, мы встаем, мечтаем и творим космический рай.

Следует контролировать свои мечты: *If you can dream – and not make dreams your master* (R. Kipling) / Умей мечтать, не став рабом мечтанья (пер. М. Лозинского).

Таким образом, дискурсивное поэтическое осмысление мечты в целом соответствует ее концептуализации в обиходном сознании, этнокультурная специфика отношения к мечтам в русском и английском языках совпадает применительно к личностному переживанию мечты как прекрасного, но недостижимого идеала. Существенное различие в осмыслении мечты носит идеологический характер, проявляясь в советской гражданской поэзии: мечта смыкается с целью, к которой следует стремиться.

Заключение

Отношение к мечте как переживаемому результату воображения отражает принципиальные установки индивидуального и коллективного осмысления потенциальной реальности. Эти установки сводятся к пониманию различия между воображением и действительностью, к противоположной оценке воображаемого положения дел и дают возможность выделить два основных вектора в осмыслении мечты – с позиций практика либо романтика. Для практика важно видеть различие между воображением и реальностью, и поэтому с позиций практика заслуживают осуждения те, кто игнорируют это различие. При этом практик понимает, что для выполнения мечты необходимы усилия. Отношение романтика к мечте выражается в восхищении прекрасным воображаемым миром. Столкновение с реальностью приводит романтика в уныние, воплощение мечты в действительность с этих позиций принципиально недостижимо. Такая созерцательная установка находит полное и последовательное выражение в поэтическом дискурсе.

Список литературы

- Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты: моногр. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
- Воркачев С.Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: моногр. Волгоград: Парадигма, 2014. 330 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

- Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: моногр. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
- Куссе Х.* Культуроведческая лингвистика. Введение: пер. с нем. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2016. 368 с.
- Макаренко Л.М.* Ценностный смысл DREAM и его репрезентация в лексико-семантической системе английского языка и дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2014. 21 с.
- Макович Т.В.* Мечта в русском языке и русском сознании // *Язык. Система. Личность*. Екатеринбург, 2000. С. 96–99.
- Мальнева Е.Ю.* Концепт DREAM в идиостиле Эдгара Алана По: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012. 22 с.
- Радбиль Т.Б.* Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
- Сергеев С.А.* Особенности объективации концепта «мечта» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 20 с.
- Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: моногр. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
- Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры: опыт исслед. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Стернин И.А.* Описание концепта в лингвоконцептологии // *Лингвоконцептология*. Воронеж: Истоки, 2008. Вып. 1. С. 8–20.
- Хлебодарова А.Г.* Актуализация ценностных доминант личностно ориентированного дискурса мечты в британской и американской культурах // *Вестник МГЛУ*. 2015. № 21 (732). С. 151–159.
- Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Источники

- Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: ок. 5000 синон. рядов: более 20 000 синонимов. 8-е изд., стер. М.: Русские словари: АСТ: Астрель, 2006. 667 с.
- АСУРЛ* – Ассоциативный словарь употребительной русской лексики / науч. ред. А.В. Рудакова, И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2011. 187 с.
- Афоризмы 2006* – Афоризмы. Золотой фонд мудрости / сост. О.Т. Ермишин. М.: Просвещение, 2006. 1695 с.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 2009. 814 с.
- Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. 537 с.
- РАС* – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: Астрель: АСТ, 2002. Т. 1: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. 781 с.
- РАСШ* – Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 т. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. Т. 1: От стимула к реакции / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, О.А. Мартыанов. 499 с.
- СД* – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1994.
- Соболев 1983* – Русские пословицы и поговорки / сост. А.И. Соболев. М.: Советская Россия, 1983. 304 с.

- ССРЛЯ* – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. 1459 с.
- ССРЯ* – Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970.
- ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М.: АСТ, 2003. 1582 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 624 с.
- AHDEL* – The American Heritage Dictionary of the English Language. 5th ed. Houghton, 2018. 2112 p.
- Klein E.A.* Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam: Elsevier, 1966. 1776 p.
- LDCE* – Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow; London, 1978. 1303 p.
- OED* – Oxford English Dictionary. 2nd ed. CD-ROM (v. 4.0). Oxford University Press, 2009.
- Simpson J.* The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 1985. 256 p.
- WNDS* – Webster's New Dictionary of Synonyms / Ed. in Chief P.B. Gove. Springfield, Mass.: Merriam, 1978. 909 p.

References

- Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Moscow, Gnozis publ., 390 p. (in Russian).
- Khlebodarova, A.G. (2015), Updating of the personal dream discourse valuable dominants in British and American cultures. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, No. 21 (732), pp. 151-159. (in Russian).
- Krasavskii, N.A. (2008), *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoï i russkoï lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures], Monograph, Moscow, Gnozis publ., 374 p. (in Russian).
- Kusse, Kh. (2016), *Kul'turovedcheskaya lingvistika. Vvedenie* [Culturological linguistics. Introduction], translated from German, Kazan, Kazan State University publ., 368 p. (in Russian).
- Makarenko, L.M. (2014), *Tsennostnyi smysl DREAM i ego reprezentatsiya v leksiko-semanticheskoi sisteme angliiskogo yazyka i diskurse* [The value sense of DREAM and its representation in the lexico-semantic system of the English language and discourse], Author's abstract, Barnaul, 21 p. (in Russian).
- Makovich, T.V. (2000), *Mechta v russkom yazyke i russkom soznanii* [Dream in the Russian language and Russian consciousness]. *Yazyk. Sistema. Lichnost'* [Language. System. Personality], Yekaterinburg, pp. 96-99. (in Russian).
- Mal'neva, E.Yu. (2012), *Kontsept DREAM v idiostile Edgara Alana Po* [DREAM concept in the idiostyle of Edgar Alan Poe], Author's abstract, Irkutsk, 22 p. (in Russian).
- Radbil', T.B. (2017), *Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya* [Language and the world: paradoxes of mutual reflection], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 592 p. (in Russian).

- Sergeev, S.A. (2005), *Osobennosti obyektivatsii kontsepta "mechta" v russkoi yazykovo-kartine mira* [Features of objectification of the concept "dream" in the Russian linguistic picture of the world], Author's abstract, Novosibirsk, 20 p. (in Russian).
- Shmelev, A.D. (2002), *Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'* [Russian language and non-linguistic reality], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 496 p. (in Russian).
- Slyshkin, G.G. (2004), *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural concepts and meta-concepts], Monograph, Volgograd, Peremena publ., 340 p. (in Russian).
- Stepanov, Yu.S. (1997), *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture], Research experience, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 824 p. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2008), *Opisanie kontsepta v lingvokontseptologii* [Description of the concept in linguo-conceptology]. *Lingvokontseptologiya* [Linguo-conceptology], Iss. 1, Voronezh, Istoki publ., pp. 8-20. (in Russian).
- Vorkachev, S.G. (2014), *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta* [Embodiment of meaning: conceptualia selecta], Monograph, Volgograd, Paradigma publ., 330 p. (in Russian).
- Werzhbicka, A. (2011), *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts], Monograph, Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur publ., 568 p. (in Russian).

Sources

- Abramov, N. (2006), *Dictionary of Russian synonyms and expressions similar in meaning*, about 5,000 synonymous series, over 20,000 synonyms, 8th ed., Moscow, Russkie slovari publ., AST publ., Astrel' publ., 667 p. (in Russian).
- Chernykh, P.Ya. (1999), *Historical and etymological dictionary of the Russian language*, in 2 volumes, Moscow, Russkii yazyk publ., Vol. 1, 624 p. (in Russian).
- Dal, V.I. (2009), *Proverbs of the Russian people*, Moscow, Eksmo publ., 814 p. (in Russian).
- Dal, V.I. (1994), *Explanatory Dictionary of the Great Russian Language*, in 4 volumes, Moscow, Terra publ. (in Russian).
- (1957), *Dictionary of the modern Russian literary language*, in 17 volumes, Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR publ., Vol. 6, 1459 p. (in Russian).
- Dmitriev, D.V. (ed.) (2003), *Explanatory dictionary of the Russian language*, Moscow, AST publ., 1582 p. (in Russian).
- Ermishin, O.T. (comp.) (2006), *Aphorisms. Golden Fund of Wisdom*, Moscow, Prosveshchenie publ., 1695 p. (in Russian).
- Evgen'eva, A.P. (ed.) (1970), *Dictionary of synonyms of the Russian language*, in 2 volumes, Leningrad, Nauka publ. (in Russian).
- Fasmer, M. (1986), *Etymological dictionary of the Russian language*, in 4 volumes, Moscow, Progress publ. (in Russian).
- Gol'din, V.E., Sdobnova, A.P., Mart'yanov, O.A. (2011), *Russian associative dictionary: associative reactions of schoolchildren in grades I-XI: From stimulus to reaction*, in 2 volumes, Saratov, Saratov University publ., Vol. 1, 499 p. (in Russian).

- Gove, P.B. (ed.) (1978), *Webster's New Dictionary of Synonyms*, Springfield, Mass., Merriam publ., 909 p.
- Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V., Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. (2002), *Russian associative dictionary. From stimulus to reaction*, about 7,000 incentives, in 2 volumes, Moscow, Astrel' publ., AST publ., Vol. 1, 781 p. (in Russian).
- Klein, E.A. (1966), *Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*, Amsterdam, Elsevier publ., 1776 p.
- Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998), *The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language*, St. Petersburg, Norint publ., 1536 p. (in Russian).
- (1978), *Longman Dictionary of Contemporary English*, Harlow, London, 1978, 1303 p.
- (2009), *Oxford English Dictionary*, 2nd ed., CD-ROM (v. 4.0), Oxford University Press.
- Rudakova, A.V., Sternin, I.A. (eds.) (2011), *An associative dictionary of common Russian vocabulary*, Voronezh, Istoki publ., 187 p. (in Russian).
- Simpson, J. (1985), *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*, Oxford, Oxford University Press, 256 p.
- Sobolev, A.I. (comp.) (1983), *Russian proverbs and sayings*, Moscow, Sovetskaya Rossiya publ., 304 p. (in Russian).
- (2018), *The American Heritage Dictionary of the English Language*, 5th ed., Houghton, 2112 p.
- Zhukov, V.P. (1991), *Dictionary of Russian proverbs and sayings*, Moscow, Russkii yazyk publ., 537 p. (in Russian).

COLLECTIVE AND PERSONAL VECTORS OF DREAMS UNDERSTANDING

V.I. Karasik¹, E.A. Kitanina²

^{1*,2} *Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)*

^{1**} *Tianjin Foreign Studies University (Tianjin, China)*

Abstract: The paper deals with a comparative description of attitudes to dreams understanding as emotionally reflected result of imagined perception of the reality which reflects basic individual and collective values as fixed in linguistic consciousness and communicative behavior. The analyzed material includes the data taken from various Russian and English dictionaries, social and political journalism. The orientations in understanding the difference between imagination and reality consist in a contradictory evaluation of the imagined states of things and make it possible to distinguish two basic vectors used to conceptualize dreams – from Doer or Romanticist's points of view. The former perceives the difference between imagination and reality and judges those who ignore this distinction, or turn a dream into a goal that requires certain efforts to make it true. This is the position of a Doer and it is ideologically grounded. A Romanticist admires the dreams but inevitably suffers a defeat and regards any dream as deception considers its implementation as futile. Such attitude to dreams characterizes the position of Contemplator and is often reflected in poetry.

Key words: dream, concept, value, discourse, language and culture studies.

For citation:

Karasik, V.I., Kitanina, E.A. (2021), Collective and personal vectors of dreams understanding. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 433-453. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).433-453. (in Russian).

About the authors:

¹ **Karasik, Vladimir Ilyich**, Prof., *Professor of the Department of General and Russian Linguistics, ** Professor

² **Kitanina, Ella Anatolyevna**, Prof., Head of the Department of General and Russian Linguistics

Corresponding authors:

^{1*}² Postal address: 6, Akademika Volgina ul., Moscow, 117485, Russia

^{1**} Postal address: 117, Machang Road, Hexi District, Tianjin, 300204, P.R. China

¹ E-mail: vkarasik@yandex.ru

² E-mail: ella_kitanina@mail.ru

Acknowledgements:

The work was supported by RFBR grant № 19-012-00609 A "The modern Russian axiological sphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code"

Received: April 25, 2021

Revised: May 24, 2021

Accepted: July 20, 2021

THE FUNCTION OF METACOMMUNICATIVE MARKERS IN RUSSIAN-SPEAKING COMMUNICATION (A SOCIOLINGUISTIC ASPECT)

T.I. Popova

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The article considers the use of metacommunicative pragmatic markers in the gender aspect, taking into account the social roles of the speaker. The research is carried out on the data of ORD corpus Russian Everyday Speech known as “One Speaker’s Day” corpus, based on transcripts of audio recordings obtained under actual conditions. The volume of the subsample is about 200,000 words. It features episodes of “speech days” by 15 women and 15 men of three age groups. The informants act in various social roles, opposed by the principle of symmetry/asymmetry. Pragmatic annotation of the material and further discursive analysis presented that metacommunication is actively used in the speech of speakers, but it is much more in the speech of women. At the same time, men use markers of this type (*slushai / davai segodnya / (m...m) v tishine provedyom den', potom na golodnyi zheludok eyo luchshe ne est' / znaesh'*) with specific speech tasks, for example, as a refusal (*slushai / u menya net deneg*), and in the speech of women the variability of metacommunicative markers is wider, but functional diversity is not observed. One of the features of Russian-speaking communication is the tendency to cooperate and maintain a dialogue in woman speech. From the point of view of feminist linguistics, this feature is directly related to the issues of the dependent position of a woman, since it records her passivity and the habit of yielding. There is a special form of language that is used only by women in some ethnic groups. However, it should be noted that more than half of the identified uses relate to the speech of women in the older age group (from 55 years), communicating with relatives and friends, while metacommunicative pragmatic markers become multifunctional and also act as a starting marker in the speech of representatives of the younger age group.

Key words: sociolinguistics, gender linguistics, corpus linguistics, oral speech, linguistic relativity, pragmatic marker, metacommunication, Russian-speaking communication.

For citation:

Popova, T.I. (2021), The function of metacommunicative markers in Russian-speaking communication (a sociolinguistic aspect). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 454-464. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).454-464.

About the author:

Popova, Tatiana Ivanovna, Graduate student of the Faculty of Philology

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: tipopova13@gmail.com

Acknowledgements:

The work was supported by the RFBR grant No. 17-29-09175 “Diagnostic Features of Sociolinguistic Variation in Everyday Spoken Russian (based on the Material of ‘One Speaker’s Day’ corpus)”

Received: March 19, 2021

Revised: April 17, 2021

Accepted: July 20, 2021

1. Introduction

In «The Second Sex» Simone de Beauvoir says that the formed perception makes the «female» features marked, and the male remains a kind of standard: «being a woman, if not a vice, then at least a trait» [Beauvoir 2017: 186]. There are features of negative evaluation of women and «femininity» in the language. For example, the transfer of evaluative signs typical for women (according to stereotypes) is used when required to negatively characterize the referent with male characteristics [Goroshko 2001: 520]. There is the concept of «female» logic, «female» films, and all this is marked by a clear negative connotation.

Indeed, «a man would never get the notion of writing a book on the peculiar situation of the human male» [Beauvoir 2017: 9]. So it is in language: there are ideas about how women speak, and how she should not speak: «You're a girl!». The «female narrative» is studied, while the unmarked narrative remains on the other side: «the implicit form of the gender aspect is associated with the linguistic actualization of the gender stereotype through lexical and semantic categories» [Zubenko 2020: 657].

But all this can only be attributed to the fact that there are certain stereotypes and certain social roles that prescribe a speaker and a special type of speech behavior too, for example, the role of the mother implies *a baby talk*.

In the process of communication there is a constant speech switching, in which, as it seems, «the success of communication largely depends on whether the speaker and the listener are sufficiently proficient in the forms of language suitable for this situation» [Krysin 2004: 430].

Thus, the speaker's possession of several speech codes is manifested at the level of his *social roles* (SR) in the communication process, where it is possible to detect specific features, or *linguistic correlates*, of these roles. The social role generates an «expectation» of a certain behavior from a person, in-

cluding speech. In this case, the implementation of the SR will vary with the situation, but only if it is within the limits allowed for a particular role.

The study of Russian oral discourse based on social roles raises some questions: will women and men in similar social roles build the same discourse? Or will a certain «female» or «male» tactic of achieving the goal appear in the process of communication? What sets the specifics of communication to a greater extent: gender or situation?

The purpose of this paper is to find the specifics of the construction of oral discourse by women and men in different social roles, using the method of pragmatic annotation of corpus material.

The discursive practices fix the attitude of the speakers to the sign. Since a speech behavior is formed on the basis of deep stereotypical patterns, it becomes possible to detect the connections of language structures with the characteristics of speakers and their speech attitudes. «The gender intrigue begins to unfold before the researcher at the moment when he is immersed in the world of discourse, and the use of language begins to be «measured» precisely by the mental space of the discourse» [Khaleeva 1999: 6].

Therefore, this study presents the results of a pragmatic analysis of oral discourse. Similar conclusions on the material of colloquial speech were made by A. Belyaeva [Belyaeva 2002]. However, this work is carried out within the framework of pragmatic annotation of speech and taking into account the features of the social roles of speakers.

2. Pragmatic Markers of Colloquial Speech

In a speech, there are many ways to express the speaker's intentions. Pragmatics deals with the study of the behavior of language signs in the real process of communication. The ways of achieving certain communication goals by the speaker are also separately considered [Arutyunova 1990].

In oral speech, there are units that be exposed to a process of grammaticalization and, as a result, almost lose their lexical and/or grammatical meaning and begin to perform only certain functions. Following N.V. Bogdanova-Beglarian, we will call them *pragmatic markers* (PM). The functional typology of PM is described in [Bogdanova-Beglarian 2014, 2021].

The speaker explicates his communicative intentions, attitude to the addressee, and appeal to the perceptual base shared with the interlocutors with the help of PM. Thanks to the presence of pragmatic markers, the listener can perceive not only the content but also the structural side of a speech, understands how communication proceeds: the beginning and end of the utterance are marked, the search for the right unit, omitting (ignoring) details, emphasizing the important, difficulties of various kinds and the call to continue communication.

For this study, metacommunicative markers are of particular importance (M), which help the informant to understand what is said himself, as well

as to establish and then maintain contact with the interlocutor, to promote the correct interpretation of the heard statement:

• *a seichas / a seichas oni vot / (e...e) strakhovuyu da sperva ? *P (e...e) / nu u kogo kakaya strakhovaya / **ponimaesh'** ? u kogo bol'shaya / tomu vygodno // a u kogo (...) ona ne povyshalasya* *P vot* (S136, 55 y.o., with the friend)¹.

The research is carried out on the data of ORD corpus Russian everyday speech known as «One Speaker`s Day» corpus, based on transcripts of audio recordings obtained under natural conditions. Currently, the corpus contains more than 1,250 hours of speech recorded from 128 informants, men and women, aged 17 to 83 years, and more than 1,000 of their communicants (see more about the ORD: [Asinovsky et al. 2009; Bogdanova-Beglarian et al. 2017a, b; Bogdanova-Beglarian 2016]).

The metatext annotation system is organized in the ORD in such a way that the resulting database contains extensive information and allows you to balance the material according to different parameters. One of the understudied aspects in the ORD corpus is the category of the speaker's social role.

All the social roles played by the ORD informants were grouped into certain categories. There is an extensive classification of CR in the ORD: relatives, colleagues, paired roles (doctor and patient, client and service representative).

The most interesting are the roles that are opposed to each other according to the principle of symmetry/asymmetry of relations in the theory of sociolinguistics [Belikov, Krysin 2001: 201-202]. This creates additional correlations of the speakers' speech: in addition to gender and age differences, it shows the influence of situational, role, and context on speech [Popova 2019, 2020].

3. Corpus Data Analysis

When compiling frequency lists of speaker's in asymmetric or symmetrical social roles, one feature was found: in the upper part of the dictionary there is a unit *ponimaesh'* that serves to attract the attention of the interlocutor, acting, from the point of view of pragmatics, as a metacommunicative [Popova 2018].

Such functioning of contact verbs in a dialogue refers to the theory of politeness of P. Brown and S. Levinson [Brown, Levinson 1987], who distinguish the category of *a social person*, including those related to a communicative interaction. A person strives to belong to the community and receive approval from the members of the society (*a positive face*) as well as to have freedom and independence (*a negative face*). From this point of view, the grammatical form of the verb understands itself is aimed at establishing contact and maintaining a

¹ All examples in the work are attributed with the speaker's code (S1, S2...), as well as gender and age. The signs *P and (...) in the decipherers of the ORD mean hesitation pauses of different duration; the sign (*) after the word – an error of one kind or another. For other features of the orthographic representation of the ORD material (signs of discursive transcription), see: [Bogdanova-Beglarian 2016: 242-243].

positive face of the interlocutor, while the imperative forms of contact verbs (*smotri, slushai, prikin'*) refer rather to threats to the negative face of the listener.

Now our research returns to the field of gender studies. In the article by E.A. Zemskaya and her colleagues [Zemskaya, Kitaigorodskaya, Rozanova 2015], the main conclusions include the following aspects:

- women are more likely to engage in cooperative conversation, so they ask more questions and express more responses than men¹;
- women are more polite in their handling;
- women more often use indirect requests than orders.

In the studies of psychologists, it is really emphasized that a typical female trait is a focus on the interlocutor in the process of communication (see, for example: [Tannen 1996; Mayers 2010: 200-241]). This refers to the stereotypical ideas about the passivity and compliance of women. But this feature is also confirmed by discursive practices.

In different languages there is a division into male and female variants of the language, or even separate male and female languages. For example, in Japan, the rules of gender speech behavior are different, which is due to the existence of specific male and female language units. Women's speech is most clearly different from men's in the field of grammar, vocabulary and intonation. Women's speech is characterized by soft pronunciation, restraint, and a calm tone of the narration. Women use the most polite phrases that exist in the Japanese language: «Women are guided by "open" social prestige, i.e., by generally recognized norms of social and speech behavior: their speech is more neutral, static. Men, on the contrary, are not afraid to look casual and relaxed in speech, striving for the so-called "hidden prestige" – deviation from the norms and rules of communication» [Kothoff 2005: 596–598]. Similarly, D. Tannen in his study also concludes that it is important to maintain intimacy without conflict for women [Tannen 1996].

In the work of Yu.A. Belyaeva, such units in the speech behavior of women are understood as a manifestation of cooperativeness and are called *actualizers*, or *communicatives* [Belyaeva 2002].

¹ The study of the oral discourse on the corpus material showed that there are significantly (almost three times) more interrogative cues in the ORD corpus as a whole than exclamation cues (2.0 vs 0.7 % in the general frequency list), and in the speech of men there are slightly more of them than in the speech of women (2.4 vs 1.94 %). In the speech of informants of the younger age group (up to and including 30 years), there were twice as many replicas of questions as in the older informants (over 50 years) (2.5 vs 1.3 %), and only in the younger and older ones, exclamation cues were included in the upper zone of the frequency list (0.8 and 1.04 %, respectively) [Bogdanova-Beglarian 2016: 80–81]. The same conclusions can be drawn from the material of oral monologues collected in the corpus «Balanced Annotated Text Library» (see about it: [Bogdanova-Beglarian 2013]). In monologues, men are three times more likely than women to use the question-and-answer form of reasoning, twice as likely to assess the compliance of their speech with a certain communicative scenario, a little more often (1.2 and 1.3 times) use various discursive markers and self-correction [Zaides 2017a].

As a result of the analysis of about 200 thousand units, it was found that women use metacommunication twice as often as men. Metacommunication is generally widespread in our communication. In the speech of 15 men and 15 women, it was found in almost all, but in the speech of women 156 uses of the corresponding units were detected, and in the speech of men – only 82.

The obtained results differ from the data of monologic speech: «the average number of metacommunicative units in a male monologue of any type is 1.35, in a female monologue – 1.38. The student's T-criterion for these samples was 0.16, and p (the probability of the hypothesis that the parameter 'gender' does not affect the number of metacommunicative units in the monologue) is ≥ 0.87 , which suggests that the gender of the informant does not affect the number of metacommunicative elements in monologue speech» [Zaides 2017b].

Interestingly, in the speech of men, metacommunication was found only in symmetrical social roles: communication with friends, and with his wife and children at home to a greater extent, cp.:

- *potom na golodnyi zheludok eyo luchshe ne est' / znaesh'* (S127, 42 y.o., at home with the son);

- *ideal'nykh uslovii ne byvaet / ponimaesh' ?* (S127, 42 y.o., at home with the son);

- *slushai / oni naverno Boleslavovnu nenavidyat* (S44, 41 y.o., at home with the wife);

- *nu / vidish' / pokhorony rodstvennikov / blizkikh / *P oni vseгда vot takie vot* (S119, 49 y.o., at home with the wife).

Among the material, there is a clear tendency to use metacommunicative markers in order to express dissatisfaction, indignation, in order to refuse:

- *yazyki pokazivaet / predstavlyaesh' ?* (S119, 49 y.o., at home with the wife);

- *slushai / davai popozzhe ! *P ili ty seichas khochesh' ?* (S36, 40 y.o., at home with the friend);

- *slushai / davai segodnya / (m...m) v tishine provedyom den' / chto-to u menya (...) golova treshchit ot etoi muzyki* (S36, 40 y.o., at home with the friend);

- *nu ty predstavlyaesh' / ya voobshche nichego v nikh ne soobrazhayu ya !* (S35, 70 y.o., with the wife);

- *da net / ty znaesh' / ya kak-to / na samom dele (...) segodnya (m-m) nemnozhko grushchu opyat'* (S122, 33 y.o., with the colleague).

There are almost no cases where the PM serves as a means of expressing an indirect request:

- *privet Andrei% // *P slushai / vopros(:) v sleduyushchem / chto u nas tam po naryadam tret'ego fakul'teta ?* (S102, 27 y.o., with the friend).

The material of women's speech looks quite different. In all age groups, regardless of the social role – even at work in a situation of formal communication, women actively resort to:

• *vidish' seichas zvonila (...) zhenshchina / kotoraya zanimaetsya etim eksperimentom i sprosila / ya skazala / chto my s toboi vedyom eksperiment* (S129, 70 y.o., with the daughter);

• **V nu ty znaesh' vot / ty proiznesla frazu / ot kotoroi deistvitel'no *K (e) volosy dybom* (S130, 74 y.o., with the friend);

• *kak budto u menya zdes' takoi vot bol'shoi mikrofon / ty stoish' s ogromnoi kameroy / ponimaesh' kak eshchyo pri Vlade_List'eve // vot takoi ogromnyi* (S61, 25 y.o., with the friend);

• *eto vsyo ravno EGE bylo // *P imeetsya v vidu (...) testy takie vot / da / kak s(?) vy zapolnyaete* (S65, 48 y.o., at work);

• *tak / tut nikakaya ne khodit perepyolka ? slushai / da normal'no vsyo s nei* (S128, 38 y.o., with the husband);

• *Mishanya% / znaesh' kak mne nraivitsya / pryamo balde(:)yu* (S77, 39 y.o., at work with the colleague);

• *nu slushai nu vidish' khochet videt' na ekrane formu ...* (S91, 48, with the friend);

• *a vot znaesh' ni s togo / ni s sego / raz vot / i poyavlyatsya vot takaya bol'* (S136, 55 y.o., with the friend).

In the speech of women, it is difficult to trace the special pragmatic significance of PM. This special feature of speech is only a way of cooperation, a constant signal to the interlocutor that his opinion is important and necessary, that the statement needs a response:

• *net / eto znachit nuzhno postepenno s rebyonkom / ponimaesh' ?* (S130, 74 y.o., with the friend);

• *no prosto znaesh' / nu () dolzhno zhe byt' v nashikh () lyudyakh khot' chto-to chelovecheskoe ! ponimaesh' ? vot khot' kakoi-to gramm ostavat'sya* (S136, 55 y.o., with the friend)

• *smotri / *P po povodu chetverga* (S65, 48 y.o., with the client);

• *a(:) a ponimaesh' / a Sergei% ne schitaet vot nuzhnym (a-a) u... u(:)... (m-m) kak () kak () uzhimat'sya(:) / utruzhdat'(:) sebya / kopit' den'gi(:) tam na kvartiru(:)* (S131, 69 y.o., with the friend).

It is important to note that metacommunication is particularly characteristic for the older age group (from 55 years) – 106 cases out of 156 (68 %), in the middle age group – 34 metacommunication PM use (21.8 %), and in the younger only 16 (10.2 %):

• *slushai / etot Evgenii_Khrapov% on s ofisa ili otkuda ?* (S71, 22 y.o., with the colleague-friend);

• *vidish' / ya pereselyayus' na Shevchenko\$* (S69, 20 y.o., with the friend);

• *tak / smotrite () vy brali seredinku zerkal'nyi shkaf / i po bokam kanaly duba / vot vot takie kak tam polosochki* (S71, 22 y.o., with the client);

• *smotrite ! tam eshchyo v etom fotoapparate est' takaya fishka* (S62, 30 y.o., with the client).

In all the cases presented, the metacommunication marker is multifunctional and also acts as a border marker, or rather a starting marker. The discovered feature may be a tendency to change discursive practices among women.

The main selection of the subcorpus of oral everyday speech confirms the conclusions described earlier in the works of linguists that women really resort to the tactics of making a good impression.

4. Conclusion

The data obtained during the analysis of the material of everyday colloquial speech, taking into account various sociological parameters (social role and communicative situation, etc.), will allow us to get a more accurate idea of how our stereotypes affect speech behavior, to understand in which communication situations they are most active. Changings in thinking and culture become possible thanks to understanding deep language structures that reflect mentality. Although it seems that the language copes with this request itself: for example, in Japan, the «female» form of the language has not been used for a long time, without which it was impossible to do half a century ago, and the younger age group of Russian-speaking speakers practically does not use the «female» tactics of cooperation in the form of metacommunication.

References

- Arutyunova, N.D. (1990), *Pragmatika [Pragmatics]*. Yartseva, V.N. (ed.) *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya publ., pp. 389–390. (in Russian).
- Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T. (2009), *The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker's Day”*: Creation Principles and Annotation. *TSD 2009*, Lecture Notes in Artificial Intelligence, Vol. 5729, Berlin, Heidelberg, Springer publ., pp. 250–257. DOI: 10.1007/978-3-642-04208-9_36.
- Beauvoir, S. de (2017), *The Second Sex*, St. Petersburg, Azbuka publ., 924 p. (in Russian).
- Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001), *Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]*, Moscow, Russian State University for Humanities publ., 315 p. (in Russian).
- Belyaeva, Yu.A. (2002), *Osobennosti rechevogo povedeniya muzhchin i zhenshchin: Na materiale russkoi razgovornoj rechi [Features of Speech Behavior of Men and Women: On the Material of Russian Colloquial Speech]*, Author's abstract, Saratov, 19 p. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (ed.) (2021), *Pragmaticheskie markery russkoi povsednevnoi rechi [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech]*, Dictionary-monograph, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 405 p. (in print). (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshchenia: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh [Russian Language of Everyday Communication: Features of Functioning in Different Social Groups]*, Collective Monograph, St. Petersburg, LAIKA publ., 244 p. (in Russian).

- Bogdanova-Beglarian, N.V. (2014), Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, Iss. 3 (27), pp. 7-20. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (ed.) (2013), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [The Speech Corpus as a Material for Analyzing Russian Speech], Collective Monograph, Pt. 1. Reading. Retelling. Description, St. Petersburg, Philological faculty of the St. Petersburg State University publ., 532 p. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V., Sherstinova, T.Yu., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya. (2017a), "One Speaker's Day" Corpus in Studies of Sociolinguistic Variation Colloquial Russian. Kocharov, D.A., Skrelin, P.A. (eds.) *Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR³-2017)* [Analysis of spoken Russian Speech], Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Politehnika-print publ., pp. 14-20. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Martynenko, G. (2017b), Linguistic Features and Sociolinguistic Variability in Everyday Spoken Russian. *SPECOM 2017, Lecture Notes in Artificial Intelligence*, LNAI, Vol. 10458, Springer publ., pp. 503-511. DOI: 10.1007/978-3-319-66429-3_50.
- Brown, P., Levinson, S. (1987), *Politeness: Some Universals in Language Usage*, Cambridge, Cambridge University Press, 358 p.
- Goroshko, E.I. (2001), Gendernaya problematika v yazykoznanii [Gender Problematics in Linguistics]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies], Pt. 1, Kharkiv, St. Petersburg, Aleteiya publ., pp. 508-543. (in Russian).
- Khaleeva, I.I. (1999), Gender kak intriga poznaniya [Gender as the Intrigue of Knowledge]. *Gendernyi faktor v yazyke i kommunikatsii* [Gender in Language and Communication], Ivanovo, Rudomino publ., pp. 5-9. (in Russian).
- Kothoff, H. (2005), Gendernye issledovaniya v prikladnoi lingvistike [Gender Studies in Applied Linguistics]. Kirilina, A.V. (ed.) *Gender i yazyk* [Gender and language], Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur publ., pp. 563-622. (in Russian).
- Krysin, L.P. (2004), *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe* [Russian Word, Your Own and Someone Else's], Research on Modern Russian and Sociolinguistics, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 883 p. (in Russian).
- Mayers, D. (2010), *Social Psychology*, 7th ed., St. Petersburg, Piter publ., 793 p. (in Russian).
- Popova, T.I. (2020), Who is the Boss? – or Whose Turn is it to Speak. *Russkaya Rech'*, Iss. 1, pp. 7-20. DOI: 10.31857/S013161170008273-9. (in Russian).
- Popova, T.I. (2019), Markers of Metacommunication in Different Social Roles of the Speaker: on the Material of Pragmatic Annotation of Corpus Data. *Computer Linguistics and Computing Ontologies*, Vol. 3. Proceedings of the XXII International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2019, St. Petersburg, June 19-22, 2019, St. Petersburg, ITMO University publ., pp. 50-60. DOI: 10.17586/2541-9781-2019-3-50-60. (in Russian).
- Popova, T.I. (2018), Frequency lists as a mean of searching linguistic correlates of social roles of the speaker. *BSU bulletin. Philosophy*, No. 2. Philology, pp. 33-41. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-2-33-41. (in Russian).
- Tannen, D. (1996), *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*, Moscow, Veche publ., 429 p. (in Russian).

- Zaides, K.D. (2017a), Dzhentl'meny predpochitayut voprosy: metakommunikativy v rechi predstavitelei raznykh sotsial'nykh grupp [Gentlemen Prefer Questions: Metacommunicative in the Speech of Different Social Groups]. *Russkaya filologiya*. 28 [Russian Filology. 28], Tartu, pp. 271-275. (in Russian).
- Zaides, K.D. (2017b), *Metakommunikatsiya v russkoi ustnoi spontannoï rechi* [Metacommunication in Russian Spontaneous Speech], Master's Thesis, St. Petersburg, 239 p. (in Russian).
- Zemskaya, E.A., Kitaigorodskaya, M.A., Rozanova, N.N. (2015), Osobennosti muzhskoi i zhenskoi rechi [Features of Male and Female Speech]. Zemskaya, E.A. (ed.) *Yazyk kak deyatel'nost'* [Language as an Activity], Monograph, Moscow, Flinta publ., pp. 563-645. (in Russian).
- Zubenko, Ya.V. (2020), Gender mainstreaming in female narration. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 3, pp. 641-658. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(3).641-658. (in Russian).

ФУНКЦИЯ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ МАРКЕРОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Т.И. Попова

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Рассматривается использование прагматических маркеров метакommunikации в гендерном аспекте и с учетом социальных ролей говорящего. Источником материала послужил корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день», разработанный на основе расшифровок аудио-записей, полученных в естественных условиях. Объем выборки составляет около 200 тыс. словоупотреблений. В ней представлены эпизоды «речевых дней» 15 женщин и 15 мужчин трех возрастных групп. Информанты выступили в различных социальных ролях, противопоставленных по принципу симметричности / асимметричности. Прагматическое аннотирование материала показало, что в речи женщины метакommunikация используется чаще, даже с учетом общей активности метакommunikации в повседневном общении. При этом мужчины используют маркеры такого типа (*слушай / давай сегодня / (м...м) в тишине проведём день, потом на голодный желудок её лучше не есть / знаешь*) с конкретными речевыми задачами, например как форму отказа (*слушай / у меня нет денег*), а в речи женщин вариативность метакommunikативных маркеров представлена шире, но функционального разнообразия при этом не наблюдается. Одной из особенностей русскоязычного общения является тенденция к сотрудничеству и поддержке диалога в женской речи. С точки зрения феминистской лингвистики эта особенность непосредственно связана с вопросами зависимого положения женщины, поскольку фиксирует ее пассивность и привычку уступать. Так, в некоторых этнических группах существует особая форма языка, которая используется только женщинами. Однако следует отметить, что более половины обнаруженных употреблений принадлежат речи женщин стар-

шей возрастной группы (от 55 лет), которые общаются с близкими и друзьями, в то время как в речи представителей молодежи прагматический метакоммуникативный маркер приобретает полифункциональность и выступает еще и как маркер старта.

Ключевые слова: социолингвистика, гендерная лингвистика, корпусная лингвистика, устная речь, лингвистическая относительность, прагматический маркер, метакоммуникация, русскоязычная коммуникация.

Для цитирования:

Попова Т.И. Функция метакоммуникативных маркеров в русскоязычной коммуникации (социолингвистический аспект) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 454–464. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).454-464. (На англ. яз.).

Сведения об авторе:

Попова Татьяна Ивановна, аспирант филологического факультета

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: tipopova13@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09175 «Диагностические признаки социолингвистической вариативности повседневной русской речи (на материале звукового корпуса)»

Дата поступления статьи: 19.03.2021

Дата рецензирования: 17.04.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

ЧУЖАЯ РЕЧЬ И КОММУНИКАЦИЯ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИНЫХ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е.Ю. Протасова

Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Аннотация: Коммуникация между людьми в случае, когда один из них является носителем данного языка, а другой знает его, но как второй язык, представляет определенные трудности для обоих общающихся. Каждый из них должен идти навстречу другому: стараться формулировать мысли в доступной форме и вникать в содержание, для чего оба используют, например, общие слова (когнаты), заимствования, короткие предложения, аграмматичные формы. Национально обусловленные модели коммуникации кажутся странными тому, кто смотрит на них со стороны. Если человек вовлечен в них, оказавшись внутри ситуации, то может чувствовать либо свое превосходство, будучи поддержанным большинством в окружении, либо уязвимость и неадекватность, если он в меньшинстве. Иногда верность принимаемого решения относительно выбора поступка в межкультурном общении связана с опытом жизни в межкультурной среде. В статье исследуются несколько современных романов: «Книга Синана. Сердце за темным Босфором» Георгия Шульпякова, «Азарт» Максима Кантора, «Авиатор» Евгения Водолазкина, «Земля имеет форму чемодана» Владимира Орлова, «Ничья по-английски. Исповедь эмигрантки» Юлии Петровой и «Крайний» Маргариты Хемлин – на предмет отражения в них особенностей общения с иностранцами и представителями других языков, переключения кода и заимствований. Используется метод функционального анализа выборки примеров, составленной по формальным признакам. В качестве иллюстрации демонстрируются отдельные лексемы, реплики и диалоги, показывающие, что у каждого из рассматриваемых авторов отмечается особый подход к иноязычной, несколько стилистически окрашенной или чужой речи. Делается вывод о большом значении рефлексии над языком при создании художественного текста и об особых смыслах, отражаемых в представлении речи разных персонажей.

Ключевые слова: заимствование, вкрапление, переключение кода, разговор с иностранцами, стилистически окрашенная речь, межкультурная коммуникация.

Для цитирования:

Протасова Е.Ю. Чужая речь и коммуникация с представителями иных культур в современной художественной литературе // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 465–480. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).465-480.

Сведения об авторе:

Протасова Екатерина Юрьевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор-адъюнкт отделения языков

ORCID: 0000-0002-8271-4909

Контактная информация:

Почтовый адрес: 00014, Finland, Helsinki, PO Box 24

E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Дата поступления статьи: 14.05.2021

Дата рецензирования: 26.05.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

Введение

Вероятно, невозможно существовать в современном мире, не столкнувшись с иными языками, кроме того, который был первым усвоен с детства. К иноязычной речи можно относиться по-разному: осуждая кого-то за то, что тот не говорит на твоём языке; стремясь узнать и его язык; пробуя говорить на других идиомах; отмечая осознание этого факта в своей речи. Наивное отношение к чужой речи может быть обусловлено привычками с детства предрассудками: те, кто говорят не так, как мы, замышляют что-то против нас; они ленятся выучить наш язык; они нарочно говорят иначе, чтобы раздражать тех, кто говорит так, как надо; они могли говорить так же, но не хотят стараться. Вызывают раздражение и те, кто говорит ненормативно, а точнее, не в рамках тех правил, которые сам коммуникант считает единственно правильными. Инокультурная речь может вызывать отторжение, агрессию, смех, удивление, радость – целый спектр эмоций.

Такая оценка иноязычной речи свойственна первичному осознанию факта, что языков и лингвокультур множество, а впитанными с детства навыками и принципами поведения не исчерпываются типы общения. Однако это не так в сообществах, где несколько языков сосуществуют и дети вырастают говорящими на нескольких языках, хотя им могут передаваться не всегда объективные установки относительно того, какие языки в какой ситуации следует употреблять. Кроме того, существует и иерархия языкового престижа, и вариативность нормы в зависимости от геополитических факторов [Mustajoki, Protassova, Yelenevskaya 2021]. Принципы межкультурной коммуникации вырабатываются постепенно, в результате совершения и осознания множества проб и ошибок, усвоения знаний и рассуждений, кросс-культурных норм и законов интеракции [Ларина 2017]. Тем не менее не исключено, что при встрече с представителем иного слоя общества или новой культуры ошибки снова будут совершены.

Нам показалось важным посмотреть, насколько понятны эти задачи нескольким современным писателям, создающим свои произведения на русском языке, рефлексирующим по поводу соотношения своего и чужого в речи или пользующимся иными языковыми кодами для демонстрации некоторого важного содержания. Анализу этого аспекта их творчества, отчасти в сопоставительном плане, и посвящена настоящая статья.

Теоретическая основа исследования

Общение с людьми, говорящими иначе, чем ты сам, накладывает отпечаток на собственную речь: ее следует приспособлять к уровню владения языком у иноязычного собеседника, в частности, минимизировать трудности, добавлять понятные элементы. Это упрощенный регистр, которым могут пользоваться как со специальными целями, например учителя при обучении языку или при объяснении материала обучаемым на языке, который они знают хуже, так и в спонтанном общении с зарубежными туристами, гостями, противниками, случайными попутчиками и т. п., когда требуется эффективно добиться взаимопонимания на языке, плохо знакомом собеседнику [Muysken 2008: 227–237; Rosa, Arguelles 2016]. Другие варианты упрощенного языка – общение с детьми, с пожилыми, с людьми с особенностями развития, с животными и с роботами. Так называемый *foreigner talk* может содержать признаки как гиперкорректности, так и «ломаного» языка, который, с точки зрения говорящего, более доступен слушающему. Он также характеризуется избытком преувеличенных жестов и часто неестественной мимики, наличием несуществующей морфологии, странным порядком слов, выпадением глаголов-связок, сокращением числа употребляемых грамматических маркеров, редукцией формы и содержания [Fáy 2012; Fedorova 2006; Rodriguez-Cuadrado, Baus, Costariguez-Cuadrado 2018]. Эти особенности отражаются и в произведениях художественной литературы, созданных современными писателями [Протасова 2013]. Л.В. Куликова и Е.Ю. Микалаускайте называют такой подход дискурсивной обработкой культурной чужеродности в литературном ксенонарративе [Куликова, Микалаускайте 2020].

Понимание того, что некто говорит не на твоём языке и что к иностранцу следует обращаться иначе, чем к соплеменнику, возникает примерно в начале школьного возраста и развивается со временем [Jaspers 2011; Labotka, Gelman, Dubow 2020]. Чтобы приспособиться к собеседнику, следует выстраивать гипотезы о потенциальном понимании с его стороны, о том, на какие модели мира он опирается, по мере порождения высказывания перепроверять, доходит ли до него содержание, всё ли воспринято так, как задумывалось. Для этого необходимо ориентироваться на его реакции и, по возможности, научиться адекватно их истолковывать, обсуждать непонятное. При рассмотрении случаев общения с иностранцами необходимо обращаться к методам психолингвистики, социо-

лингвистики, межкультурной коммуникации, конверсационного и дискурс-анализа [Fischer 2016; Wooldridge 2001]. Требуется адекватное представление о людях, с которыми происходит беседа, а значит, представление о национально обусловленных моделях коммуникации. Реципиент-дизайн должен содержать определенные параметры на всех уровнях языковой системы: следует отбирать лексику, фонетику, интонацию, просодию, морфологические элементы, синтаксис, прагматические характеристики. Общее для собеседников, в частности знание хотя бы некоторых слов, имен и фамилий, географических названий, исторических дат, актуальных событий, помогает найти точки опоры и отсылать к понятным собеседнику явлениям. Быть может, благодаря такой нагруженности смыслами регистр общения с иностранцами используется как художественный прием в литературе [Azevedo 1992; Mustajoki 2010].

Задачей настоящего исследования является разбор ситуаций, в которых повествование становится украшенным вкраплениями из чужой речи или где общаются с людьми, говорящими на ином языке. Эти признаки заимствований или трансформации дискурса отражаются в писательском нарративе как неизбежное следствие общения между представителями разных культур, слоев общества, идиолектов, региолектов, идиом. То обстоятельство, что современные писатели уделяют внимание этому аспекту повествования, отражает очевидное разнообразие их окружения и в настоящем, и в прошлом.

Материал и методы исследования

Для анализа были отобраны шесть разноплановых современных романов, в каждом из которых каким-то образом представлено столкновение культур. Культуры могут быть как иноземными, так и домашними. Знакомство с иным может происходить как на своей территории, так и за ее пределами. Результатом межкультурной коммуникации может быть расставание, уход некоторых героев и/или идиом, слияние или размежевание. Во многих случаях делаются попытки описать происходящее не с одной, а с нескольких позиций, глазами разных героев, что придает тексту многоперспективность.

Метод анализа был следующим. Вначале из текста каждого произведения отбирались фрагменты, в которых либо наличествовали рассуждения о языке и культуре, либо были иноязычные вкрапления, кальки с других языков или переключение кода. Затем материал систематизировался с точки зрения функциональности литературных приемов: с какими целями, в каких обстоятельствах, с какими языками происходит взаимодействие. Мы также сверялись с некоторыми источниками, чтобы понять, насколько авторская манера отражает индивидуальные предпочтения автора, его жизненный опыт или объективную реальность.

Результаты и обсуждение

В данном разделе мы представим полученные результаты последовательно, по каждому роману отдельно, рассматривая данные литературные тексты как целостные авторские высказывания.

«Книга Синана. Сердце за темным Босфором» Г. Шульпякова (М., 2015) имеет подзаголовок: «Потерять себя на Западе, чтобы найти на Востоке» – и повествует о россиянине, который приезжает в Стамбул (Истанбул), чтобы собрать материал и написать книгу о знаменитом архитекторе Синане (значение имени – «застрельщик», на самом деле – «копье, пика», прозвище – Абдур-Меннан, что значит «Сын раба Божия, Вседержителя», с. 92, ср.: [Свистунова 2019])), попадает в различные перипетии и в итоге, вероятно, погибает. Писатель рассуждает о том, кем по происхождению был этот человек: греком, сведущим в прекрасном, армянском, знающим толк в искусстве камня, или турком, лучше всех на земле ведающим о божественном промысле. Место действия предполагает, что будут использоваться мотивы разных культур и языков. Повествуется и о нескольких смешанных браках турок и русских.

Первое вторжение английского языка в повествование – надпись на майке Celebrate your image. Адреса могут быть на английском, турецком, русском или в переводе. Чистильщик обуви предлагает *шушайн* (от shoeshine). Возможен обмен высказываниями на искаженном английском: – *Вот ар ю лук фор, май френд? – Фан!* (с. 227). Фрагмент из детства: *Шайтан Маратка, айда смотреть абдейку!* (с. 154), видимо, из татарского, Абдейка – мужское имя.

Псевдо-мини-диалог с официантом на турецком дается в транслитерации и без перевода: – *Балык? – Балык йок.* [– Рыба? – Рыбы нет.] (с. 20). Используется также счет: *Бир миллион 'один'. Бурада? 'здесь', Хесан! Счет!* Упоминается *калам* 'палочка' каллиграфа, *каик* 'длинная гребная лодка', *хиджра* 'арабское летоисчисление', *азан* 'призыв к молитве', *галип* 'победитель, получающий превосходство', *мимар* 'смотритель за постройками', *айван* 'терраса в восточном доме'. Часто имитируется акцент гида: *Мой имя Мехмед; Пожалуйста; Очень-очень старые дома. Никто не живет в такие дома. Но охранять государство. Нельзя носить! Памятник... Памятник сгорел – земля свободный; Нихарашё!; Плёхо!* и т. п.

Встречаются переводы с арабского, например *Сулейман-шах, ибн Селим-шах, хан, аль-музаффар да'има* означает 'Шах Сулейман, сын шаха Селима, хан, неизменный победитель' (с. 74). Сообщается о происхождении слова *Коран* 'чтение' от *iqra* 'читай'. Толкование слов, связанных с исламом: *кибла* 'направление к Каабе', в мечети ее обозначает *михраб* 'полая ниша в стене', *бисмилла* 'символ веры', *ходжа* 'совершивший хадж', т. е. побывавший в Мекке, *тугра* 'печать падишаха в виде вензеля'. Слово *башибузуки* используется в своем прямом значении: наемники из разных стран в армии султана. Иногда автор как бы имитирует выражения, ха-

ракетные для восточного стиля речи, например *легче мир трижды облететь на спине у джинна, чем найти мир таким, каким ты видел его в детстве* (с. 166). Из испанского заимствуется слово *амигос*, которое, скорее всего, понятно каждому, говорящему по-русски.

В русском языке есть заимствованное из немецкого выражение *швах* с чем-то [слабо], здесь встречается фраза «А с девушками полный швах». Согласно Национальному корпусу русского языка (<https://ruscorpora.ru/>), в русском языке используется выражение *дело / дела швах, ситуация швах; полный / вообще / совсем / уже швах*, в которых это слово выполняет функции наречия, прилагательного или существительного. Есть конструкции *По сварке я – швах. По всем фронтам швах и С работой швах. С фамилиями швах*, где слово на самом деле заменяет русское *плохо*, но с долей самоиронии. Имеется фразеологизм *просто швах и крах*. Ряд употреблений связан с ростом значения этого слова в русском языке: *Грядет вселенский швах! Швах в личной жизни – провал в бизнесе. В какой бы швах ни завалились дороги, вдруг разом сходятся к ночи. Не поэзия, а швах... За твоё счастье и мой швах. Швах, швах, господи!* и т. д. Таким образом, немецкое заимствование *швах* наполовину адаптировано языком: оно не склоняется, но используется не только в конструкциях, которые могли бы быть заимствованными, но и развивает самостоятельные значения.

В антиутопии **М. Кантора «Азарт»** (М., 2017) разноматная интернациональная компания готовится к отплытию на корабле из Амстердама. Голландский язык упоминается в связи с произнесением фамилии историка Хейзинги и приветствия *С добрым утром!*, в которых как бы звучит матерное слово. Несмотря на то, что представители разных народов должны были бы испытывать трудности в общении друг с другом, особенности языков обсуждаются редко. Хотя английским многие в достаточной степени не владеют, участники событий обсуждают глубокомысленные вещи вполне свободно, на смеси русского, английского, немецкого и французского. Задаваясь вопросом о том, как происходило взаимопонимание, автор близко к началу повествования замечает, что все понимали друг друга, как бывает у пятилетних детей в *интернациональном детском саду – они говорят на особом детском наречии. Мы говорили на смеси всех языков разом – а может быть, то был протоязык? Кто знает, возможно, так беседовали строители Вавилонской башни – до того, как Господь пожелал башню разрушить и разделить языки и наречия строителей* (с. 43). Один из немцев говорит *айн-цвай-драй*, и один раз, обращаясь к француженке, заканчивает речь выражением *n'est-ce pas?* Йохан – музыкант с лиловыми волосами – рассуждает: *Время такое, динамичное время. Movida! Движуха* (с. 226). Все бесконечно перекидываются культурными штампами, обсуждая все культуры на свете.

В «**Авиаторе**» **Е. Водолазкина** (М., 2016) применен прием полисубъектного повествования, направленный на освоение чужеродного [Гримо-

ва 2017]. Неудивительно, что для автора-филолога, хорошо знающего немецкий, не составляет труда использовать разные идиомы в ткани повествования. Среди языковых особенностей романа назывались неполные предложения и эллипсис [Кунгурцева 2019], отражающие, как кажется, недосказанность и вариативность возможных трактовок, а также память, содержащаяся в языке [Савина 2021]. Один из героев романа – врач по фамилии Гейгер, немец, лютеранин – время от времени пишет что-то по-немецки: *abgemacht, sparsam, sehr demokratisch, schrecklich, Geld, aber schön, Wahnsinn, unglaublich, o, mein Gott, sprachfreudiges Mädchen, Zeit, Scheisse*. Иннокентий возвращается к канону Андрея Критского: «Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний?» Ложная чужеземность протагониста выражается скорее в характере и отношении к жизни, чем в языке.

В романе **В. Орлова «Земля имеет форму чемодана»** (М., 2013) Куропёлкин оказывается в непонятном месте посреди океана, где его подбывает яхта. Дама обращается к нему со словами: *Сиддаун, плиз*. Осматривая его фигуру, другие восклицают, *будто дамы высшего света в Москве: «Вау!»* (с. 201). По жестам он догадывается, что его спрашивают о том, кто он и откуда, и его внутренний болтун не имел средств проявить себя, но всё же проговорил: *Я – русский. Рашен... Москва... Моряк... Морской волк; Мариман! Мичман! Боцман!; Рашен боцман! Моби Дик!*, но боялся назвать себя капитаном (с. 201). Вроде бы это обеспечивает ему контакт, потому что одна из дам повторяет: *Вау! Рашен Боцман!* Когда случается непредвиденное, Куропёлкин пытается объяснить на смеси слов: *Назад! Назад! Стоп машина! Полный цурюк! Полный назад! Там рашен субмарина... Атом!.. «Волокушка»!.. Я боцман «Волокушка»!.. Я один... уан... всплыл... Туда не надо!* (с. 203). Когда выясняется, что по крайней мере одна из дам говорит по-русски и требует от него сказать правду, он задумывается: *Правду? Хорошо... Их бин агент намбер zero zero сибен, агент МИ-6...* (с. 205). Здесь обыгрывается мировосприятие русскоязычного человека, плохо знакомого с иностранными языками, но уверенного в том, что везде в мире найдется кто-то, кто говорит по-русски.

Ю. Петрова в романе **«Ничья по-английски. Исповедь эмигрантки»** (М., 2014) рассматривает историю эмиграции, возвращения и намекает на то, что этим заграничная жизнь не будет исчерпана. Киевлянка Маша, героиня книги, изучала английский всю жизнь и мечтала об Англии, особенно о Лондоне. Став спортивным журналистом, приехала туда в командировку на два дня и плакала, расставаясь с городом. Оставшись сиротой, нашла способ получить мультивизу и отправилась покорять страну. Те, кого она встречает по дороге, молоды, пока еще плохо говорят по-английски и не имеют опыта, но хотят привезти домой кучу денег: *Пожалуй, наша компания охотников за удачей не особо отличалась от тех, кто приезжал сюда сто лет назад. Все эмигранты похожи. Проходит время, меняются эпохи, но люди остаются прежними. Некоторые преус-*

пенют, некоторых раздавит механизм чужого общества. История повторяется (с. 52). В поисках дешевого жилья героиня знакомится со словачком и сразу ощущает к нему дружеские чувства на почве близкого менталитета: *Заграница вообще влияет на людей самым удивительным образом. Оставаясь дома, ты смотришь на любого приезжего как на иностранца. Но стоит отправиться в какую-то страну Восточной Европы – Польшу или Чехию – и ты заметишь, что любой русскоязычный человек автоматически становится роднее. А когда заберешься далеко на запад, те же восточно-европейцы покажутся самыми настоящими соотечественниками. В это же время Азия превращает в потенциальных родственников вообще любых европейцев* (с. 67). В тексте книги английские слова появляются тогда, когда речь идет о непереводаемых реалиях – *Home Office, Work permit*. В основном речь идет об иммигрантской среде, попытках найти любовь, свое место и работу и получить постоянную визу.

Рассмотрим более подробно роман **М. Хемлин «Крайний»** (М., 2016). Л. Хесед пишет: «Проза Маргариты Хемлин есть погружение с головой в полузабытый, уже почти чужой мир провинциального городка, любование вещами из бабушкиного сундука, наслаждение неповторимым, не описанным ни в одной книге языком еврейского местечка, и всё это – на фоне послевоенных лет, полных смуты, тревоги, истерии, о которых Хемлин впервые написала с удивительным спокойствием как о данности, которую нужно просто пережить» [Хесед 2012: 72]. Литературоведы обращают внимание на частое использование разных стилей и вкраплений из иных языков, на наивный стиль письма [Хесед 2012; Лепёнышева 2018; Остапчук 2017; Подавылова 2014]. Все исследователи сходятся в том, что в книгах Маргариты Хемлин есть что-то загадочное, непостижимое, платоновское, как бы нерукотворное, что не поддается простому воспроизводству.

Книга написана как отчет о жизни на особом русском языке от лица еврея, выросшего в Украине, в Остре. Его родители говорили между собой на идише, публично и с ребенком – на русском. Некоторые диалоги происходят на украинском. Иногда по-украински вставляются отдельные слова и фразы: *Язык, на котором мы говорили дома так же часто, как и на украинском, был знаком мне с молоком матери. Но и птицы же говорят на каком-то языке, и коровы, и кони. Язык – это ничего. Это даже больше, чем ничего, – зато знание идиша помогало в устном немецком на уроках в школе* (с. 26). Однако ближе к концу выясняется, что идиш героем забыт: *Я б вам по-еврейски сказал, но слова забыл. Честное слово, забыл! Повода не было. Кругом крепкая советская власть* (с. 233). Из идиша: *Вус? Вус ер загт?* С переводом: «Что он говорит?» и *Шма, Исроэль* – «Слушай, Израиль», *Вэг, Сарра! Гей шлофн!* – «Не надо, Сарра! Иди спать!», *лехаим*, в речи других героев: *Агитэ нахт!, аид, зунэлэ*.

Главный персонаж отмечает другие особенности речи и у других людей: *Черноватый солдат плохо говорил по-русски, а старший по званию*

– чисто (с. 31). Выясняется, что он армянин, и дед-украинец считает его героем песни «Друга я никогда не забуду, если з ним подружился у Москве...», хотя там был грузин. На протяжении диалога командир говорит по-русски, старик отвечает по-украински, мальчик с каждым из них говорит на его языке, а в авторский монолог может вставлять отдельные украинские слова типа *трохи* (ср.: [Савченко 2019]). Большое количество диалогов написано просто на украинском.

Русская речь усвоена героем в значительной степени в советском канцелярском варианте, в котором отсутствуют вторые части фразеологизмов или заменяются частями других фразеологизмов / штампов либо путаются интимный и общественный стили речи. Например: *Чего сюда приперся? Мало тебе страны от края и до края, от северных гор до Британских степей?*; *Коровы были тощие в результате бескормицы* – в разговорном стиле следовало бы сказать: *с голоду коровы отощали*. Или: *Израиль обожает цитировать разные религиозные присказки без учета места произнесения*. Или: *Приходили часы схватки с фашистами и их наймитами* – тут следовало бы заменить вид глагола и число существительного: *Подошёл час сражения / битвы*, или по-другому: *бои приближались*, а пропагандистское слово *наймиты* в устах подростка совершенно не годится. Можно привести другие случаи неуместного употребления русских слов. Например: *Выслушав мою неприкрытую историю, они разволновались...* (прилагательное *неприкрытый* неверно выбрано из синонимического ряда, где правильным вариантом было бы выбрать *искреннюю, без прикрас, подлинную, настоящую*). Или: *непредвзятая пьянка* (вм. *беспобудная*), *заснул, как скошенный* (вм. *свалился, как подкошенный*). Замена сочетаемости: *Гриша поддакнул, как смог. Язык у него сильно заплелся*. Неверное обозначение времени: *Сказал, что у тебя пока планы другие, но с периодом времени ты ее возьмешь*. Или: *Я стоял, как закопанный* (вм. *Я остановился, как вкопанный*), где неверно выбраны глагол и приставка. Неверный предлог: *Говори на полную силу!* Неверный падеж: *Янкель встретил меня плохим настроением*. Неверный выбор лексемы: *И рукой провел по округности хаты*. Бывает, что рассуждение выглядит наивным или каким-то слишком мелочным: *Они еле держались на ногах. А стояли или уже упали, когда я калитку закрывал, неизвестно*. Под влиянием идиша образуются конструкции типа: *Зачем она такие нервные рассказы делает?*; *Старуха ни слова не бросила*; наивное образное описание: *Мама ехала на подводе. Ноги ее телепались, как ненужные*.

В раннесоветские времена для людей, не говоривших по-русски, не могло быть сколько-нибудь значительной карьеры, и необходимо было овладеть этим языком. Тем не менее многие персонажи свободно говорят на украинском, им отвечают по-русски или тоже по-украински. Когда нужно притвориться украинцем, протагонист замечает: *С языком трудностей не возникало и не могло возникнуть, поскольку у нас в доме гово-*

рили или на идише, или по-украински, или на смеси русского с украинским. Особое дело. Суржик. Не каждый сможет. Единственное что – я следил за отсутствием еврейских слов в своей речи. Но иногда контроль ослабевал, особенно когда я оставался наедине со свиньями и курами (с. 17).

Коммунист Айзек упрекает родителей главного героя в том, что они не участвуют в вечеринках. *Айзек аж позеленел на общем фоне:*

– Какие это такие еврейские посиделки? Ты мне, Моисей, национализм на шею не пристегивай!

– Я и не пристегиваю. Мне твоя шея не нужна ни за какие деньги. ... Ты ко мне в мой дом пришел и с налета начал говорить по-еврейски. Я тебе из личного уважения не перечил. И по-еврейски же тебе ответил и отвечаю. Но внутренне понимаю: надо было бы для правильности момента говорить по-русски. А не ограничиваться.

Из немецкого языка заимствуется *ферштеен, абгемахт*, но не в речи немцев (как можно было бы подумать, поскольку часть событий происходит во время Великой Отечественной войны), а в речи русского сотрудника органов, который тоже воевал. Используются диалектные русские слова, например: *техкать, смоктать, гай, шкутыльгать, выбрики, каганец, бухикать*.

Изобилие словесного материала не исчерпывается вышеприведенными примерами. Почти каждое предложение имеет какую-то особенность. Удивительным образом автор книги, родившаяся в 1960 г., сохранила в лингвистической памяти весь мир украинского города Остра и окрестностей, где жило много евреев, родным языком которых был идиш. Конгломерат языков носит уникальный характер, поскольку невоспроизводим, а повествование выглядит абсолютно достоверным. Мир, описанный Маргаритой Хемлин, был не таким разнообразным в языковом отношении, как мир сегодняшний, но очень сочным. Украинский звучал полноценно. Идиш прятался, но сохранял свое значение в домашних условиях, преимущественно в общении с пожилыми людьми, для которых он был первым (родным). Грамотный литературный русский язык был маркирован как язык не своих, чужих, пришлых. Русский был выучен украинцами хуже, евреями лучше, хотя и на недостаточно высоком уровне. Позже, после распространения русского языка через средства массовой информации, получил развитие суржик. Важно также, что у каждого персонажа романа есть своя речевая характеристика, отличающая его от других участников событий.

Заключение

Рассмотренные произведения позволили выявить несколько тенденций. Все авторы учитывают в своих книгах многокультурность, необходимость общения с людьми, говорящими на другом языке, упрощенный язык тех, кто говорит на нем как на выученном, а не на родном. Вез-

де передача чужой речи оказывается существенной для выражения тех мыслей, которые принципиальны для интеркультурных установок автора. Они соответствуют его ассоциациям и дают ему шанс подобрать к ним оптимальную форму высказывания. Если в сознании всплывает чужое слово, то оно вставляется в текст, либо разрывая его текучесть, либо адаптируясь к ней. Описываются и попытки вступить в межкультурную коммуникацию, и желание уйти от нее, чтобы избежать необходимости выражать свои мысли неполноценным образом, и умение находить общий язык, и неумение понимать друг друга.

Цитаты и вкрапления слов других языков выполняют важные функции: они меняют регистр, стиль, эмоциональную насыщенность повествования, показывают образованность автора, его осведомленность в философии, истории, религии. В зависимости от того, кто как говорит, оценивается и сам человек, и сообщество в целом. В некоторых случаях следует перевести или истолковать, возможно, новое для читателя слово, а в других его вообще оставляют без внимания. Престижные языки открывают двери и заставляют себя использовать, в то время как неблагонадежные языки принуждают скрываться и унижаться. Аналогичные тенденции свойственны многоязычным сообществам вообще [Myers-Scotton 2006]. Языки могут оставаться родными даже тогда, когда сами они частично забыты, служить символом идентичности. В нормальном устоявшемся языковом сообществе все говорят одинаково, но таковых осталось мало, в основном языковой сдвиг происходил в середине XX в. Чтобы не выделяться по языку, не быть посторонним, иногда приходится притворяться. Приходится перенимать, например, акцент, чтобы стать своим, и подражание такого рода – вещь весьма обыденная. Слова, усвоенные в детстве, остаются признаком теплых человеческих отношений, но могут отпугнуть того, кто считает, что перерос среду своего прошлого и хочет отказаться от нее.

Для авторов, написавших исследуемые книги, очевидно речевое разнообразие окружающего мира, но они справляются с ним по-разному. Одни уходят в русский язык, переводя на него и толкуя события, другие демонстрируют, как умеют, что тоже владеют иными языками, третьи воспроизводят утерянный многоголосый мир прошлого. Совершаемая работа по «перевариванию» полифонии и отражается в их текстах.

Список литературы

- Гримова О.А. Особенности функционирования нарративных интриг в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Новый филологический вестник. 2017. № 4. С. 48–58.
- Куликова Л.В., Микалаускайте Е.Ю. Функционально-прагматический подход к исследованию ксенонарративных текстов в пространстве литературно-нарративной коммуникации // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 2. С. 403–418. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).403-418.

- Кунгурцева А.П.* Языковые особенности неполных предложений в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Екатеринбург, 25 апр. 2019 г. Екатеринбург, 2019. Вып. 18. С. 78–83.
- Ларина Т.В.* Основы межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2017. 191 с.
- Лепёнышева Д.И.* Наивное письмо как художественный прием: роман Маргариты Хемлин «Клоцвог» // Молодая филология – 2018. Человек, культура, социум: сб. ст. по материалам Ежегод. науч. студ. конф. (Пермь, 24–25 апр. 2018 г.). Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2018. С. 104–107.
- Останчук О.А.* Языковая мозаика в романе Маргариты Хемлин «Дознатель» // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. к юбилею проф. Наталии Евгеньевны Ананьевой / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2017. Вып. 55. С. 216–234.
- Подавльова И.А.* Внутренние границы в романе М. Хемлин «Крайний» // Филологический класс. 2014. № 1. С. 92–95.
- Протасова Е.Ю.* Проблема многокультурности в художественном тексте // Судьбы национальных культур в условиях глобализации / под ред. В.Г. Будыкиной. Челябинск: Энциклопедия, 2013. Т. 2. С. 221–224.
- Савина Д.В.* Память языка в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Динамические процессы в языке и языковой картине мира: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф., Красноярск, 30 окт., 2020 г. Красноярск, 2021. С. 55–58.
- Савченко А.В.* Лексико-семантические украинизмы в русском языке: стилистико-прагматический аспект // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 4. С. 1105–1124. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).1105-1124.
- Свистунова И.А.* Византийские исследования в Турции: история и современность // Культурологический журнал. 2019. № 3. С. 1–15. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/481.html&j_id=40.
- Хесед Л.* История одного поколения. *Маргарита Хемлин* // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 72–82.
- Azevedo M.M.* Foreigner Talk as a stylistic device in Erico Veríssimo's Fiction // *Hispania*. 1992. Vol. 75. No. 5. P. 1154–1163.
- Fáy T.* Sekundäre Formen des Foreigner Talk im Deutschen aus übersetzungswissenschaftlicher Sicht. Tübingen: Narr, 2012. 176 p.
- Fedorova K.* Russian foreigner talk: stereotype and reality // *Marginal Linguistic Identities. Studies in Slavic Contact and Borderland Varieties* / eds. D. Stern, C. Voss. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. P. 177–189.
- Fischer K.* Designing speech for a recipient: the roles of partner modeling, alignment and feedback in so-called 'simplified registers'. Amsterdam: Benjamins, 2016. 327 p.
- Jaspers J.* Talking like a 'zerolingual': Ambiguous linguistic caricatures at an urban secondary school // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. No. 5. P. 1264–1278. DOI: 10.1016/j.pragma.2010.05.012.
- Labotka D., Gelman S.A., Dubow E.F.* The development of children's identification of Foreigner Talk // *Developmental Psychology*. 2020. Vol. 56. No. 9. P. 1657–1670. DOI: 10.1037/dev0001078.
- Mustajoki A.* Types of non-standard communication encounters with special reference to Russian // *Language Ideologies in Transition Multilingualism in Russia and*

- Finland / eds. M. Lähteenmäki, M. Vanhala-Aniszewski. Frankfurt am Main: Lang, 2010. P. 35–55.
- Mustajoki A., Protassova E., Yelenevskaya M. Centrifugal and Centripetal Forces Driving Russian Language Norms // *Quaestio Rossica*. 2021. Vol. 9, No. 2. P. 715–732. DOI: 10.15826/qr.2021.2.605.
- Muysken P. *Functional Categories*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 297 p.
- Myers-Scotton C. *Multiple Voices. An Introduction to Bilingualism*. Malden, MA: Blackwell, 2006. 457 p. DOI: 10.1093/applin/aml055.
- Rodriguez-Cuadrado S.R., Baus C., Costariguez-Cuadrado A. Foreigner talk through word reduction in native/non-native spoken interactions // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 419–426. DOI: 10.1017/S1366728917000402.
- Rosa J.P.O.D., Arguelles D.C. Do modification and interaction work? – A critical review of literature on the role of foreigner talk in second language acquisition // *I-manager's Journal on English Language Teaching*. 2016. Vol. 6. No. 3. P. 46–60.
- Wooldrige B. 'Foreigner Talk': An important element in cross-cultural management education and training // *International Review of Administrative Sciences*. 2001. Vol. 67. No. 4. P. 621–634. DOI: 10.1177/0020852301674002.

References

- Azevedo, M.M. (1992), Foreigner Talk as a stylistic device in Erico Verissimo's Fiction. *Hispania*, Vol. 75, no. 5, pp. 1154-1163.
- Fáy, T. (2012), *Sekundäre Formen des Foreigner Talk im Deutschen aus übersetzungswissenschaftlicher Sicht*, Tübingen, Narr publ., 176 p. (in German).
- Fedorova, K. (2006), Russian foreigner talk: stereotype and reality. Stern, D., Voss, C. (eds.) *Marginal Linguistic Identities. Studies in Slavic Contact and Borderland Varieties*, Wiesbaden, Harrassowitz publ., pp. 177-189.
- Fischer, K. (2016), *Designing speech for a recipient: the roles of partner modeling, alignment and feedback in so-called 'simplified registers'*, Amsterdam, Benjamins publ., 327 p.
- Grimova, O.A. (2017), Osobennosti funktsionirovaniya narrativnykh intrig v romane E.G. Vodolazkina "Aviator" [Peculiarities of functioning of the narrative intrigues in the novel "Aviator" by E.G. Vodolazkin]. *New Philological Herald*, No. 4, pp. 48-58. (in Russian).
- Jaspers, J. (2011), Talking like a 'zerolingual': Ambiguous linguistic caricatures at an urban secondary school. *Journal of Pragmatics*, Vol. 43, no. 5, pp. 1264-1278. DOI: 10.1016/j.pragma.2010.05.012.
- Khesed, L. (2011), Istoriya odnogo pokoleniya. Margarita Hemlin [History of one generation. *Margarita Hemlin*]. *Voprosy literatury*, No. 1, pp. 72-82. (in Russian).
- Kulikova, L.V., Mikalauskaite, E.Yu. (2020), Xeno-narrative texts in literary and narrative communication: functional and pragmatic approach. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 2, pp. 403-418. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).403-418. (in Russian).
- Kungurtseva, A.P. (2019), Linguistic characteristics of the incomplete sentences in the novel "Aviator" by E.G. Vodolazkin. *Aktual'nye problemy filologii* [Actual problems of philology], Materials of the international scientific and practical confer-

- ence of young scientists, Yekaterinburg, April 25, 2019, Iss. 18, Yekaterinburg, pp. 78-83. (in Russian).
- Labotka, D., Gelman, S.A., Dubow, E.F. (2020), The development of children's identification of Foreigner Talk. *Developmental Psychology*, Vol. 56, no. 9, pp. 1657-1670. DOI: 10.1037/dev0001078.
- Larina, T.V. (2017), *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Fundamentals of Intercultural Communication], Moscow, Akademiya publ., 191 p. (in Russian).
- Lepyonyshcheva, D.I. (2018), Naivnoe pis'mo kak khudozhestvennyi priem: roman Margarity Hemlin "Klotsvog" [Naive writing as an artistic method: the novel "Klocvog" by Margarita Hemlin]. Podyukov, I.A. (ed.) *Molodaya filologiya – 2018. Chelovek, kul'tura, sotsium* [Young philology – 2018. Person, culture, society], Collection of articles on materials of annual scientific student conference (Perm, April 24-25, 2018), Perm, Perm State Humanitarian and Pedagogical University publ., pp. 104-107. (in Russian).
- Mustajoki, A. (2010), Types of non-standard communication encounters with special reference to Russian. Lähteenmäki, M., Vanhala-Aniszewski, M. (eds.) *Language Ideologies in Transition: Multilingualism in Russia and Finland*, Frankfurt am Main, Lang publ., 2010, pp. 35-55.
- Mustajoki, A., Protassova, E., Yelenevskaya, M. (2021), Centrifugal and Centripetal Forces Driving Russian Language Norms. *Quaestio Rossica*, Vol. 9, no. 2, pp. 715-732. DOI: 10.15826/qr.2021.2.605.
- Muysken, P. (2008), *Functional Categories*, Cambridge, Cambridge University Press, 297 p.
- Myers-Scotton, C. (2006), *Multiple Voices. An Introduction to Bilingualism*, Malden, MA, Blackwell publ., 457 p. DOI: 10.1093/applin/aml055.
- Ostapchuk, O. (2017), Linguistic mosaic in the Margarita Khemlin's novel *The Investigator*. Krasnykh, V.V., Izotov, A.I. (eds.) *Language - Mind - Communication*, Iss. 55, Collection of scientific articles for the anniversary of the professor Natalia Evgenievna Ananyeva, Moscow, MAKSPress, pp. 216-234. (in Russian).
- Podavylova, I.A. (2014), Internal borders in M. Hemlin's novel "Extreme". *Philological Class*, No. 1, pp. 92-95. (in Russian).
- Protassova, E.Yu. (2013), Problema mnogokul'turnosti v khudozhestvennom tekste [The problem of multiculturalism in the artistic text]. Budykina, V.G. (ed.) *Sud'by natsional'nykh kul'tur v usloviyakh globalizatsii* [The fate of national cultures in the context of globalization], Vol. 2, Chelyabinsk, Entsiklopediya publ., pp. 221-224. (in Russian).
- Rodriguez-Cuadrado, S.R., Baus, C., Costariguez-Cuadrado, A. (2018), Foreigner talk through word reduction in native/non-native spoken interactions. *Bilingualism: Language and Cognition*, Vol. 21, no. 2, pp. 419-426. DOI: 10.1017/S1366728917000402.
- Rosa, J.P.O.D., Arguelles, D.C. (2016), Do modification and interaction work? A critical review of literature on the role of foreigner talk in second language acquisition. *I-manager's Journal on English Language Teaching*, Vol. 6, no. 3, pp. 46-60.
- Savchenko, A.V. (2019), Lexico-semantic ukrainisms in Russian: stylistic and pragmatic aspect. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 6, no. 4, pp. 1105-1124. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).1105-1124. (in Russian).

- Savina, D.V. (2021), Language memory in E.G. Vodolazkin's novel "Aviator". *Dinamicheskie protsessy v yazyke i yazykovoï kartine mira* [Dynamic processes in the language and the linguistic picture of the world], Materials of the 2nd all-Russian scientific and practical conference, Krasnoyarsk, October 30, 2020, Krasnoyarsk, pp. 55-58. (in Russian).
- Svistunova, I. (2019), Byzantine studies in Turkey: the history and the present time. *Journal of Cultural Research*, No. 3, pp. 1-15, available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/481.html&j_id=40. (in Russian).
- Wooldridge, B. (2001), 'Foreigner Talk': An important element in cross-cultural management education and training. *International Review of Administrative Sciences*, Vol. 67, no. 4, pp. 621-634. DOI: 10.1177/0020852301674002.
-

FOREIGN SPEECH AND COMMUNICATION WITH REPRESENTATIVES OF OTHER CULTURES IN CONTEMPORARY FICTION

E. Protassova

University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Abstract: Communication between people when one of them is a native speaker of a given language, and the other speaks it as a second language presents certain difficulties for both interacting sides. Each of them must meet the other's needs: every person should try to formulate thoughts in an accessible form and delve into the content, and for this purpose, both parts should use, for example, common words (cognates), borrowings, short sentences, agrammatic forms. Nationally determined models of communication seem strange to someone who looks at them from the outside. If a person is involved in them, once inside the situation, he may either feel superior, being supported by the majority in the environment, or vulnerable and inadequate, if he is in the minority. Sometimes the correctness of the decision made regarding the choice of an action in intercultural communication is associated with the experience of living in an intercultural environment. The article explores several modern novels: George Shulpyakov's "The Book of Sinan. Heart after the dark Bosphorus", Maxim Kantor's "Azart", Evgeny Vodolazkin's "Aviator", Vladimir Orlov's "Earth has the shape of a suitcase", Yulia Petrova's "Draw in English. Confession of an emigrant" and Margarita Hemlin's "Utter". The method of functional analysis of a sample of examples based on formal criteria is used. These works reflect some peculiarities of communication with foreigners and representatives of other languages, code-switching and borrowings. To illustrate this, several lexemes, replicas and dialogues are demonstrated, showing that each of the authors under consideration has a special approach to foreign language, somewhat stylistically coloured or foreign speech. The conclusion is made about the great importance of reflection over the language when creating fiction and about the special meanings reflected in the presentation of the speech of different characters.

Key words: borrowing, insertion, code-switching, foreigner talk, stylistically coloured speech, intercultural communication.

For citation:

Protassova, E. (2021), Foreign speech and communication with representatives of other cultures in contemporary fiction. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 465-480. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).465-480. (in Russian).

About the author:

Protassova, Ekaterina, Ph.D. in Linguistics, Dr. hab. in Pedagogy, Assistant Professor, Adjunct Professor of the Department of Languages

ORCID: 0000-0002-8271-4909

Corresponding author:

Postal address: PO Box 24, Helsinki, 00014, Finland

E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Received: May 14, 2021

Revised: May 26, 2021

Accepted: July 20, 2021

NATIONALLY CONDITIONED MODELS OF MANIPULATIVE COMMUNICATION IN RUSSIAN DIALOGICAL SPEECH

T.B. Radbil¹, I.A. Kuznetsov², T.I. Kuznetsova³

¹ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

^{2,3} Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow, Russia)

Abstract: The article examines the nationally conditioned models of phatic dialogical manipulative communication in modern Russian speech, implemented in question-and-answer adjacency pairs. For methodological purposes, the work divides the concepts of “national specificity” and “national conditioning”. The authors proceed from the assumption that, despite the universal nature of the principles of speech interaction, the features of the lingua-pragmatic organization of models of dialogical interaction, communication strategies and tactics of speakers are quite different in a certain national and cultural conditioning. This fully applies to the patterns of manipulative dialogical communication in Russian. The dialogical question-and-answer adjacency pairs, extracted by the method of continuous sampling from the data of the Russian National Corpus are analyzed. The paper shows that manipulative question-and-answer adjacency pairs include two types of phenomena: various communicative strategies of avoiding discussion for one reason or another, “inconvenient” topic for the addressee; methods and means of “language demagoguery” as the embodiment of manipulative communication. It is noted that these phenomena include cases of a change in the topic touched on in the question, refusal to speak on the specified topic, response reaction demonstratively not related to the topic under discussion, various in their communicative and pragmatic properties, reluctance to continue communication, aforethought silence, etc. It is concluded that the prevalence of these models in Russian speech practice can be interpreted as a manifestation of the features of high-context culture in the light of the well-known disregard for the rational side of communication. There is also a tendency towards a certain peremptory character, in which certain statements and opinions are imposed on the addressee quite unceremoniously, and in such a form that does not imply their possible discussion.

Key words: dialogical speech interaction, phatic communication, language manipulation, language demagoguery, nationally conditioned communicative model, question-and-answer adjacency pair, modern Russian speech.

For citation:

Radbil, T.B., Kuznetsov, I.A., Kuznetsova, T.I. (2021), Nationally conditioned models of manipulative communication in Russian dialogical speech. *Communi-*

Communication Studies (Russia), Vol. 8, no. 3, pp. 481-496. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).481-496.

About the authors:

¹ **Radbil, Timur Benyuminovich**, Prof., Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism

ORCID: 0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID: AAO-6983-2020

Scopus AuthorID: 57210390493

² **Kuznetsov, Igor Alexandrovich**, PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages

ORCID: 0000-0003-1683-5507

WoS ResearcherID: ABG-2294-2020

Scopus AuthorID: 57188835335

³ **Kuznetsova, Tatyana Igorevna**, Prof., Head of the Department of the Foreign Languages

ORCID: 0000-0003-3782-3767

WoS ResearcherID: AAO-2552-2021

Scopus AuthorID: 7202572113

Corresponding authors:

¹ Postal address: 4, Ashkhabadskaya ul., Nizhny Novgorod, 603105, Russia

^{2,3} Postal address: 9, Miusskaya pl., Moscow, 125047, Russia

¹ E-mail: timur@radbil.ru

² E-mail: igorkuznetz@gmail.com

³ E-mail: englishmail@mail.ru

Acknowledgements:

The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003/21

Received: May 14, 2021

Revised: June 5, 2021

Accepted: July 20, 2021

1. Introduction

The article embodies complex, linguapragmatic and linguacultural description of nationally-based models of phatic dialogical manipulative communication in modern Russian speech.

No doubt, the basic principles of communication in natural language are determined by the nature of the human being like a social creature and in this sense are cultural, psychological and linguamental principles which have gen-

eral communicative nature and do not depend on peculiarities of national languages and cultures. However the peculiarities of linguapragmatic discourse organization on the whole and different speech practices in particular, including dialogical interaction models and patterns of oral influence and communicative strategies and tactics may fully vary by specific national and cultural base, which has been noticed, for instance, in foreign languages teaching, in cross-cultural communication theory and practice etc.

V.V. Krasnykh notices that in cross-cultural communication theory and practice we have distinctive high-context and low-context cultures. That is, what we pay attention at – the essence of a message (what is said), or the communicative «context» (how it is said), with whom and in what situation we communicate [Krasnykh 2002]. By this indication there are opposed, for instance, «western individualistic» and «collectivist» (many eastern cultures included), included Russian linguaculture, which has all features of a high-context culture, but not so evident, like in Japanese or Chinese linguaculture.

A. Wierzbicka states that the attention is not paid to the essential, but to the interpersonal features of oral communication is generally a bright national specific sign of Russian models of oral interaction. It can witness of Russian people «collective discourse world» orientation on cultural high-context style [Krasnykh 2002] and it is manifested on one hand, in the orientation of dialogue participants on maintaining of «emotional essence» of speech, and on the other hand, is manifested in the attraction to rigid moral judgements and, as a result, in constant «making clear of attitudes to things» [Wierzbicka 1997].

It seems to us that the investigation field of nationally determined communication models, obtaining evident scientific and cultural significance, is being set only. The present investigation tries to set up some principles of above-mentioned description in such a non-trivial Russian dialogical interaction like a manipulative discourse.

2. Problem Statement

The present paper methodologically has a distinction of conceptions of national specifics (peculiarities) and national conditions. The distinction of these concepts is fulfilled including the states developed in the collective monography [Zaliznyak, Levontina, Shmelev 2005]. National specifics of an exhibition of language and speech is in its unity on cognitive, communicative and oral levels, in a so-called «equivalence absence», i.e. in absence of direct correspondings in other linguacultures, which is shown in obligatory interlinguistic comparisons of facts in different languages. National determination of a phenomenon of language and speech, in its turn, is in fact, that it can be derived from any ideas or principles of national linguistic world conceptualization, system of ethnic ideals and values, linguabehavioristic stereotypes and purposes or somehow correlated with them, notwithstanding the fact whether this phenomenon has a correlation in other languages and cultures or not.

Taking into consideration the above-mentioned facts we surmise, that on the whole the models of dialogical communication in oral interaction of speakers are obligatory nationally based – «Free dialogues on the whole make a sort of atmosphere, the air of communication which characterizes the whole nation» [Matveeva 2014: 123]. In this connection notable is the setting of a question about the «communicative values of Russian culture» [Dement'ev 2013], which are an inseparable part of ethnic discourse practices and which are eventually manifested at all levels of dialogical interaction (expression of a position of a speaker, an appeal to him, discourse implications, presuppositions and inferences like ways of expression of a non-verbal side of a communicative situation etc.). Speaking about national and cultural determination of namely Russian models of a dialogical communication we may stress some «constants» of ethnospecific oral interaction, relevant namely to Russian speech. Thus, A. Wierzbicka mentions the genuine emotional intonation of Russian discourse, the special aura of Russian speech [Wierzbicka 1997].

Generalising contemporary scientific knowledge of «key ideas» of Russian world, reflected in words, dialogical interaction included, we can trace the following ideas: a purpose for empathy; an excessive hyperbolization in a linguistic situation conceptualization; a hypertrophy of general, moral or esthetic value at persons, objects and events nomination («moral passion», to A. Wierzbicka [Wierzbicka 1997]), sharp reaction on false, from the viewpoint of a native speaker, values, or pretense (for «banality» [Zaliznyak, Levontina, Shmelev 2005]); correspondence of the plainest things, properties, processes or phenomena to a spiritual ideal; an ironical, carnival-like «look from aside» etc. [Ratsiburskaya 2014]; being non-controlled and non-personalized [Wierzbicka 1997; Radbil 2017, 2018], irrationality and a feeling of insubordination of events to a person [Wierzbicka 1997; Zaliznyak, Levontina, Shmelev 2005] etc.

All these features and many other ones are clearly manifested in dialogical interaction models, which correspond to contemporary Russian speech. The paper of T.B. Radbil «Discourse implications in nationally-corresponding models of phatic communication in Russian daily speech» sketches the features of this approach, which surmises an analysis of typical initial and answer replicas in a minimal (two-membered) dialogical unity through the prism of illocutive enforcement relations, which, to the researchers concept, independently have a nationally-based character, from diverse sides of a dialogical interaction: from a communicative viewpoint, from an illocutive function viewpoint, from a pragmase-mantic viewpoint and from a structuralist viewpoint [Radbil 2017: 118-124].

One of the indexes of high-context culture is a correlation in a collective massive of a discourse of informative and phatic communication, i.e. prevalence of phatic purposes compared to informative ones. In this connection a central concept of the present paper is a concept of phatic communication, promoted in works of T.G. Vinokur and other authors [Vinokur 1993]. Phatic communication embraces different phenomena of speech interaction, based

not on the exchange of information, but a support of emotional contact, «good relations» and other manifestations of courtesy principle. Its important to mention in our investigation that not all cases of phatic communication reflect the speakers aim to achieve mutual understanding and communicative cooperation; there exist so-called «non-cooperative» phatic dialogical acts, which, whether realized or not, lead to a confrontation and produce a communicative harm to participants of communication.

In this connection a standard dialogue like: – *Gde ty rabotaesh'?* // – *V biblioteke* [– Where do you work? // – In a library], – is positioned like informative, and a dialogue like: – *Gde ty rabotaesh'?* // – *I ne sprashivai!* [– Where do you work? // – You needn't ask me about it!], is seen like a phatic one, potentially non-cooperative (a conflict one). In our concept the non-cooperative kinds of dialogue interaction are divided in namely conflict ones and manipulative ones. In this work we will see in details manipulative kind.

3. Purpose of the Study

The purpose of the study is to analyze dialogue question-and-answer blocks of manipulative kinds to see their possibilities to reflect nationally based speech strategies in Russian speech practice.

4. Research Methods and Materials

The methodological base of the study are the theoretical principles of linguistic study of cross-cultural communication [Krasnykh 2002], the concept of «cultural scripts» [Wierzbicka 1997], the thesis of phatic communication like a special type of speech interaction [Vinokur 1993], the idea of ethnic and cultural reasoning of a national linguistic scheme [Zaliznyak, Levontina, Shmelev 2005] and language world conceptualization [Radbil 1996, 2007; Ratsiburskaya 2014] on the whole and national models of dialogical communication in particular [Dement'ev 2013; Matveeva 2014].

As a direct method of investigation we use a methodic of complex linguacultural analysis of two-membered answer-and-question dialogue units, which includes the analysis of communicative, functional, pragmasemantic and structuralist peculiarities of dialogue interaction through the pryzm of nationally-based speech-and-behavior models of communication [Radbil 2017: 118-124], and an integrative methodic of an analysis of a manipulative dialogue interaction and the cases of «speech demagogy» [Bulygina, Shmelev 1997; Issers 1999; Radbil 2018; Kuznetsov 2020].

The materials of the work are the texts data got from Russian National Corpus (<https://ruscorpora.ru/>).

5. Findings

The manipulative question-and-answer units, according to the concept, are the phenomena of two types: (1) diverse communicative strategies of abandoning the discussion for some reason, because of an «inconvenient» theme for

the answerer; (2) methods and means of «speech demagogy» as an embodiment of manipulative communication.

5.1. Manipulative Communicative Strategies

Such phenomena are diverse by their communicative-pragmatic properties cases of change of a discussed theme in a question, a refusal to speak on a discussed theme, a response reaction, demonstratively not connected with a discussed theme, an undesire to proceed a communication, an intentional silence etc. Here are some models of manipulative communication, exposed during analysis of question-and-answer units, got from textual data of Russian National Corpus.

(1) Change of theme:

– *Po-tvoemu, eto po-tovarishcheski? // – Napomnit' tebe den' za dnem razvitiye sobytii?* [- Do you think this is comradely? // – Remind you day by day developments?] (Sergey Gandlevskii. NRZB // «Znamya», 2002).

Here in answer replica, in a form of a question, is given a speech act of intention 'I want to remind you the development of events', which is not related to the contents of the initial question 'Do you think its comradely', but refers to a some well-known to the participants of the dialogue a preceding eventual presupposition background, at which the answerer pays attention of the speaker.

(2) Demonstrative response, not connected with a theme, from other field of knowledge, absolutely not connected with the theme discussed:

– *Neuzheli my i etogo poteryaem? // – Ty sprosi San'ku, kak on odnositsya k chislu «pi», – skazal Gromoboev i pobezhel k ustanovke* [- Are we going to lose this man too? // – You ask Sanka how he relates to the number “π”, – said Gromoboev and ran to the stop] (Mikhail Ancharov. Kak Ptitsa Garuda (1989)).

Here is used the strategy of a demonstrative logical disagreement, when a proposition in the answer is fully unrelated to the proposition in the question.

(3) Refusal to speak on a discussed theme:

– *I skol'ko tebe ne khvataet deneg? – goryacho sprosila ona. // – Chto ob etom tolkovat'?!* [- And how much money do you want? – she asked warmly. // – Why should we discuss this theme?!] (P.D. Boborykin. Vasilii Tyorkin (1892)).

Here the money theme is somewhat inconvenient for the answerer and he expresses undesire to discuss this theme;

(4) Undesire to proceed communication:

– *Sergei Viktorovich!? – V golose Nasti prozvuchala ukorizna. // – Molchu, molchu, – podnyal on vverkh ruki. – Sdayus', vas zdes' dvoe sobralos', lyubitelei mistiki i chertovshchiny* [- Sergey Viktorovich!? – A reproach sounded in Nastya's voice. // – I am silent, I am silent, – he raised up hands. – I give up, here you are, two connoisseurs of mysticism and devilment] (Vlada Valeeva. Skoraya pomoshch' (2002));

– *Razve v Leningrade ty poshel by na tantsy v lyzhnykh botinkakh? // – Molchu, molchu, patriot kruglogorski!* [- Would you go in Leningrad to dance in ski boots? // – I am silent, I am silent, you patriot of Kruglogorsk!] (Vasilii Aksenov. Kollegi (1962));

– *Otkuda vam znat', kto «mini» tam, a kto «maksii»? // – **Molchu, molchu!** On titan. Genii! [– How do you know, who is «mini» there, and who is «maxi»? // – I am silent, I am silent! He is a titan. A genius!] (Georgii Polonskii. Rol' v skazke dlya vzroslykh ili «Talanty i Polkovniki» (1970-1980)).*

In such cases the answerer formally explicates the undesire to proceed communication, but in reality, in a regime of indirect speech act, he continues it, but in needed direction (having defense from possible negative consequences – the answerer did not say it, he was silent) – and also:

– *Ritochka, ty mozhesh' pomolchat'? // – **Molchu-molchu-molchu...** – bystro zataratorila Rita. – **Ya chto khochu skazat'?** [– Ritochka, can you be silent for a while // – I am silent, I am silent, I am silent... – Rita chattered fast. – What I want to say is...] (A.V. Rondarev. Besedy o prekrasnom // «Znamya» № 2, 1996).*

(5) Case of pseudo-silence. For answer reactions on this background there has been worked out a special manipulative case of «pseudosilence» *I do not speak of..., we shall not speak of., I am silent about...* etc., for instance:

– *Mozhno podumat', chto ty znaesh' v gorode vsekh umnykh lyudei, – skazal Andrei. // – Mezhdru prochim, ikh ne tak uzh i mnogo, – vozrazil Izya, snova zapuskaya ruku v bumazhnyu kuchu. – **Ya uzhe ne govoryu o tom, chto umnye lyudi redko pishut v gazety** [– I can imagine, you know all clever people in the city, – said Andrey. // – By the way, they are not many, – Izya objected, putting the hand in the paper heap again. – I am silent about the fact, that clever people write letters to the papers rarely] (Arkadii Strugatskii, Boris Strugatskii. Grad obrechennyi (1972)).*

In this construction in the beginning there is shown a refusal to spread on any theme, and in a continuation this very theme sounds like an important one, significant for discussion from the viewpoint of the answerer (this is an indirect way to discuss any questionable or inconvenient theme with a possibility to have a defense from it, to disown it – 'I did not say it').

(6) «Manipulative teasing». Another way of manipulative evasion from discussion of an inconvenient theme or an answer to an inconvenient question is a strategy, which we call conditionally a «manipulative teasing»:

– *Chto ty khochesh' skazat'? // – **A ty chto khochesh' skazat'?** – fyrknula Tilli [– What do you want to say? // – And what do you want to say? – snorted Tilly] (Elena Khaetskaya. Sinie strekozy Vavilona / Devochki iz kolodtsa (2004));*

– *Chto tebe nado? – sprosila Agrippina. // – **A chto tebe nado?** [– What do you need? – asked Agrippina. // – And what do you need?] (Irzhi Groshek. Legkii zavtrak v teni nekropolya (1998)).*

In these cases the answerer, instead of an informative answer, simply repeats the question, and thus, by the laws of communicative cooperation, gives back the right of initiative to the questioner, being not afraid of sanctions for violation of cooperation principle – and also:

– *Kak dela? // – **Ty sprashivaesh', kak u menya dela? Eto kak u tebya dela, s takim sil'nym privorotom?** [– How do you do? // – You ask me, how do I*

do? And how do you do, with such a strong magic?] (Yu.I. Andreeva. *Mnogotochie sborki* (2009));

– *I chto ty skazal?.. // – A chto na eto skazhesh'?*. [– And what did you say?.. // – And what should I say?..] (Aleksandr Solzhenitsyn. *V krughe pervom*, vol. 1, ch. 1-25 (1968) // «Novyi Mir», 1990).

We should note, that in speech practice there are even formed steady linguistic models of such manipulative teasing – the questions and repetitive questions with an emphatic phraseologized construction What the very X with a definite prosodic contour:

– *Skazhi, – govorit, – dorogoi Kuz'ma, kak eto udalos' tebe vestochku mne poslat' iz daleka dalekogo? // – Kakuyu takuyu vestochku? – sprashivaet zhenikh* [– Tell me, – he says, – dear Kuzma, how did you get to send me a message from the faraway places? // – What the very message? – asks the groom] (Mark Sergeev. *Volshebnyaya galosha, ili Neobyknovennye priklyucheniya Vadima Smirnova, ego luchshego druga Pashi Kashkina i 33 nevidimok iz 117-i shkoly* (1971));

– *Esli zhe ya khochu zhizni drugoi? // – Kakoi takoi ty zhizni khochesh'?* [– And if I want the other life? // – What the very other life do you want?] (Viktor Astaf'ev. *Oberton* (1995-1996)).

Often the response reactions here are not real repetitive questions: in such a way the answerer with the help of formal repetitive question simply actualizes a communicative strategy of abandoning the inconvenient question.

On the whole the analyzed material witnesses that, on the one hand, that analyzed models of manipulative dialogical communication in many senses have universal, human character; and on the other hand, being plunged in a specific Russian «air of communication, which characterizes the nation on the whole» [Matveeva 2014: 123], they by one way or another correlate with such above-mentioned cultural dominants of «Russian world», as being non-controlled and non-personalized, irrationality and sense of lack of human control of course of events, a sharp reaction to false, from a viewpoint of a native speaker, values or pretenses (on «banality») etc.

5.2. Techniques of “Language Demagogy”

Many of investigated as a result of the research methods of phatic manipulative dialogic communication are correlated to the methods of «speech demagogy», which were seen in details in [Bulygina, Shmelev 1997]. Scientists treat «speech demagogy» as a «methods of indirect influence on a listener or a speaker, when the ideas, needed to be inspired, are not expressed directly, but tied gradually with the ways of use of possibilities, given by language mechanisms» [Bulygina, Shmelev 1997: 461]. The manipulation of the methods is in fact, that the speech influence is done not directly, but in a disguised way. Such different language means, corresponding the works [Issers 1999; Radbil' 2017], are as follows – the use of language plurality, the use of metaphors, the use of false estimation, the disguised comparison or opposition, the manipulation by expressive means, paronomasia, the change of theme and rheme, the

inversion, the abnormal row of comparison, nominalization etc. Thus in the materials investigated there are found question-and-answer units, in which, in particular, there are used the following methods.

(1) Assertion, disguised as presupposition. The investigated method means, that the idea to be inspired, is given as a presupposition [Bulygina, Shmelev 1997: 462]. Presuppositions can be semantic, which are deduced from the meanings of words and expressions, and pragmatic, which base on the situation, on the facts, well-known to the both interlocutors.

Manipulation with a semantic presupposition is given in the example from the interview:

– *V chem, po-vashemu, vyrazhaetsya sut' politiko-zakonodatel'noi aktsii po likvidatsii kolkhozov, sovkhozov i drugikh sel'khozpredpriyatii?* // – *Otvetyasen kak bozhii den'. Vspomnim nekotorye momenty zemel'no-agrarnoi politiki, provodimoi liberal'no-demokraticheskimi rukovodstvami strany* [– What is, to your mind, the essence of political-legislative action for liquidation of kolkhozes, sovkhozes and other agricultural businesses? // – The answer is quite clear. You should remember some moments of agricultural policy led by liberal-democratic government of the country] (Uvodyat zemlyu iz-pod nog // «Sovetskaya Rossiya», 2003.05.15).

Here the interviewer disguises by the informative question given beforehand the negative characteristics of government actions like the 'political-legislative action for liquidation of kolkhozes, sovkhozes and other agricultural businesses'. In case of any answer this negative characteristics is kept.

Manipulation with pragmatic presupposition is seen in the example:

– *Kogo by ty khotel igrat'?* // – *Razve ty ne znaesh', kogo!* [– Whom would you like to act? // – You know for sure whom!] (Vasilii Aksenov. Zvezdnyi bilet // «Yunost'», 1961).

Here the answerer instead of an informative answer on the needed information lays all the responsibility on the person who asks by a reactive question, which is based on the context and the mutual knowledge fund of the interlocutors (and by any means he will deny – 'I did not say that').

(2) Influence by means of speech implicatures. These are different manipulations with information, which is not present directly in the saying, but which can be deduced on the base of general laws of speech communication. The method «is in fact, that the saying infused is not in the text directly, but can be deduced from the sayings like a speech implicature. This gives possibility to the author of the text to deny the implicated saying when needed...» [Bulygina, Shmelev 1997: 463]:

– *Kak vy sebya chuvstvuete, Yurii Ivanovich?* // – *Nu kak vy dumaete, kak ya mogu sebya chuvstvovat'?* [– How do you feel, Yuri Ivanovich? // – Well, how do you think I can feel?] (Daniil Granin. Zubr (1987)).

The manipulateness of the method is in fact that the direct question would offend the person who asks, as it would be a kind of reproach. The asker

must deduce the information needed, thus the answerer is not responsible for the answer.

As we see, the repetition is often presented as a language mean of such manipulations because the literate interpretation of an answer, which repeats the question, leads to tautology and non-informativeness. Thus the asker is imposed the necessity of a non-literate interpretation needed, the implicature 'You should clearly understand, that in given circumstances I cannot feel well'. The manipulateness of such method is in fact that the direct answer would offend the asker, because it would look like a reproach. But in this case the asker deduced this information by himself and thus the answerer is not responsible for his words.

(3) Objection as a consent. «It is the speech manner, when an interlocutor as if agrees with the thought, expressed by an opponent, but at once expresses a conclusion, neglecting all possible conclusion of this thought» [Bulygina, Shmelev 1997: 464]:

- *Vy soglasny, professor? // - Ya soglasen, no menya interesuet, k kakomu godu vy otnosite sebya, moi slavnny analitik? Pro menya uz ne sprashivayu: navernyaka k kakomu-nibud' devyat'sot shestnadsatomu ili trinadsatomu* [- Do you agree, professor? // - I agree, but I am interested, to what year do you relate yourself, my glorious analyst? You mean, you relate me to the years 1916 or 1913] (Yurii Trifonov. *Utolenie zhazhdy* (1959-1962));

- *U teatra est' sponsory? // - Konechno, no ikh poluchaetsya priglasat' tol'ko pod kakie-nibud' osobennye sobytiya - prem'era, otkrytie sezona, priezdy zvezdy* [- Has the theatre sponsors? // - Sure, but they can be invited only in connection with some outstanding events - a premiere, an opening of theatrical season, an arrival of a star] (Yatsek Kaspshik: «Nemetskii i russkii yazyki ne slozhny dlya polyaka» // «Izvestiya», 2002.10.18).

In these cases there is used a method of concealed contradiction, the manipulateness of which, is that it gives possibility to an answerer to express an objection indirectly, without giving any explanations. Here appear diverse speech manipulations: the answerer expresses his position, formally not violating the cooperative discussion (in an answer there is represented illocutively the dependent speech act of assent).

(4) Contradistinction of «visible» and «genuine» realities. This method is based on «an appellation to objective reality» by means of metalinguage inclusions, for instance really, *in real case, in reality etc.* The manipulateness of such method, is in fact that the real speaker has no appellation to «real facts», «because in the base of such appellation there is an implicit presentation about «false», «seeming» reality, which conceals «real», «genuine» reality (and a speaker secretly appropriates the right to judge this genuine reality)» [Bulygina, Shmelev 1997: 468].

In a dialogical communication it is manifested most brightly:

- *A vy kak думаете? Predpolozhim, u menya familiya Bronshtein. // - A na samom dele? // - **Na samom dele - Kirzhner.** Ya zhe dolzhen chem-to zatsepit'*

vnimanie, chtob imenno menya vybrali iz vsej massy vedushchikh [- And how do you think? Suppose, my surname is Bronstein // - And in reality? // - In reality my surname is Kirzhner. I simply must attract attention, to be personally chosen from all mass of hosts] (Evgeniya Pishchikova. *Pyatietazhnaya Rossiya* (2007) // «*Russkaya Zhizn'*», 2008).

Here it is not clear, which of the realities is «genuine», because only the answerer in this construction responds for acknowledgement of a fact a genuine one or a false one.

(5) Use of referential ambiguity. «Articles are absent in Russian language therefore using wider context it may be cleared, whether a language expression corresponds to a definite object or to a whole class of objects» [Bulygina, Shmelev 1997: 470]:

- *Kak ty mog zhenit'sya na starukhe? - vizzhala tret'ya zhena, potrosha Vasiny al'bomy.* // - *Ona ne byla starukhoi* [- How could you marry an old woman? - screamed the third wife, looking through albums of Vassya. // - She was not an old woman] (Tat'yana Solomatina. *Akusher-KhA! Baiki* (2009)).

Here in the zone of an initiator of the dialogue the word an old woman has a general meaning 'any female, having an attribute of being an old woman', and in the zone of the answerer an old woman is used to characterize a concrete person, marked by a pronoun she (= the concrete woman, whom the answerer married a long time ago, when she was not an old woman). Manipulativeness is in fact that the answerer avoids answering in the essence an inconvenient question, but at the same time formally maintains the requirements to the successful communication, avoiding possible sanctions for violation of cooperation.

(6) Use of manipulation strategy de re. Even in ancient rhetoric there was formed a representation of two types of interpretation of alien opinion and alien speech – strategy de dicto (literally – «from the said») and strategy de re (literally – «from the thing, from the reality»). «Using strategy de dicto the speaker uses nominations, which would be considered adequate by the subject of the opinion delivered; in nomination de re the speaker renames all in accordance with own presentations of reality. <...> Strategy de dicto is aimed at an adequate transmission of an alien opinion; strategy de re is always marked and is chosen with a special aim» [Bulygina, Shmelev 1997: 474]:

- *I zachem tebe menya takuyu videt'?* // - *A kakuyu ya tebya eshchyo mogu uvidet'?* [- You need not see me in such a state // - And in what other state could I see you?] (Anna Berseneva. *Polet nad razlukoi* (2003-2005)).

Here the manipulatively full strategy de re is realized in the answer by change of theme and rheme. The rhematic component of the question (the information asked) is connected with the verb to see, and in the answer there is expressed the thematic component («other state»). The answerer thus transforms the essence of the question under his own viewpoint and avoids the essential discussion of the inconvenient theme. See also:

– *Chto ty khochesh' poluchit' vzamen?* // – *Ya skazhu, chego ya ne khochu poluchit', velikii khan* [– What do you want to get in turn? // – I will say what I would not like to get, great khan] (Boris Vasil'ev. Ol'ga, koroleva rusov (2002)).

Here the answerer reacts manipulatively not on the rheme (to get in turn), but on the theme (What do you want), by this getting possibility instead of an answer to express the opinion on that he was not asked.

(7) «Magic of words». The phenomena of «magic of words» are the cases of use in a discourse the emotionally influencing upon the asker expressions, which are non-informative, tautological, alogical or have an inner contradiction, and also do not correspond to a logic of communication. By this they distract the attention of the asker its imaginary, expressive or stylistically attractive image. «An account, realized or not, is on the fact, that the asker enchanted by «magic of words» would not plunge in the sense of words being told» [Bulygina, Shmelev 1997: 474]:

– *Pochemu by emu ne vykinut' predmet?* // – *Khoroshii chelovek v takoi moment dumaet – ya vykinu, a ego podberet drugoi khoroshii chelovek... Khoroshim lyudyam voobshche svoistvenno dumat', chto ikh okruzhayut khoroshie lyudi* [– Why would not he throw away this thing? // – A good man thinks in such a moment – I will throw it, and the other good man will pick it up... Good people generally think, that they are surrounded by good people] (Polina Voloshina, Evgenii Kul'kov. Marussya (2009)).

Instead of an informative answer here by means of concentration of emotional estimation are forced trivial sentences, which sense does not correspond to a general neutral situation. As a result the sense of answer becomes washed off and not clear.

In other case the answerer evades the answer to a fully informative question by means of superfluous emotional reaction with a question which does not correspond the logic of the set question:

– *Chto tebe nado?* // – *I eto vse, chto ty mozhesh' mne skazat'?* [– What do you need? // – Is it practically all you can tell me?] (Tat'yana Tronina. Nikogda ne govori «navsegda» (2004)).

Manipulativeness of this method is in fact that the answerer avoids answer to an inconvenient question and makes the asker a loser – makes to answer (to make a report) – him, who was an initiator of discussion.

On the whole notwithstanding the evidently universal and human character of above-mentioned methods of «language demagogu», in the very character of their use in whatever discussion situation we can see these methods. Still they exist, not always realized by the speakers, these correspondings with such key ideas of Russian language world presentation, as, for instance, principle on empathy upon the informational and rational sides of speech discussion, «practical idealism», i.e. corresponding of the plainest things, properties, processes or phenomena with a spiritual ideal [Wierzbicka 1997; Zaliznyak, Levontina, Shmelev 2005], hypertrophy of general, moral or esthetic evaluation at

nomination of persons, objects and events («moral passion», by A. Wierzbicka [Wierzbicka 1997]) etc.

6. Conclusion

The held analysis showed that all above-seen manipulative mechanisms, notwithstanding their evident universal and general communicative nature, also have some nationally-conditioned peculiarities.

At the level of language operation, the communicative organization of discourse, some definite nationally conditioned features in the analyzed material can be connected with: (1) the correspondence of information and phatic components in speech cooperation in the form habitual in modern theory of cross-cultural communication of subdivision of types of cultures to low-context and high-context ones; (2) the peculiarities of choice of speakers some illocutive dominants in speech interactions in connection with habitual in some society conventions of discussion; (3) The correlation of some dominant communicative strategies and tactics with the ideas or principles of national language world conceptualization, the system of ethnic ideals and values, speech-and-behavior stereotypes and purposes etc.; (4) the use of lingual specific speech formulas and collocations, syntactic schemes, intonation constructions, prosodic models in realization of universal principle of illocutive influence etc.

At the intentional level the diffusion of such models namely in Russian speech practice can be treated as a manifestation of peculiarities of high-context culture in the form of significant contempt to the rational side of communication. Also we can stress the attraction to significant peremptoriness, when an answerer is quite unceremoniously imposed some sentences and opinions, moreover in such a form, which does not surmise their possible consideration.

7. Practical Implications

Practical results of the investigation can be used in university teaching of Russian language as a native one or a foreign one [Lantseva 2013], in media practice and PR projects [Ratsiburskaya 2014; Issers 2020; Bagdasaryan 2017], and also in linguistic expertises [Radbil 2014; Radbil, Yumatov 2014].

References

- Bagdasaryan, E.Y. (2017), Question-Answer Series as a Type of Dialogic Text (Based on Modern English-Speaking Press Briefing). *Litera*, No. 1, pp. 67-75, available at: https://en.nbpublish.com/library_read_article.php?id=22023 (accessed: May 15, 2019). DOI: 10.7256/2409-8698.2017.1.22023. (in Russian).
- Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. (1997), *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language Conceptualization of the World (Based on the Material of Russian Grammar)], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 576 p. (in Russian).
- Dement'ev, V.V. (2013), *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of Russian Culture:

- the Category of Personality in Lexis and Pragmatics], Moscow, Global Kom publ., 338 p. (in Russian).
- Issers, O.S. (2020), More than half a century under the umbrella of communication strategies. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 2, pp. 243-256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256. (in Russian).
- Issers, O.S. (1999), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech], Omsk, Omsk State University publ., 1999. 285 p. (in Russian).
- Krasnykh, V.V. (2002), *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics], A Course of Lectures, Moscow, Gnozis publ., 282 p. (in Russian).
- Kuznetsov, I.A. (2020), *Natsional'no obuslovlennye modeli faticheskoi dialogicheskoi voprosno-otvetnoi kommunikatsii v sovremennoi russkoi rechi* [Nationally conditioned models of phatic dialogical question-answer communication in modern Russian speech], PhD Thesis, Nizhny Novgorod, 245 p. (in Russian).
- Lantseva, E.A. (2013), The problem of dialogical unities selection in aspect of teaching Russian communicative grammar for not native speakers. *Humanities Bulletin*, No. 3 (5), available at: <http://www.hmbul.ru/eng/catalog/edu/phil/45.html> (accessed: May 15, 2019). DOI: 10.18698/2306-8477-2013-3-45. (in Russian).
- Matveeva, T.V. (2014), Making a dialogue as a sphere of linguistic ecology. *Ecology of Language and Communicative Practice*, No. 2, pp. 121-131, available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Matveeva-T.V..pdf> (accessed: May 15, 2019). (in Russian).
- Radbil, T.B. (2018), *Kognitivistika* [Cognitivism], the Textbook, Nizhny Novgorod, Lobachevsky University of Nizhni Novgorod publ., 375 p. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2017), *Yazyk i mir: paradoksy vzaomootrazheniya* [A Language and the World: Paradoxes of Mutual Reflection], Moscow, YaSK publ., 592 p. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2014), Detection of content and speech indicators of dishonest informing in expert activities of a linguist. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, No. 6, pp. 146-149. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2007), Anomalii v sfere yazykovoi kontseptualizatsii mira [Anomalies in the field of linguistic conceptualization of the world]. *Russian Language and Linguistic Theory*, No. 1 (13), pp. 239-266. (in Russian).
- Radbil, T.B. (1996), On the term and the concept "ideologeme". *A Person and His / Her Language: Anthropological Aspect of a Study*, Collection of Scientific Papers, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Pedagogical University publ., pp. 11-27. (in Russian).
- Radbil, T.B., Yumatov, V.A. (2014), The methods for detection of implicit information in linguistic expertise. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, No. 3 (2), pp. 18-21. (in Russian).
- Ratsiburskaya, L.V. (ed.) (2014), *Russkii yazyk nachala 21 veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst* [Russian Language at the Beginning of the 21st Century: Lexis, Word-Formation, Grammar, Text], Collective monograph, Nizhny Novgorod, Lobachevsky University of Nizhni Novgorod publ., 325 p. (in Russian).
- Vinokur, T.G. (1993), Informativnaya i faticheskaya rech' kak obnaruzhenie raznykh kommunikativnykh namerenii govoryashchego i slushayushchego [Informative and phatic speech as the detection of different communicative intentions of the

- speaker and the listener]. Zemskaya, E.A., Shmelev, D.N. (eds.) *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect], Moscow, Nauka publ., pp. 5-29. (in Russian).
- Wierzbicka, A. (1997), *A Language. Culture. Cognition*, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 416 p. (in Russian).
- Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. (2005), *Klyuchevyye idei russkoi yazykovoï kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World], collected articles, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 540 p. (in Russian).

НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ МОДЕЛИ МАНИПУЛЯТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Т.Б. Радбиль¹, И.А. Кузнецов², Т.И. Кузнецова³

¹ *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)*

^{2,3} *Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева (Москва, Россия)*

Аннотация: Рассматриваются национально обусловленные модели фатической диалогической манипулятивной коммуникации в современной русской речи, реализованные в вопросно-ответных диалогических единствах. В методологических целях в работе разводятся понятия «национальная специфика (специфичность)» и «национальная обусловленность». Авторы исходят из предположения о том, что, несмотря на универсальный характер принципов речевого взаимодействия, особенности лингвопрагматической организации моделей диалогической интеракции, коммуникативных стратегий и тактик говорящих вполне отличаются определенной национальной и культурной обусловленностью. Это в полной мере относится и к паттернам манипулятивной диалогической коммуникации на русском языке. Анализируются диалогические вопросно-ответные единства, извлеченные методом сплошной выборки из массива данных Национального корпуса русского языка. В работе показано, что к манипулятивным вопросно-ответным единствам относятся явления двух типов: разнообразные коммуникативные стратегии ухода от обсуждения по тем или иным причинам «неудобной» для отвечающего темы; приемы и средства «языковой демагогии» как воплощения манипулятивной коммуникации. Отмечается, что указанные феномены включают в себя разнообразные по своим коммуникативно-прагматическим свойствам случаи перемены затрагиваемой в вопросе темы, отказа говорить на указанную тему, ответной реакции, демонстративно не связанной с обсуждаемой темой, нежелания продолжать коммуникацию, умышленного молчания и пр. Делается вывод, что распространенность данных моделей именно в русской речевой практике можно трактовать как проявление особенностей высококонтекстной культуры в свете известного пренебрежения к рациональной стороне общения. Также отмечается и тяготение к определенной безапелляционности, при которой адресату достаточно бесцеремонно навязыв-

ваются некие суждения и мнения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

Ключевые слова: речевое взаимодействие в диалоге, фатическая коммуникация, языковое манипулирование, языковая демагогия, национально обусловленная модель коммуникации, вопросно-ответное диалогическое единство, современная русская речь.

Для цитирования:

Радбил Т.Б., Кузнецов И.А., Кузнецова Т.И. Национально обусловленные модели манипулятивной коммуникации в русской диалогической речи // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 481–496. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).481-496. (На англ. яз.)

Сведения об авторах:

¹ **Радбил Тимур Беньюминович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики

ORCID: 0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID: AAO-6983-2020

Scopus AuthorID: 57210390493

² **Кузнецов Игорь Александрович**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

ORCID: 0000-0003-1683-5507

WoS ResearcherID: ABG-2294-2020

Scopus AuthorID: 57188835335

³ **Кузнецова Татьяна Игоревна**, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков

ORCID: 0000-0003-3782-3767

WoS ResearcherID: AAO-2552-2021

Scopus AuthorID: 7202572113

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 603105, Россия, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4

^{2,3} Почтовый адрес: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 9

¹ E-mail: timur@radbil.ru

² E-mail: igorkuznetz@gmail.com

³ E-mail: englishmail@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003/21

Дата поступления статьи: 14.05.2021

Дата рецензирования: 05.06.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

Раздел II

**СОВРЕМЕННЫЕ
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ**

Part II

MODERN DISCOURSE PRACTICES

ИДИОМЫ В РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ: ОНИ ЕСТЬ ИЛИ ИХ НЕТ? (О ЯЗЫКОВОЙ КРЕАТИВНОСТИ ГОВОРЯЩИХ НА НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ)

Н.В. Богданова-Бегларян

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Анализируется уровень речевой креативности китайцев, говорящих по-русски, – в сравнении с таким же уровнем носителей языка. В качестве материала для анализа выбраны спонтанные устные монологические тексты из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САНТ) – рассказы о каникулах и отдыхе и пересказы сюжетного текста М. Зоценко «Рубашка фантази», записанные от 8 русских и 10 китайских студентов. В рассказе М. Зоценко представлен достаточно богатый и разнообразный для небольшого текста набор устойчивых выражений разного типа: *Чёрт их знает, всего и разговору, что за мать честная!, что за чёрт!, ещё скажите спасибо, дай бог, это ничего, для отвода глаз* и некот. др. В пересказах русских студентов встретились не только многие из авторских идиом (*дай бог, для отвода глаз*), но и их модификации, пусть порой и незначительные (*что за дела такие!, что за чёрт вообще!, это ещё ничего* и под.), а также много их собственных единиц уровня идиом: *сошло ему с рук; я не силен в вот этих вот всяких штуках; делать-то уже нечего; ты ещё мол / м-м // не знаешь // всей соли // жизни; аж стало не по себе*. Информанты-китайцы в пересказах того же текста смогли использовать только три идиомы: *это ничего* (2 раза) и *ничего не поделаешь*. В целом оказалось, что студенты-иностранцы, владеющие русским языком на достаточно высоком уровне (2-й и 3-й уровни ТРКИ) и легко (надо полагать) выполняющие задания на употребление и понимание идиом в учебной аудитории, довольно плохо способны пользоваться богатым идиоматическим арсеналом русского языка в свободном общении. Думается, что это ставит новые задачи перед преподавателями РКИ и методистами, авторами учебников и учебных пособий.

Ключевые слова: речевая креативность, спонтанная речь, монолог-рассказ, монолог-репродуктив, идиома, речевой корпус.

Для цитирования:

Богданова-Бегларян Н.В. Идиомы в русской спонтанной речи носителей других языков: они есть или их нет? (О языковой креативности говорящих

на неродном языке) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 499–510. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).499-510.

Сведения об авторе:

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Финансирование:

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»)

Дата поступления статьи: 14.06.2021

Дата рецензирования: 30.06.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

Введение

Материал устной (и не только разговорной – любой!) речи открывает богатые возможности для описания на нем единиц всех языковых уровней – фонетических, лексических, грамматических, дискурсивных, – в том числе разного рода устойчивых, идиоматизированных, единиц, которые, как показали наблюдения, здесь весьма многообразны и в целом создают ощутимую специфику нашей повседневной устной коммуникации¹. Например, в ходе анализа материала русского звукового корпуса, созданного в СПбГУ по методике 24-часовой записи и известного как

¹ Понятие *повседневной речи (коммуникации)* пока, по мнению многих исследователей, находится «вне терминологической традиции», см., напр., целый сборник материалов специальной конференции на эту тему, прошедшей в феврале 2020 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН: *Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения): тез. докл. междунар. конф. (23–25 февр. 2020 г.)* / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2020. 87 с. Очевидно, что повседневная речь функционально столь же разнообразна, как и сам язык (бытовая-разговорная, научная, публицистическая...), требует столь же масштабного лексикографического описания, как и эталонный кодифицированный язык, и определить ее можно, например, как *дискурс* в самом широком смысле слова, т. е. с учетом характеристик (как социальных, так и психологических) не только говорящего и его собеседников, но и всей коммуникативной ситуации в целом. Говоря словами М.Н. Приемышевой, пришло время в описании устной речи перейти от *лексикографии* (описания только лексики) – к *речеграфии* (описанию речи как дискурса) [Приемышева 2020]. См. также о понятии *речевой лексикографии*: [Осьмак 2014].

«Один речевой день» (ОРД)¹, было, в частности, установлено, что идиомы (в широком понимании, т. е. всё то, что отвечает критериям устойчивости, воспроизводимости, экспрессивности, а также целостности значения единицы, не сводимого к сумме значений ее компонентов) составляют в нашей речи 0,19 % от общего объема в словах. При этом в наибольшем количестве они присутствуют в речи бизнесменов и предпринимателей (0,58 %), представителей творческой интеллигенции (0,56 %) и рабочих (0,40 %) [Русский язык... 2016]. По самым приблизительным подсчетам, максимальное количество идиом разного типа на один фрагмент записи составляет 1,1 % (средняя доля – 0,2–0,3 %). За минуту общения говорящий (вместе со своими собеседниками в течение своего «речевого дня») способен употребить до двух идиом [Лю Даян 2020].

Постановка проблемы

Главной причиной обилия идиом в нашей повседневной коммуникации является, вне всякого сомнения, общий креативный характер русской устной речи, креативность самих носителей языка.

Это, безусловно, верно в отношении тех, для кого русский язык родной, не случайно российские спичрайтеры известных политиков стараются непременно наполнить тексты выступлений своих «работодателей» фразеологическими единицами разного типа – это известный факт. Причем носители языка способны не только употреблять готовые единицы из идиоматического арсенала русского языка, но и активно создавать их, модифицируя всем знакомые единицы или порождая что-то совсем новое².

Знакомство с идиоматическим арсеналом входит в программу, учебники и лексический минимум русского языка как иностранного (РКИ), в результате хорошо подготовленные студенты-иностранцы, как правило, легко могут выполнить упражнение на владение этими единицами, поймут обращенную к ним экспрессивную реплику. Но способны ли они сами, спонтанно, в своей повседневной речи, использовать подобные единицы?

Материал и методика

В поиске ответа на этот вопрос обратимся к материалам интерферированной русской речи из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ). Это еще один звуковой корпус петербургских исследователей, включающий только монологическую речь, построенную в рамках разных коммуникативных сценариев (чтение, пересказ, описание изображения, рассказ на заданную тему) и записанную от носителей как рус-

¹ Подробнее о нем см.: [Русский язык... 2016; Bogdanova-Beglarian et al. 2016a, b; Богданова-Бегларян и др. 2019b].

² См., например, известные словари антипословиц и антиафоризмов [Вальтер, Мокиенко 2005; Мокиенко, Вальтер 2008], одну из работ о типах модификации фразеологических единиц в русской устной речи [Вайрах, Казорина 2017] или специальное исследование о модифицированных идиомах в корпусе ОРД [Лю Даян 2018].

ского, так и других языков (американцев, французов, голландцев, итальянцев, китайцев)¹. Обращение к корпусным данным объясняется убеждением лингвистов, что устная речь должна фиксироваться только «на магнитофонном уровне достоверности» [Винокур 1988: 47] и только в таком виде становится предметом лингвистического анализа. Ср. мнение В.А. Плуногяна о специфике корпусных исследований: корпус, по его мнению, «это фактически справочно-информационная система по современному русскому языку, позволяющая получать ответы на самые неожиданные вопросы – более того, позволяющая ставить новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась» [Плуногян 2005: 13]. Особенно актуально это высказывание применительно к материалу, отражающему «неприглаженную языковую стихию», стихию устной речи, «не скованной традицией и нормой». Обращение к корпусным данным такого рода позволяет даже «отчасти заглянуть в будущее русского языка» [Плуногян 2005: 9].

В настоящем исследовании для анализа были взяты спонтанные монологи, свободные рассказы (о каникулах) и пересказы сюжетного исходного текста, записанные от студентов-китайцев (2-й и 3-й уровни ТРКИ) [Чэн Чэнь 2018] и – как фоновые данные – от русских студентов [Хан 2013]. На фоне речи русских невысокий уровень креативности иноязычных носителей становится особенно очевидным.

Результаты исследования

В ходе эксперимента и русские, и китайцы (филологи в обоих случаях), в числе прочего, читали и пересказывали рассказ М. Зощенко «Рубашка фантази» (1927 г.). Приведем набор (достаточно богатый и разнообразный для небольшого текста²) устойчивых выражений разного типа, обнаруживаемых в этом тексте:

- *На вечеринке, думаю, все барышни кидаться будут;*
- *Чёрт их знает, думаю;*
- *Всего и разговору – двугривенный;*
- *Приходи, говорит, в аккурат перед вечеринкой и надевай свою рубаху;*
 - *Надеваю рубаху. Что за мать честная! Какая-то маленькая рубаха: воротник не сходится и манжеты на локтях. Что за чёрт!*
 - *Это, говорит, ещё скажите спасибо. Давеча я бухгалтеру стирала, так с сорока сантиметров, дай бог, ему пять осталось;*
 - *Прачка говорит: – Это обыкновенно. Это ничего. Новые рубашки теперича завсегда садятся. Или такая продукция. Или материал не стирают. Это ничего;*

¹ Подробнее о нем см.: [Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян и др. 2019а].

² Объем текста – 293 слова, количество предложений – 63, среднее количество слов в предложении – 4–5. Из 63 предложений 12 (19 %) содержат устойчивое выражение, что можно считать довольно высоким показателем идиоматичности.

• **Ах, чёрт!** Чего, думаю, делать?

• **Надел я эту рубашку, а сверху ещё для отвода глаз старенькую рубашку напялил, чтоб без хамства было, и побежал на вечеринку.**

В пересказах русских студентов встретились не только многие из авторских идиом (*дай бог, для отвода глаз*), но и их модификации, пусть порой и незначительные:

• **На вечеринке, думаю, все барышни кидаться будут** → *от барышень отбоя не будет;*

• **Что за чёрт!** → *что за дела такие! что за чёрт вообще!*

• **Это ничего** → *это ещё ничего.*

Встретились также своеобразные «переводы» идиом на обычный язык:

• **Всего и разговору** – *двугривенный* → *Это стоило / м стоило всего двугривенный / было недорого;*

• **Что за мать честная! / Что за чёрт!** → *что случилось?*

Кроме того, в пересказах носителей русского языка обнаружилось много их собственных единиц уровня идиом: **сошло ему с рук; я не силён в вот этих вот всяких штуках; делать-то уже нечего; ты ещё мол / м-м // не знаешь // всей соли // жизни; аж стало не по себе.** Русские студенты хорошо почувствовали стиль текста М. Зоценко и при пересказе дали себе волю, подключив собственные способности речевой импровизации (речевую креативность).

Информанты-китайцы в пересказах того же текста смогли использовать только три идиомы:

• **это ничего** (4 информанта из 10; это единственная идиома, точно повторяющая текст, к тому же не только дважды использованная автором, но и обыгранная в диалоге героев: **Да как же, говорю, ничего!**);

• **ничего не поделаешь / вечеринка уже на носу / и поэтому** [¹ *я оде... ы я надела эту рубашку.*]

Последние две идиомы обнаружались в речи одного и того же информанта № 7: жен., 25 лет, 3-й уровень ТРКИ, интроверт. Достаточно высокий уровень владения И7 русским языком виден не только по способности употреблять идиомы, но и, например, по наличию в ее речи случаев самокоррекции: *я оде... ы я надела эту рубашку.* Даже русские сейчас редко правильно употребляют глаголы *одеть – надеть* и практически никогда не замечают сделанной ошибки². Китайская же студентка заметила свою оговорку и тут же (практически в режиме онлайн) исправилась.

В свободных рассказах китайцев (об отдыхе на каникулах), где говорящий сам был волен использовать или не использовать идиомы, их обнаружилось всего три:

¹ Знаком (L) в расшифровках монологов обозначается физическая (синтаксически не обусловленная) пауза hesitation.

² Подробнее о наблюдениях такого рода см.: [Богданова-Бегларян 2014].

• *я могу / а-а [отдыхать / а не просто телом но и душой (?) [н-н но и душой (ИЗ) – в этой попытке говорящего произнести идиому снова видим своеобразный «контроль качества речи»: говорящий замечает свою ошибку (душой), хезитирует (задумывается) ([н-н) – и исправляется в режиме онлайн;*

• *она пока ещё не сы... сырая (И7) – о диссертации; это не идиома, но всё же проявление некоторой креативности говорящего, который использует прилагательное сырой в довольно редком, хотя и зафиксированном в словарях значении [МАС 1988: 327];*

• *я обязательно а-а н-н [дости... ы достигну какого-то прогресса / и-и успеха (И7).*

Видно, что и тут наиболее креативным оказался тот же информант № 7.

А вот набор идиом и прочего «нетривиального»¹, который встретился только в двух монологах (свободные рассказы об отдыхе и семье) русской студентки-экстраверта (не филолога):

• *поехать куда-нибудь / там / неделки на две развлекься там что-нибудь такое / начиная с самого простого / по нарастающей / по лесенке вверх и вверх;*

• *лежала бы и / отрачивала жирь;*

• *выезжать за город <...> на шашлычки-машлычки всякие такие штуки / рассесться на какое-нибудь бревно;*

• *ну там же эта река Нева типа / все дела <смех>;*

• *по детству / хотелось в школу;*

• *французы / итальянцы / испанцы и так далее по списку;*

• *ну и ладно / слава богу (это – неоднократно);*

• *вот в этом году я / э-э-э // плавала / на какой-то лодке // точнее я-то не плавала на лодке / ехала лодка / а была прицеплена к ним на парашюте / конечно здорово / но скучновато / я думала пострашней будет / а я там повисла как бельё на верёвке / ну здорово / высоко / да / высоко // потом опустили в воду / потом обратно подняли;*

• *потом еле-еле-еле пляж наш нашла / они же все одинаковые / у каждого пляжа пристань / около пристани какой-то флаг / и всё / а я-то уехала / фиг знает / этих отелей по берегу // куча;*

• *но они все почему-то хотят напиться особенно / если гостиница всё включено;*

• *ой / пляжные вечеринки это вообще отдельная тема;*

• *ну <смех> в Испанию я хотела бы / во Францию хотя бы попрактиковать свой язык / пар ле ву и всякое такое <вздох>;*

• *семья / как много в этом звуке для сердца юного слилось / так ведь было / у Пушкина ли это было / да // ну не у Пушкина так не у*

¹ О разных типах «нетривиального» в нашей повседневной речи см., напр.: [Богданова-Бегларян 2017].

Пушкина / у меня литература закончилась я не Инга <смех> // так что мне очень хорошо <смех> / литературы нет счастье есть;

• у меня нет ни братьев ни сестёр / у моей мамы тоже нет родных по крайне мере там / двадцать пятая вода на киселе конечно у всех есть;

• ну в общем в детстве / совсем когда мелкая была года два / хотя **фиг знает** скока / когда дети начинают разговаривать я уж не знаю;

• в детстве мне мама купила / наверное мама / а может и бабушка // нет мама мама / купила сапоги / ну какие-то зимние / **фиг знает** какие или валенки я уж не помню;

• ну / я всё равно их люблю / что ж **делать нечего** / потерплю нормально;

• там просто живёт кто-то // не знаю чья-то сестра / **хрен знает**;

• ещё была жива моя прабабушка и мы кушали арбуз кушали всякие **салаты-малаты** / всякие тортики / было вкусно / ой / вообще шикарно <смех> // **шашлыки-машлыки** / **салаты-малаты** очень было так здорово;

• самые вкусные овощи это **своерощенные** / вот // какое интересное словцо.

Видно, что монологи информанта на родном языке избилуют и разговорно-просторечной лексикой и фразеологией (*отращивала жиры, фиг / хрен знает, салаты-малаты, шашлыки-машлыки*), и окказионализмами на разных языковых уровнях (*по детству, своерощенные овощи, литературы нет счастье есть, развлечься по нарастающей / по лесенке вверх и вверх*), и модифицированными устойчивыми выражениями и даже прецедентными текстами (*семья / как много в этом звуке для сердца юного слилось, и так далее по списку, двадцать пятая вода на киселе*), и многим другим «нетривиальным», в чем говорящий вполне отдает себе отчет (*вот // какое интересное словцо*). Есть в этих монологах и кодифицированная идиоматика (*что-нибудь такое, слава Богу, делать нечего*), и достаточно новые выражения, также претендующие на идиоматический статус (*всё включено, все дела, отдельная тема, всякое такое*), хотя пока и не имеющие (в этих значениях) лексикографической фиксации.

Заключение

Исходный текст М. Зоценко, использованный в ходе эксперимента для чтения и пересказа, избилует устойчивыми выражениями разного типа, из которых русские употребили в своих пересказах бóльшую часть, порой модифицируя их (8 из 12; 66,7 %) (*дай бог, для отвода глаз, все барышни кидаться будут* и под.), и добавили еще и свои соответствующие выражения (*сошло ему с рук, не знаешь // всей соли // жизни, стало не по себе*). В пересказах китайцев встретились только 3 идиомы: одна авторская (*это ничего*) (8,3 %) и две собственные (*ничего не поделаешь, вечеринка уже на носу*). В свободных рассказах картина оказалась еще более

показательная: три «нетривиальных» выражения на всех китайских информантов и более 20 единиц на два монолога только одной русской студентки.

Разница в степени речевой креативности говорящих на родном и неродном языке видна, что называется, невооруженным глазом. Отвечая на вопрос, заданный в названии настоящей работы, можно сказать, что в отношении идиоматического арсенала, используемого иностранцами в естественной коммуникации на русском языке, разница между их речью в аудитории и речью спонтанной (уличной) становится особенно ощутимой, что, вероятно, ставит новые задачи перед преподавателями РКИ и методистами, авторами учебников и учебных пособий.

Список литературы

- Богданова-Бегларян Н.В.* «Нетривиальное» в повседневной устной коммуникации: опыт систематизации // *Коммуникативные исследования*. 2017. № 4 (14). С. 9–30. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.9-30.
- Богданова-Бегларян Н.В.* О судьбе одного слова-«страдальца» и его миграции из узуса в норму // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. М., 2014. Вып. 2 / отв. ред. вып. А.Д. Шмелев. С. 314–322.
- Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Зайдес К.Д., Шерстинова Т.Ю.* Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. М., 2019а. Вып. 21: Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / отв. ред. вып. В.А. Плунгян. С. 110–126.
- Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю.* Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. М., 2019б. Вып. 21: Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / отв. ред. вып. В.А. Плунгян. С. 100–110.
- Вайраx Ю.В., Казорина А.В.* Структурно-семантические модификации фразеологических единиц в медиатексте // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 3 (69). Ч. 1. С. 62–64.
- Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипоговорки русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.
- Винокур Т.Г.* Устная речь и стилистические свойства высказывания // *Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. / ред. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская*. М.: Наука, 1988. С. 44–84.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллектив. моногр. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. 532 с.
- Лю Даян.* Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 201 с.
- Лю Даян.* Модифицированные идиомы в русской повседневной речи // *Коммуникативные исследования*. 2018. № 1 (15). С. 20–34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.20-34.

- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. Т. 4: С–Я. 797 с.
- Мокиенко В., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). СПб., М.: Нева, 2008. 384 с.
- Осьмак Н.А. Лексические единицы повседневной разговорной речи: пути лексикографического описания их функционирования: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 235 с.
- Плунгян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 6–20.
- Приемшьева М.Н. Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения): тез. докл. междунар. конф. (23–25 февр. 2020 г.) / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2020. С. 58–59.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллектив. моногр. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Хан Н.А. Спонтанные монологи разного типа в коммуникативно-дискурсивном аспекте (на материале Звукового корпуса русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 283 с.
- Чэн Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 205 с.
- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech // SPECOM 2016. Springer, 2016a. P. 659–666. (Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811).
- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian // SPECOM 2016. Springer, 2016b. P. 100–107. (Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811).

References

- Bogdanova-Beglarian, N.V. (2017), “Nontrivial” in everyday communication: systematization approach. *Communication Studies (Russia)*, No. 4 (14), pp. 9-30. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.9-30. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Russian Language of Everyday Communication: Peculiarities of Functioning in Different Social Groups], collective monograph, St. Petersburg, LAIKA publ., 244 p. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (2014), The fate of a word martyr and its migration from language usage to norm. Shmelev, A.D. (ed.) *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, Iss. 2, Moscow, pp. 314-322. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (ed.) (2013), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [The Speech Corpus as a Material for Analyzing Russian Speech],

- Collective Monograph, Pt. 1. Reading. Retelling. Description, St. Petersburg, Philological faculty of the St. Petersburg State University publ., 532 p. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya., Sherstinova, T.Yu. (2019), Russian Everyday Speech Corpus "One Day of Speech": current state and perspectives. Plungyan, V.A. (ed.) *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, Iss. 21. The National Corpus of the Russian Language: Research and Development, Moscow, pp. 100-109. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V., Blinova, O.V., Zaides, K.D., Sherstinova, T.Ju. (2019), Corpus "Balanced Annotated Text Collection (Textotec)" (SAT): studying the specificity of Russian monological speech. Plungyan, V.A. (ed.) *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, Iss. 21. The National Corpus of the Russian Language: Research and Development, Moscow, pp. 110-125. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Baeva, E., Martynenko, G., Ryko, A. (2016), Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. *SPECOM 2016, Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI*, vol. 9811, Springer, pp. 659-666.
- Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Martynenko, G. (2016), An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian. *SPECOM 2016, Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI*, vol. 9811, Springer, pp. 100-107.
- Cheng, Chen (2018), *Khezitatsii v russkoi ustnoi rechi nositelei kitaiskogo yazyka* [Hezitations in Russian Spoken Language by Native Chinese Speakers], PhD Thesis, St. Petersburg, 205 p. (in Russian).
- Evgen'eva, A.P. (ed.) (1988), *Dictionary of the Russian Language*, in 4 volumes, Moscow, Russkii yazyk publ., Vol. 4, 797 p. (in Russian).
- Khan, N.A. (2013), *Spontannye monologi raznogo tipa v kommunikativno-diskursivnom aspekte (na materiale Zvukovogo korpusa russkogo yazyka)* [Spontaneous Monologues of Various Types in the Communicative-Discursive Aspect (Based on the Speech Corpus of the Russian Language)], PhD Thesis, St. Petersburg, 283 p. (in Russian).
- Liu, Dayang (2020), *Frazeologizmy v russkoi povsednevnoi rechi: tipologiya i funktsionirovanie* [Phraseological Units in the Russian Everyday Speech: Typology and Functioning], PhD Thesis, St. Petersburg, 201 p. (in Russian).
- Liu, Dayang (2018), Modified idioms in Russian everyday speech. *Communication Studies (Russia)*, No. 1 (15), pp. 20-34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.20-34. (in Russian).
- Mokienko, V., Val'ter, Kh. (2008), *Prikol'nyi slovar' (antiposlovitsy i antiaforizmy)* [Cool Dictionary (Anti-Proverbs and Anti-Aphorisms)], St. Petersburg, Neva publ., 384 p. (in Russian).
- Os'mak, N.A. (2014), *Leksicheskie edinitsy povsednevnoi razgovornoj rechi: puti leksikograficheskogo opisaniya ikh funktsionirovaniya* [Lexical Units of Everyday Colloquial Speech: Ways of Lexicographic Description of Their Functioning], PhD Thesis, St Petersburg, 235 p. (in Russian).
- Plungyan, V.A. (2005), *Zachem nuzhen Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: Neformal'noe vvedenie* [Why is the National Corpus of the Russian Language Needed: An Informal Introduction]. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003-2005*

- [National Corpus of the Russian Language, 2003-2005], Moscow, Indrik publ., pp. 6-20. (in Russian).
- Priemysheva, M.N. (2020), *Razgovornaya leksika vs razgovornaya rech'*: tendentsii i problemy leksikograficheskogo opisaniya [Colloquial Vocabulary vs Colloquial Speech: Tendencies and Problems of Lexicographic Description]. Krysin, L.P. (ed.) *Povsednevnyaya rech' kak obyekt leksikografii (Trinadtsatye Shmelevskie chteniya)* [Everyday Speech as an Object of Lexicography (Thirteenth Shmelev Readings)], Abstracts of the International Conference (February 23-25, 2020), Moscow, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS publ., pp. 58-59. (in Russian).
- Val'ter, Kh., Mokienko, V.M. (2005), *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Anti-Proverbs of the Russian People], St. Petersburg, Neva publ., 576 p. (in Russian).
- Vayrakh, Yu.V., Kazorina, A.V. (2017), Structural-semantic modifications of phraseological units in media-text. *Philology. Theory & Practice*, No. 3 (69), pt. 1, pp. 62-64. (in Russian).
- Vinokur, T.G. (1988), *Ustnaya rech' i stilisticheskie svoystva vyskazyvaniya* [Oral Speech and Stylistic Properties of the Statement]. Shmelev, D.N., Zemskaya, E.A. (eds.) *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi* [Variety of Urban Oral Speech], Collected Scientific Works, Moscow, Nauka publ., pp. 44-84. (in Russian).

IDIOMS IN RUSSIAN SPONTANEOUS SPEECH USED BY NON-NATIVE SPEAKERS: DO THEY EXIST OR NOT? (ABOUT THE LINGUISTIC CREATIVITY OF NON-NATIVE SPEAKERS)

N.V. Bogdanova-Beglarian

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The article analyzes the level of speech creativity of the Chinese speaking Russian in comparison with the same level of native speakers. Spontaneous monologue texts from the “Balanced Annotated Text Library” corpus were chosen as a material for the analysis. Stories about vacations and leisure as well as retellings M. Zoshchenko’s story “Fantasy Shirt” recorded from 8 Russian and 10 Chinese students. In the story of M. Zoshchenko, a fairly rich and diverse set of set expressions of various types is presented for a small text: *chyort ikh znaet!, vsego i razgovoru, chto za mat' chestnaya!, chto za chyort!, eshchyo skazhite spasibo, dai bog, eto nichego, dlya otvoda glaz* and etc. In the retellings of Russian students, there were not only many of the author’s idioms (*dai bog, dlya otvoda glaz*), but also their modifications, albeit sometimes insignificant (*chto za dela takie!, chto za chyort voobshche!, eto eshchyo nichego* and so on). There were a lot of their own units of the level of idioms in their speech: *soshlo emu s ruk, ya ne silyon v etikh vsyakikh shtukakh, delat'-to uzhe nechego, ty eshchyo mol ne znaesh' vsei soli zhizni, azh stalo ne po sebe*. The Chinese informants in retelling the same text were able to use only three idioms: *eto nichego* (2 times) and *nichego ne podelaesh'*. In general, it turned out that foreign students who speak Russian at a sufficiently high level (TRFL levels 2 and 3) and easily (presumably) perform tasks on the use and understanding of idioms in the classroom are rather poorly able to use the rich idiomatic arsenal of the Russian language in

free communication. It seems that this poses new tasks for the teachers of RFL and methodologists, the authors of textbooks and teaching aids.

Key words: speech creativity, spontaneous speech, monologue-story, monologue-reproductive, idiom, speech corpus.

For citation:

Bogdanova-Beglarian, N.V. (2021), Idioms in Russian spontaneous speech used by non-native speakers: do they exist or not? (About the linguistic creativity of non-native speakers). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 499-510. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).499-510. (in Russian).

About the author:

Bogdanova-Beglarian, Natalia Viktorovna, Prof., Professor of the Department of Russian Language

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 190034, Russia

E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Acknowledgements:

The present study was carried out with the St. Petersburg State University financial support (project No. 75254082 “Modelling the communicative behaviour of residents of a Russian metropolis in social, speech and pragmatic aspects using artificial intelligence methods”)

Received: June 14, 2021

Revised: June 30, 2021

Accepted: July 20, 2021

ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ «Я» И «ТЫ» В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ: К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ РЕПЛИК В ДИАЛОГЕ

И.Ю. Гранева

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация: Рассматриваются лексикализованные формы употребления русских личных местоимений ТЫ и Я в роли частиц и междометий в типизированных репликах диалога как отражение некоторых национально специфических моделей речевого взаимодействия в русской лингвокультуре. Автор исходит из предположения о том, что «застывшие» падежные и предложно-падежные формы личных местоимений I и II лица (*тебе, тебя, мне, у меня, по мне* и пр.) приобретают семантику модального и/или экспрессивного типа, явным образом не связанную с указанием на участника коммуникации – говорящего или адресата в непосредственной ситуации общения. В работе показано, что конструкции с этими формами выражают эмоциональную или оценочную реакцию коммуникантов непосредственно на условия коммуникации, на речевую ситуацию в целом или друг на друга в спонтанном речевом общении, в устной речи. Отмечается, что лексикализованные формы личных местоимений, будучи использованными в функции частиц, модальных слов, вводных конструкций и междометий, приобретают существенный эмоционально-экспрессивный и оценочный потенциал в обозначении позиций говорящего и адресата в коммуникативной ситуации, в формировании тема-рематической и модусно-диктумной структуры речевого общения. Делается вывод о национальной специфичности рассмотренных моделей речевого взаимодействия, которая проявляется, с одной стороны, в установке говорящих на эмпатию, на личностную вовлеченность в номинацию и интерпретацию изображаемой ситуации, а с другой – в реализации иллюкутивной доминанты «выяснение отношений».

Ключевые слова: русская диалогическая речь, национальная специфика, русские личные местоимения, лексикализованные формы, нереперентные употребления местоимений, реплика в диалоге.

Для цитирования:

Гранева И.Ю. Лексикализованные употребления форм личных местоимений «я» и «ты» в русской устной речи: к вопросу о национальной специфике

реплик в диалоге // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 511–529. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).511-529.

Сведения об авторе:

Гранева Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, руководитель Чешского центра образования и науки, Институт филологии и журналистики

ORCID: 0000-0002-1908-3665

Контактная информация:

Почтовый адрес: 603105, Россия, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4

E-mail: irina.graneva@mail.ru

Дата поступления статьи: 26.04.2021

Дата рецензирования: 14.05.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

1. Введение

В работе представлен фрагмент предпринятого нами исследовательского проекта по «лексикографическому описанию» [Апресян Ю. 1995] русских личных местоимений в рамках коммуникативно-прагматического подхода, который в нашей концепции основан на идеях лингвистического когнитивизма [Fauconnier 2010; Jackendoff 2010]. В центре указанного подхода к анализу местоимений находится изучение референциальных возможностей личных местоимений не только указывать на непосредственных участников коммуникации, но и выполнять более широкие и разнообразные функции в речевом общении.

Базовое научное понятие нашей работы – «тип употребления» – восходит к разработанной Е.В. Падучевой концепции денотативных (референциальных) статусов [Падучева 1985]. Мы выделяем первичные и вторичные типы референтных употреблений, а также разнообразные нереферентные употребления, когда личное местоимение, в тех или иных коммуникативных условиях, меняет свою исконную дейктическую функцию на номинативную, т. е. начинает обозначать какие-либо явления действительности или какие-либо эмоциональные и оценочные реакции говорящих, а не просто реферировать к участникам речевой ситуации (т. е. к I или II лицу в традиционной грамматике) [Гранева 2020].

Сама логика предпринятого нами интегрального описания референциальных функций личных местоимений приводит нас к вопросу о культурной значимости тех или иных моделей употребления Я, ТЫ, МЫ, ВЫ, особенно в семантически производных, в духе концепции Е.В. Падучевой и Г.И. Кустовой [Падучева 2000; Кустова 2004], значениях. Разумеется, личные местоимения в первичных референтных употреблениях отражают универсальные, общечеловеческие константы речевого взаимо-

действия: трудно предположить, что русские, английские, чешские и пр. Я, ТЫ, МЫ, ВЫ будут по-разному осуществлять «разметку» коммуникативных ролей в ситуации общения. Однако, согласно нашим наблюдениям, чем дальше от первичной референтной функции отходят те или иные контексты употребления местоимений, тем большей степенью национальной обусловленности подобные употребления обладают.

Таковы, например, исследованные нами в предыдущих работах фразеологизмы с компонентами Я, ТЫ, МЫ, ВЫ [Гранева 2017], которые, в большинстве случаев, не имеют аналогов в других лингвокультурах. То же мы можем постулировать и для функционирования в устном разговорном дискурсе лексикализованных форм личных местоимений, которые употребляются в виде частиц или междометий – ср., например, известную пословицу: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* Подобные модели употребления, вне всякого сомнения, имеют все признаки национальной и культурной специфичности.

Это допущение выглядит вполне обоснованным: ведь сфера частиц и междометий, как правило, воплощает средствами языка эмоциональные реакции и ценностные предпочтения говорящих, которые отражают «эмоциональную температуру» национального дискурса [Вежицкая 1996]. Также эти употребления, что важно для данного исследования, проявляются именно в операционной среде непринужденной разговорной речи, в спонтанном диалогическом взаимодействии носителей русского языка.

2. Постановка проблемы

Теоретическая возможность приобретения личными местоимениями вторичной, не дейктической функции, в результате чего они ведут себя как обычные знаменательные или служебные части речи, обоснована еще К. Бюлером [Бюлер 1993]. В «Русской грамматике-1980» также указывается, что «местоимения *я* и *ты* могут утрачивать местоименное значение» [Русская грамматика 1980: 529]. Однако в указанных и иных научных источниках прежде всего говорится об условиях перехода личных местоимений в существительные (о субстантивации местоимений), что достаточно подробно описано в научной литературе. В нашей работе речь пойдет о семантической производности личных местоимений другого рода.

Еще академик В.В. Виноградов говорил об определенной двойственности природы местоимений, которые, с одной стороны, характеризуются как чисто дейктические единицы, а с другой – являются «субъективно-объективными» словами [Виноградов 1972: 260]. Это указание позволяет обосновать предположение, что семантически и грамматически в определенных условиях личные местоимения могут переходить не только в существительные, но и даже в частицы или междометия. Это является, согласно нашей концепции, особой разновидностью так называемой «лексикализации» форм личных местоимений. Лексикализация выступает как

семантический процесс, который связан с переосмыслением первичной, исходной дейктической функции местоимения (которое по тем или иным причинам перестает указывать на непосредственного участника коммуникации), но при этом не сопровождается грамматическими эффектами перехода личного местоимения в знаменательную часть речи (прежде всего в существительное).

Применительно к интересующим нас местоимениям ТЫ и Я возможна, например, лексикализация их отдельных падежных или предложно-падежных форм местоимения Я, которые приобретают семантику модального и/или экспрессивного типа, уже никак явным образом не связанную с указанием на участника коммуникации – говорящего или адресата в непосредственной ситуации общения. В целях нашего исследования важно, что подобные явления семантической деривации происходят, как правило, в спонтанном речевом общении, в устной речи. Эти застывшие формы выражают эмоциональную реакцию коммуникантов непосредственно на условия коммуникации, на речевую ситуацию в целом или друг на друга. Также такие «местоименные» частицы или междометия, как правило, характеризуются значительной степенью этноспецифичности, плохо в этой роли переводятся на иностранные языки. Это может свидетельствовать об их связи с какими-то глубинными основами национально обусловленных констант речевого взаимодействия.

3. Цель исследования

Цель исследования – проанализировать лексикализованные формы употребления русских личных местоимений ТЫ и Я в роли частиц и междометий в типизированных репликах диалога как отражение некоторых национально специфических моделей речевого взаимодействия в русской лингвокультуре.

4. Методология, методы и материал исследования

Методологической основой исследования являются идеи интегрального описания языка Ю.Д. Апресяна и других представителей Московской семантической школы [Апресян Ю. 1995], современного, постклассического логического анализа языка [Арутюнова 1999; Радбиль 2011], положения современной лингвистической прагмалингвистики [Падучева 1996] и коммуникативистики [Иссерс 2020], когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языка и мышления [Lakoff 1987; Wilson 2010], лингвокультурологического направления в изучении национальной обусловленности «языка культуры», моделей коммуникации и форматов знания о мире [Вежбицкая 1996; Русский язык начала XXI века... 2014].

В качестве непосредственного метода исследования выступает методика комплексного коммуникативно-прагматического описания референциальных возможностей русских личных местоимений, которая пред-

ставлена в наших работах [Гранева 2017, 2020] и опирается на разработки в области референциального анализа местоимений [Падучева 1985, 1996; Крылов 1989], когнитивно-дискурсивного анализа культурных концептов [Радбиль 2011, 2014, 2016], национальной обусловленности диалогического взаимодействия [Кузнецов 2020].

Материалом для исследования являются словарные дефиниции и иллюстративный материал «Словаря современного русского литературного языка» (БАС), а также текстовые данные, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ; <https://ruscorpora.ru/>).

5. Результаты исследования

В соответствии с концепцией исследования, в данном разделе рассматриваются лексикализованные формы русских местоимений ТЫ и Я в национально-специфических моделях диалогического взаимодействия. Наш анализ начинается именно с местоимения ТЫ как «прототипического» выразителя позиции адресата в моделях коммуникации, обозначение которой в режиме семантической производности существенным образом демонстрирует черты национальной и культурной обусловленности в диалогическом дискурсе.

5.1. Лексикализованные формы местоимения ТЫ в национально-специфических моделях диалогического взаимодействия

«Застывшие» формы местоимения ТЫ очень активны в устной разговорной речи непринужденного характера, многие из них отмечаются в словарях. Так, в БАС отмечена такая «застывшая» просторечная форма дательного падежа местоимения **тебе** в роли экспрессивной частицы: «Употребляется для выражения досады, разочарования, угрозы и т. п. <...> – Я **тебе** поговорю! – прошептал унтер-офицер, грозя кулаком. Станюк. Первогодок, 4» (БАС 1963).

Обратим внимание на достаточно широкий эмоциональный спектр разнообразных выражаемых чувств. Конкретная эмоция, как и для многих других экспрессивных частиц, обусловлена контекстом или ситуацией общения. Это можно видеть в примерах из НКРЯ:

– грубый запрет: – *Мыться?* – *закричала Зина. – Я тебе умоюсь, чёртова перечница! В руке у неё была чугунная гиря для разработки кисти* [И. Грекова. Перелом (1987)];

– раздражение: – *Никакая я тебе не мамаша, – обрезала невестку Виталия Гордеевна* [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)];

– угроза: – *Ты что тут? А вот я тебе дам курятник! Я дам тебе несушек посмотрю!* [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)];

– огорчение: – *Он расстроено цокнул языком и закончил, вытаскивая вторую сигарету из пачки "Примы": – Вот тебе, выходит, и съездил* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

– досада: – *Успеем, говорит... Вот тебе и успели: шестой. Я каменно смотрел в лобовое стекло* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

– разочарование: – *Вот тебе и детская передача. Я слезаю с кровати и нехотя надеваю малышей лифчик, пристегиваю к нему нитяные чулочки...* [Марина Палей. Поминование (1987)].

В качестве отдельной разновидности указанной функции частицы БАС рассматривает усилительное значение: «Употребляется для усиления в предложениях, имеющих противопоставление или в отрицательных предложениях. – *А у вас там, на Чусовой, нет пашней? // – Которые пробуют, только места не те: либо тебе камень, либо лес.* Мам.-Сиб. От Урала до Москвы, 12. – *А улица такая...: никаких тебе тротуаров и мостовых, домишки деревянные.* Серг.-Ценск. Младенч. память, 2» (БАС 1963).

Примеры из НКРЯ также демонстрируют указанную усилительную функцию:

– *Чего я тебе, вещун какой иль комиссар, который наперёд знает, куда идти, чего делать, как жить?* [Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)];

– *Голубчик, да откуда же я тебе его возьму, работника-то?* [Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)].

Нетрудно видеть, что во всех случаях дательный падеж **тебе**, с точки зрения грамматики языка, употреблен чисто формально – здесь это независимая форма, не заполняющая никакой подчиненной валентности в высказывании, не выступающая в роли полноценного члена предложения и в общем необязательная в структуре пропозиции.

Однако, как нам представляется, имеется фундаментальное когнитивно-дискурсивное основание для выбора именно этой формы дательного падежа. Глубинная роль дательного падежа в структуре пропозиции – адресат. Получается, что в данных случаях у нас как бы двойная актуализации адресата – на уровне лексическом (выбор местоимения **ты**) и на уровне грамматическом (выбор дательного падежа). С ее помощью говорящий как бы «встраивает», инкорпорирует адресата непосредственно в описание объективного события, напрямую с ним не связанного, тем самым как бы приписывая адресату ответственность за не отвечающую ожиданиям говорящего ситуацию – и одновременно выражая свою эмоциональную реакцию на это несоответствие.

С точки зрения логической организации пропозиции мы здесь имеем дело с аномальным включением модусного компонента в диктумную часть высказывания (в норме, как известно, модус и диктум не должны «смешиваться» в пределах одного предложения без соответствующих маркеров), т. е., по сути, речь идет о явлениях языковой аномалии в духе Ю.Д. Апресяна [Апресян Ю. 1995], точнее, коммуникативно-прагматической аномалии, согласно Т.Б. Радбилю [Радбиль 2007].

Аномальное включение позиции адресата в описание объективной ситуации, т. е. модуса в диктум, можно видеть и в употреблении разнообразных застывших форм личного местоимения ТЫ в функции междометий. В БАС указан ряд таких разговорных междометийных конструкций, выражающих эмоциональную реакцию говорящего на адресата или ситуацию в целом, прежде всего – негативную.

Это застывшие формы винительного падежа **Ну тебя (вас)!**: «Восклицание, обозначающее: отстань, отстаньте. [Лиза:] *Да ну тебя, дядя... Хоть бы когда-нибудь пришел к нам в театр.* Михалк. Илья Головин, 1»; **Чтоб тебя (тя), вас!**: «Простореч. Бранное выражение. [В. Собакин:] *А, чтоб тебя! Чего ты раскричался?* Мей, Царск. невеста, III»; **Чтоб тебя (те), вас разорвало!**: «Простореч. Бранное выражение. [Подрядчик] *спрашивал Фильку, захлебываясь от смеха: – О, чтоб те разорвало...* Мам.-Сиб. Сестры, 6» (БАС 1963). См. также в НКРЯ:

– Да **ну тебя!** Я ведь просто прогуляться тебе предложила [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)];

«Иди сюда, **чтоб тебя!**...» – заорал на жену Сизов и, схватив за руку, буквально швырнул на стул рядом с собой [Ю.М. Нагибин. Дневник (1975)];

Лева быстро встал на руки и на руках обежал вокруг милиционера. – Ах, **чтоб тебя разорвало!** Вы что – циркачи? [Н.И. Гаген-Торн. Memoria (1936–1979)].

Это застывшие формы дательного падежа: **Вот тебе (те) (у) на!**; **Вот тебе! Вот тебе (те) (у) раз!**; **Чтоб тебе (те), вам пусто (было)!**: «Простореч. Бранное выражение. [Настя:] *Ты солила лапшу?* [Марина Федосовна:] *Солила.* [Настя:] *Ну, и я бухнула,* [Марина Федосовна:] *Помогла, чтоб тебе пусто!* Бибик, Архиповы» (БАС 1963). См. также в НКРЯ:

– Да-а? // – **Вот тебе и да-а!** Гусаков почувствовал, что тот всё понял – не маленький [Василь Быков. Болото (2001)];

– Приехали, – сказал Суханов. // – **Вот тебе и на!** Значит, прав был эфэсбешник... [Андрей Белозеров. Чайка (2001)];

– Я не могу передать им никаких нравственных ценностей! **«Вот тебе и раз!»** – только и мог подумать Данилов [Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980)];

– Ты имеешь что-то против советской конституции? **Чтоб тебе пусто было!** Или ты имеешь что-то против любви? [Инна Халыпина. Карниз Европы // «Волга», 2015].

В большинстве случаев указанные модели употребления застывших форм местоимения ТЫ в роли частицы и/или в составе междометийной конструкции связаны с феноменом имплицитной вербальной агрессии в духе В.Ю. Апресян, которая в своей работе выделяет типовые конструкции с интересующим нас местоимением:

(1) «Говорящий выражает мягкий упрек или свое разочарование адресату. Используется частица *эх ты*» [Апресян В. 2003: 34]. См. примеры из НКРЯ:

– *Мне было стыдно приходить к вам с ослиными ушами. // – Эх ты!*
– *сказал Медвежонок. – Мы же твои друзья* [Сергей Козлов. Как Ёжик с Медвежонком спасли Волка // «Мурзилка», 2003];

– *Чего даёт? – не понял Колюня, и сердце у него тоскливо сжалось. – Эх ты, лапоть. Ладно, посмотрим на твою недотрогу* [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000];

(2) «Говорящий угрожает адресату. Используются частицы *только* и *тебе* в комбинации с псевдо-императивом или личной формой глагола» [Апресян В. 2003: 34]. См. примеры из НКРЯ:

– *Только попробуй. Я тебе съем! Это отрава для человеческого желудка* [М. А. Булгаков. Собачье сердце (1925)];

Максим тогда завизжал, как свинья, которую режут: «Я тебе пойдю! Я тебе морду в кровь разобью, подлючка маленькая! Ты хоть немного соображаешь, что говоришь, Алена?!» Она взглянула на него теми же свято-невинными глазами и голосом, полным недоумения, спросила: «А что тут такого, дедка?» [Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы (1997)].

В свою очередь ряд исследователей справедливо трактуют указанные типы вербально-агрессивного употребления лексикализованных форм русского личного местоимения ТЫ в свете национально обусловленных моделей коммуникации с иллокутивной доминантой «выяснение отношений», когда оба собеседника озабочены лишь стремлением нанести коммуникативный ущерб друг другу [Вежбицкая 1997; Кузнецов 2020].

Другие типы употребления застывшей формы именительного падежа местоимения ТЫ, по сути, воплощают когнитивно-дискурсивную схему, во многом противоположную описанной выше. Речь идет об использовании междометийных конструкций *Ах, ух* и т. п. *ты!*: «Восклицание, выражающее удивление, испуг, радость и т. п. – *Ах, ты, гадость какая!* — с отвержением *сказал он, встал и зашагал по комнате. – Как паскудно на душе!* Верес. На повороте, 11. [Наталья:] *Умерла.* [Прохор:] *Ух ты... Железнов – в одночасье, теперь — она!* М. Горький, Васса Железнова (2-й вар.), 3» (БАС 1963).

Конкретная эмоция снова обусловлена ситуацией общения, как показывают примеры из НКРЯ:

(1) *Ах ты:*

– *огорчение: Совершив открытие, она проспала почти сутки, во сне смирилась с этим занятным обстоятельством и объявила Витальке, который как раз попался под руку. – Ах ты чёрт! – огорчился он. – Я, конечно, козёл, но и ты хороша...* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000];

– удивление: – **Ах ты** господи, – изумился Сысоев, – а как же забор голубой? [Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)];

– раздражение: – **Ах ты!** – Нейман раздражённо швырнул по столу оба заявления, вынул трубку и стал её набивать [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)];

– любовь: *И говорил дорогой: – Ах ты, лапушка ты моя! Любушка-голубушка...* [Василий Шукшин. Калина красная (1973)];

– испуг: *Услышал: – А-ах, ты снова меня напугал. Ха-ха, вот дурак* [Ирина Бахтина. По пути в никуда (2007)];

– похвала: – *Голубушка ты моя! Ах ты, умница! Ну, друзья мои, и эта беда нас миновала!* [Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть (2007)];

(2) **Ух ты:**

– удивление: *Я попросила бы вас, господа, похитить его и привести ко мне. // – Ух ты! – воскликнул Гоша. // – А награда? – снова вылез Тимоша* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)];

– тревога: *А я ещё и одеваться не начал. Ух ты, как заколотилось опять сердце. – Товарищи, который час?* [Сергей Юрский. Бумажник Хофманна (1993)];

– радость: *О своём изобретении он рассказал товарищам-гимназистам. // – Ух ты! – обрадовались они. – Вот это язык!* [Степан Тимохин (Тим. Собакин). Эсперанто // «Трамвай», 1990];

– возмущение: – **Ух ты,** – рассердился он, – ну, Шалч, тебя не пере-говорить, всё тебе не так... [Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)];

– восхищение: – *Это жена моя, – шепнул тот в ответ. // – Ух ты! – ухнул блондин. // – Ребята, знакомьтесь, – сказал Марвич. – Это жена моя, Таня* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)].

Когнитивно-дискурсивные особенности данной коммуникативной модели состоят в том, что здесь позиция адресата избыточно включается в ситуацию, которая реально адресованности, обращения к ТЫ как к непосредственному участнику коммуникации, не предполагает. Здесь модусное ТЫ в диктуме означает что-то вроде 'я (обращающийся сам к себе как к адресату)' или нереферентное обобщенно-личное 'все, любой, каждый'. Иными словами, в позицию адресата при описании стандартной объективной ситуации аномально попадает любой, т. е. человек как бы обращается ко всему миру, приглашает всех возможных окружающих разделить с ним его эмоции.

С точки зрения возможной оценки такой модели как национально обусловленной здесь можно предположить наличие эмпатии – личностной вовлеченности говорящего в номинацию ситуации как культурно-специфичной черты русского диалогического дискурса [Вежбицкая 1997; Русский язык начала XXI века... 2014; Кузнецов 2020], установки на чрез-

мерную гиперболизацию в языковой концептуализации ситуации, гипертрофии эмоциональной реакции, общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой [Вежбицкая 1997], а также внимания к нюансам человеческих отношений как одной из ключевых идей русской языковой картины мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]).

5.2. Лексикализованные формы местоимения Я в национально-специфических моделях диалогического взаимодействия

Местоимение Я, как и рассмотренное выше местоимение Ты, также демонстрирует разнообразные модели лексикализации – употребления в функции экспрессивных частиц и междометий в русском неформальном разговорном дискурсе.

Употребление в разговорной речи застывшей формы местоимения в дательном падеже **мне** отражено в БАС, где толкуется следующим образом: «Разг. Употребляется для выражения досады, опасения и т. п. при личной заинтересованности в чем-либо говорящего. *Разбудите мне только ребенка!*» (БАС 1965). Конкретное негативное чувство определяется уже из смысла ситуации, о чем свидетельствуют примеры из НКРЯ:

– угроза: – *Выпусти ты мне только генерала, своими руками разорву* [П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 2) (1922)];

– досада: – *Я никак не мог взять в толк, что случилось, – по дороге смущенно рассказывал водитель, – а оказывается, этот долговязый рыжий, который крутился возле машины, засунул в выхлопную трубу картошку! Ну попадись он мне только!* [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)];

– грубый запрет: – *Мужчина идет за мамонтом, женщина поддерживает огонь. // – Кто тут мужчина-то? – с презрением спросила Надя. // – Поговори мне еще! – прикрикнул на нее Будкин* [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)];

– осуждение: – *Что ты сказал?.. Пьяная морда, поговори мне еще... Слушай и запоминай, Хабарова ты выпустишь!* [Олег Павлов. Казенная сказка (1993)],

Если одиночное **мне** как частица применяется для характеристики события в целом, то составная конструкция в роли частицы **Уж этот (это, эта, эти) мне (кто-, что-либо)** экспрессивно характеризует лицо или объект в качестве партиципанта, участника ситуации, употребляясь как эмфаза, в выделительной функции: «*Друг поехал на чужбину, Дальнюю сторонку. Ох, уж эта мне чужбина, Горькая кручина.* Пушкин. Е. О. 3 (вар.). [Наталья:] *Уж эти мне гости! Не дадут и часочка с ним посидеть!* А. К. Толст. Посадник, 2» (БАС 1965). В качестве смысловой доминанты здесь, как правило, выступает коммуникативная направленность разочарования, отрицательной реакции на факт несоответствия объекта или явления ожиданиям говорящего, что можно видеть и в примерах из НКРЯ:

– *Ох, уж это мне французское легкомыслие*, – проворчал Дебоширин [Сергей Довлатов. Иная жизнь (1984)];

– *И, вздохнув, добавил: – Ох уж этот мне Марк Твен!..* [Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960-2000)];

– *Благодарю, Фок, я еще в Сербии привык спать под открытым небом. // – Ох уж эта мне волонтерская гордость! // Брянов жалел и щадил своих солдат, хотя если бы эти марши были учебными, он бы покачивался в седле впереди своей роты с тем же спокойствием, что и Фок* [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)].

Для обоих вариантов употребления **мне** имеется существенный общий смысловой компонент в плане характеристики установок говорящего. Об этом свидетельствует их объединенное толкование в «Русском семантическом словаре»: «О говорящем как о лице, не допускающем противодействия, угрожающем или осуждающем (разг.): *Поговори ещё мне! Уж эти мне сплетники!*» (РСС 1998). Для определения когнитивно-дискурсивной и коммуникативной специфики этого типа лексикализованного употребления **мне** важно указание БАС «при личной заинтересованности в чем-либо говорящего». Здесь, в отличие от разобранного выше употребления **тебе**, в описание объективной ситуации говорящий уже встраивает себя самого, точнее, напротив, включает описываемую ситуацию в круг своих интересов, в сферу личной ответственности и заинтересованности. Не случайно и в этих случаях «застывает» именно грамматически независимая форма дательного падежа – падежа адресата. Говорящий тем самым как бы утверждает что-то вроде того, что ‘то, о чем я говорю, целиком и полностью адресуется, посылается мне извне, предназначено для моей оценки’. Таким образом, говорящий как бы присваивает себе изображаемое в диктуме, сам становясь частью диктума в форме **мне**, оставаясь при этом субъектом модуса – невербализованным ‘Я’.

Эта же идея «присвоения» изображаемой ситуации отражена и в другой «застывшей» предложно-падежной форме местоимения **у меня** в роли частицы: «Выражает предупреждение, предостережение, угрозу и т. п. – *Наплачется он у меня, узнает, какво идти на Троекурова!* Пушкин. Дубровский, I, 1» (БАС 1965). См. также примеры из НКРЯ:

– *Ни за какой руль ты у меня не сядешь* [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)];

Ты у меня, миленький, вверх тормашками полетишь! [Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)];

– *И он вышел из купе, но в дверях ещё оглянулся. // – Сейчас ты у меня уедешь. // – И вышел* [Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970-1972)].

С когнитивно-дискурсивной точки зрения то, что в этих случаях «застывает» именно грамматически независимая форма родительного падежа с предлогом **у**, можно объяснить наличием у этой формы посес-

сивного значения 'находиться в сфере говорящего, пространственной или мыслительной'. Кстати, это же значение выражается и в наречных употреблениях этой конструкции в роли детерминанта или обстоятельства места: «Употребляется в значении какого-либо места, где говорящий живет, работает и т. п. *Дон Карлос, перестаньте! Вы не на улице – вы у меня – извольте выйти вон.* Пушк. Кам. гость, 2» (БАС 1965). Если **мне** актуализует идею адресованности некой изображаемой ситуации для говорящего, то **у меня** актуализует идею непосредственной вовлеченности ситуации в его сферу. Иными словами, **у меня** как бы усиливает идею присвоения говорящим изображаемого в диктуме события (сначала что-то просто было послано **мне**, а потом в результате оно уже имеется **у меня**). Цель указанных коммуникативных стратегий – приобрести (точнее, присвоить и «узаконить») право в дальнейшем переинтерпретировать изображаемое в диктуме событие (или пропозицию) в своих интересах или вынести свое оценочное суждение по этому поводу. Мы снова имеем дело с любопытным когнитивным эффектом аномального включения модусного Я в диктум.

В большинстве случаях употребления **мне** и **у меня** как частиц выражают негативно-оценочные смыслы. В концепции В.Ю. Апресян они также рассматриваются в числе моделей выражения имплицитной вербальной агрессии: «Говорящий скептически по отношению к адресату или третьему лицу и считает, что адресат или третье лицо не отвечает тем требованиям, которые естественно к нему предъявить. Используются частицы *тоже мне и еще*» [Апресян В. 2003: 34]. См. также примеры из НКРЯ:

– *Просто не успевали. **Тожже мне** достопримечательность! Кладбище* [Анастасия Романова. Александр Буйнов: Наши бомжи круче бомжей Сан-Франциско // «Вечерняя Москва», 2002.01.10];

– *Я что, специально горбатилась тридцать лет, чтобы ты тут, такой красивый, на моём диване лежал? **Тожже мне**, дуру нашли. Выметайся из моего дома* [Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001)];

– *Ясное дело, лучше, чтоб и письмо было в наличии, и вообще, блюдечко с голубой каёмочкой! **Тожже мне** сыщик! // – Кстати, – сказал я, хотя это было совсем некстати, – вы с Гошей встречались?* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

В плане возможной национальной обусловленности указанных конструкций мы можем предположить, что в них, в еще большей степени, чем в конструкциях с лексикализированным ТЫ, проявляется установка говорящего на эмпатию, на его личностную вовлеченность в номинацию и интерпретацию изображаемой ситуации. С другой стороны, здесь можно видеть и иллюкутивную доминанту «выяснение отношений», благодаря которой «эмоциональная температура» русского разговорного дискурса [Вежицкая 1997] очень часто бывает, если можно так выразиться, «повышенной».

Помимо выражения экспрессивно-окрашенных и оценочных смыслов, застывшие предложно-падежные формы местоимения Я могут употребляться в функции модальной частицы, указывающей на говорящего как источник мнений, сведений или носителя определенных норм, через призму которых оценивается сообщаемое, а также в функции вводной конструкции с соответствующей семантикой. Это разговорная предложно-падежная форма **по мне**: «По моему мнению, на мой взгляд, на мой вкус. [Франц:] *Черт побери наше состояние! – Да по мне лучше быть последним министром*. Пушкин. Сцены из рыц. времен» (БАС 1965). Примеры из НКРЯ демонстрируют возможность употребления этой формы как в роли частицы, так и в роли вводной конструкции – иногда в варианте **как по мне** (сигналом последнего на письме является пунктуационное выделение запятыми):

– Я разбавленный спиритон не люблю, **по мне** бы его вовсе не было [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)];

– **По мне**, хоть вы все живите в пятикомнатных квартирах [Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)];

– И хорошо, что всё-таки не потратил денег – **как по мне**, фильм того совершенно не стоил [коллективный. Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006-2011)].

В качестве примечания отметим, что **по мне (не по мне)** в служебной функции входит в модели грамматической конверсии, т. е. может употребляться и в роли знаменательных слов – предикативов в безличной и личной форме (как, впрочем, многие аналогичные слова типа *возможно, исключительно* и пр.). Так, в НКРЯ встречаем использование этой конструкции в роли:

– слов категории состояния в безличных предложениях: – *Здесь не по мне, не могу жить... ничего не поделаешь* [А.П. Чехов. Вишневый сад (1904)]; – *Я вот не люблю паниковать, да и закупаться как в войну не по мне, а вы что думаете по этому поводу?* [Финансовый кризис и как нас это коснется (форум) (2008)];

– прилагательных в личных предложениях в функции сказуемого: *В общем, всё это меня мало касалось, я крутил баранку в пыли и грохоте, в черепашьем движении Рязанского шоссе, <...> – это была жизнь по мне* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)];

– несклоняемых прилагательных в функции несогласованного определения: *Вы пишете роль по мне, и все будет в порядке* [Галина Щербакова. Подробности мелких чувств (2000)].

Но и во всех вышеуказанных случаях семантика данной формы остается неизменной. Она, по сути, близка к случаям эмоционально-окрашенного включения изображаемой ситуации в личную сферу говорящего посредством форм **мне** и **у меня**; просто здесь акцент делается на соот-

ветствие изображаемого события нормам говорящего в качестве естественной точки отсчета на воображаемой шкале ценностей (*по мне* здесь мотивировано исходной грамматической семантикой дательного соответствия – ‘по моему росту, размеру и под.’). В плане возможной национальной обусловленности модели модального употребления лексикализованных предложно-падежных форм местоимения Я, хотя и имеют определенные формально-языковые параллели с другими языками (ср. англ. *as for me*), при этом всё же, на наш взгляд, коррелируют с типично русской установкой говорящего на эмпатию, с «моральной страстностью» [Вежбицкая 1997], при которой обсуждение любой информации имеет тенденцию попадать в сферу столкновения оценочных и эмоциональных реакций участников коммуникации.

6. Заключение

Проанализированные в работе модели употребления лексикализованных падежных и предложно-падежных форм русских личных местоимений ТЫ и Я в диалогической речи продемонстрировали значительное разнообразие схем семантической производности, в которых участвуют эти формы, будучи использованными в функции частиц, модальных слов, вводных конструкций и междометий. Был выявлен и существенный эмоционально-экспрессивный и оценочный потенциал конструкций с указанными формами в обозначении позиций говорящего и адресата в коммуникативной ситуации, в формировании тема-рематической и модусно-диктумной структуры речевого взаимодействия.

Также результаты проведенного анализа позволяют предположить наличие у подобных моделей диалогического взаимодействия значительной степени национальной специфичности в плане их соотносительности с коммуникативными константами протекания русского разговорного дискурса и речеповеденческими установками русских людей, с ключевыми идеями русской языковой картины мира.

Список литературы

- Апресян В.Ю. ИмPLICITная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. Междунар. конф. «Диалог – 2003» (Протвино, 11–16 июня 2003 г.) / под ред. И.М. Кобозевой, Н.И. Лауфер, В.П. Селегея. М.: Наука, 2003. С. 32–35.
- Апресян Ю.Д. Избр. тр.: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. 769 с.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка: пер. с нем. / общ. ред. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993. 504 с.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

- Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
- Гранева И.Ю.* Русское личное местоимение «я» в коммуникативно-прагматическом освещении // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 5. С. 197–203.
- Гранева И.Ю.* О культурной значимости русских личных и лично-притяжательных местоимений в составе фразеологизмов // Научный диалог. 2017. № 12. С. 74–87. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-74-87.
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст.. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
- Иссерс О.С.* Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 2. С. 243–256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256
- Крылов С.А.* О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика: межвуз. сб. науч. тр. Владимир: ВГПИ, 1989. С. 5–12.
- Кузнецов И.А.* Национально обусловленные модели фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации в современной русской речи: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2020. 245 с.
- Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
- Падучева Е.В.* О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня: сб. ст. / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 395–417.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.
- Радбиль Т.Б.* «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сент. 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54.
- Радбиль Т.Б.* Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
- Радбиль Т.Б.* «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. С. 569–573.
- Радбиль Т.Б.* Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 239–266.
- Русская грамматика.* в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.
- Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст:* коллектив. моногр. / под ред. Л.В. Рацибурской. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.

- Fauconnier G.* Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages / Ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Repr. ed. 1994. Oxford: The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics, 2010. 190 p.
- Jackendoff R.* Meaning and the Lexicon. The Parallel Architecture 1975-2010. Oxford: Oxford University Press, 2010. 485 p.
- Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.
- Wilson M.* The retooled mind: How culture re-engineers cognition // Social, Cognitive, and Affective Neuroscience. 2010. No. 5, iss. 2–3. P. 180–187. DOI: 10.1093/scan/nsp054.

Источники

- БАС 1965* – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 17. 1965. 1068 с.
- БАС 1963* – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 15. 1963. 648 с.
- РСС 1998* – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 4 т. / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т. I. 807 с.

References

- Apresan, V.Ju. (2003), Implicit aggression in language. Kobozeva, I.M., Laufer, N.I., Selegei, V.P. (eds.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Proceedings of the Annual International Conference “Dialogue” (2003), Moscow, Nauka publ., pp. 32-35. (in Russian).
- Apresyanyan, Yu.D. (1995), *Selected Works*, in 2 volumes, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., Vol. 2. Integrative Description of a Language and Systeme Lexicography, 769 p. (in Russian).
- Arutyunova, N.D. (1999), *Yazyk i mir cheloveka* [A Language and a Human World], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 896 p. (in Russian).
- Bühler, K. (1993), *Teoriya yazyka. Rerezentativnaya funktsiya yazyka* [Theory of Language. Representative Function of Language], Moscow, Progress publ., 504 p. (in Russian).
- Fauconnier, G. (2010), *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*, Repr. ed. 1994, ed. D. Geeraerts and H. Cuyckens, Oxford, The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics, 190 p.
- Graneva, I.Yu. (2020), Russian personal pronoun "Ya" ("I") in communicative-pragmatic aspect. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, No. 5, pp. 197-203. (in Russian).
- Graneva, I.Y. (2017), On Cultural Significance of Russian Personal and Personal-Possessive Pronouns in Phraseological Units. *Nauchnyi dialog*, No. 12, pp. 74-87. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-74-87. (in Russian).
- Issers, O.S. (2020), More than half a century under the umbrella of communication strategies. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 2, pp. 243-256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256. (in Russian).
- Jackendoff, R. (2010), *Meaning and the Lexicon. The Parallel Architecture 1975-2010*, Oxford, Oxford University Press, 485 p.

- Krylov, S.A. (1989), O semantike mestoimennykh slov i vyrazhenii [On the semantics of pronouns and expressions]. *Russkie mestoimeniya: semantika i grammatika* [Russian pronouns: semantics and grammar], Interuniversity collection of scientific papers, Vladimir, Vladimir State Pedagogical Institute publ., pp. 5-12. (in Russian).
- Kustova, G.I. (2004), *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [The Types of Derivative Meanings and the Language Expansion], Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury publ, 472 p. (in Russian).
- Kuznetsov, I.A. (2020), *Natsional'no obuslovlennye modeli faticheskoi dialogicheskoi voprosno-otvetnoi kommunikatsii v sovremennoi russkoi rechi* [Nationally conditioned models of phatic dialogical question-answer communication in modern Russian speech], PhD Thesis, Nizhny Novgorod, 245 p. (in Russian).
- Lakoff, G. (1987), *Women, Fire and Dangerous Things*, Chicago, University of Chicago Press, 614 p.
- Paducheva, E.V. (2000), O semanticheskoi derivatsii: slovo kak paradigma leksem [On semantic derivation: a word as a paradigm of lexemes]. Krysin, L.P. (ed.) *Russkii yazyk segodnya* [Russian language today], collected articles, Moscow, Azbukovnik publ., Iss. 1, pp. 395-417. (in Russian).
- Paducheva, E.V. (1996), *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic research: Semantics of a Tense and an Aspect in Russian; Semantics of Narrative], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 464 p. (in Russian).
- Paducheva, E.V. (1985), *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [Utterance and Its Correlation with Reality (Referential Aspects of Pronoun Semantics)], Moscow, Nauka publ., 272 p. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2016), "Precedent names" as elements of "culture language". Klimkova, L.A, Suprun, V.I. (eds.) *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region], Materials of the 15th International Scientific Conference, Arzamas, Sarov, Interkontakt publ., pp. 49-54. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2014), Detection of content and speech indicators of dishonest informing in expert activities of a linguist. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, No. 6, pp. 146-149. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2011), "Language of values" in modern Russian speech and the ways of its calculation. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, No. 6 (2), pp. 569-573. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2007), Anomalii v sfere yazykovoi kontseptualizatsii mira [Anomalies in the field of linguistic conceptualization of the world]. *Russian Language and Linguistic Theory*, No. 1 (13), pp. 239-266. (in Russian).
- Ratsiburskaya, L.V. (ed.) (2014), *Russkii yazyk nachala 21 veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst* [Russian Language at the Beginning of the 21st Century: Lexis, Word-Formation, Grammar, Text], Collective monograph, Nizhny Novgorod, Lobachevsky University of Nizhni Novgorod publ., 325 p. (in Russian).
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980), *Russian Grammar*, in 2 volumes, Moscow, Nauka publ., Vol. 1, 783 p. (in Russian).

- Vinogradov, V.V. (1972), *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language. Grammar Studies in a Word], Moscow, Vysshaya shkola publ., 616 p. (in Russian).
- Wierzbicka, A. (1996), *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [A Language. Culture. Cognition], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 416 p. (in Russian).
- Wilson, M. (2010), The retooled mind: How culture re-engineers cognition. *Social, Cognitive, and Affective Neuroscience*, No. 5, iss. 2-3, pp. 180-187. DOI: 10.1093/scan/nsp054.
- Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. (2005), *Klyuchevye idei russkoi yazyk-ovoi kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World], collected articles, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 544 p. (in Russian).

Sources

- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998), *Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings*, in 4 volumes, Moscow, Azbukovnik publ., Vol. 1, 807 p. (in Russian).
- (1965), *The Modern Codified Russian Dictionary*, in 17 volumes, Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR publ., Vol. 17, 1068 p. (in Russian).
- (1963), *The Modern Codified Russian Dictionary*, in 17 volumes, Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR publ., Vol. 15, 648 p. (in Russian).

LEXICALIZED USAGES OF THE FORMS OF PERSONAL PRONOUNS “YA” (“I”) AND “TY” (“YOU”) IN RUSSIAN SPEECH: TO THE QUESTION OF THE NATIONAL SPECIFICITY OF SPEECH IN DIALOGUE

I.Yu. Graneva

*National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)*

Abstract: The article examines the lexicalized forms of the use of Russian personal pronouns “TY” (“YOU”) and “YA” (“I”) in the role of particles and interjections in specialized dialogue speech as a reflection of some nationally specific models of speech interaction in Russian language culture. The author proceeds from the assumption that the “frozen” case and prepositional-case forms of 1st and 2nd personal pronouns (*tebe, tebya, mne, u menya, po mne*, etc.) get the semantics of a modal and / or expressive type, in an explicit manner not related to the indication of the participant in the communication – the speaker or the addressee in the direct communicative situation. The work shows that structures with these forms express the emotional or evaluative reaction of communicants directly to the conditions of communication, to the speech situation in general, or to each other in spontaneous verbal communication, in speaking. It is noted that the lexicalized forms of personal pronouns, being used in the function of particles, modal words, parentheses and interjections, get a significant emotional-expressive and evaluative potential in designating the positions of the speaker and the addressee in a communicative situation, in the formation of a theme-rhematic and modus-dictum structure of speech interaction. The conclusion is made about the national speci-

ficity of the considered models of dialogue speech, which manifests itself, on the one hand, in the speaker's attitude towards empathy, on personal involvement in the nomination and interpretation of the described situation, and on the other hand, in the implementation of the illocutionary dominant "clarification of relations".

Key words: Russian dialogic speech, national specificity, Russian personal pronouns, lexicalized forms, non-referential usages of pronouns, speech in a dialogue.

For citation:

Graneva, I.Yu. (2021), Lexicalized usages of the forms of personal pronouns "ya" ("I") and "ty" ("you") in Russian speech: to the question of the national specificity of speech in dialogue. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 511-529. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).511-529. (in Russian).

About the author:

Graneva, Irina Yurievna, PhD, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Head of Czech Educational and Scientific Center, Institute of Philology and Journalism

ORCID: 0000-0002-1908-3665

Corresponding author:

Postal address: 4, Ashkhabadskaya ul., Nizhny Novgorod, 603105, Russia

E-mail: irina.graneva@mail.ru

Received: April 26, 2021

Revised: May 14, 2021

Accepted: July 20, 2021

ДИСКУРСИВНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМ МЕНТАЛЬНОСТЬ И МЕНТАЛИТЕТ В ЭТНОСПЕЦИФИЧНЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ ПРЕДИКАТНО-ОБЪЕКТНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ

Л.И. Жуковская

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия)*

Аннотация: Особенности дискурсивного варьирования лексем *ментальность* и *менталитет* как репрезентантов соответствующего концепта ‘менталитет / ментальность’ в современной русской речи рассматриваются через призму проблемы национальной обусловленности моделей его речевой реализации. Особое внимание уделяется языковой реализации лексем в репрезентативных контекстах неузуальной предикатно-объектной сочетаемости, в которых отражены модели концептуальной метафоризации данных лексем в направлении овещствления или одушевления абстракции. В работе показано, что, несмотря на универсальность моделей концептуальной метафоризации, конкретное словесное наполнение, типы предикатов и атрибутов, которые приписываются абстрактным сущностям в процессе их конкретизации, вне всякого сомнения, во многом имеют этническую и культурную специфику. Отмечается, что лексемы *ментальность* и *менталитет*, будучи абстрактно-терминологическими по типу семантики и иноязычными по происхождению, легко и естественно вписываются в типично русские модели овещствления абстракции или одушевления неодушевленной сущности – точно так же, как это свойственно исконно русским абстрактным понятиям типа *мысль*, *разум*, *время* и под. Ментальность и менталитет могут осмысляться как физические или биологические предметы, как продукты социальных взаимодействий – имущество и наследство, как вещества, как живые существа. Делается вывод о высокой степени культурной апроприации соответствующего концепта в речевой практике современных носителей русского языка. Благодаря этому концепт ‘менталитет / ментальность’ воспринимается в современной национальной концептосфере не как чужеродное явление, а как что-то близкое, доступное носителю языка, включенное в сферу его мира. Это, в свою очередь, порождает этнически и культурно обусловленный характер моделей речевой реализации указанного концепта.

Ключевые слова: ментальность / менталитет, этноспецифичная модель речевой реализации, анализ концептов, предикатно-объектная сочетаемость, концептуальная метафора, русская речь.

Для цитирования:

Жуковская Л.И. Дискурсивное варьирование лексем *ментальность* и *менталитет* в этноспецифичных концептуально-метафорических моделях предикатно-объектной сочетаемости // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 530–546. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).530-546.

Сведения об авторе:

Жуковская Лариса Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, директор Института филологии и журналистики

ORCID: 0000-0002-2044-1829

Контактная информация:

Почтовый адрес: 603105, Россия, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4

E-mail: lara_nn@mail.ru

Дата поступления статьи: 17.04.2021

Дата рецензирования: 24.05.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

1. Введение

Логика наших многолетних исследований концептуального содержания и языковой объективации концепта 'менталитет / ментальность' в русской языковой картине мира [Жуковская 2015] закономерно привела нас к проблеме культурного освоения данного концепта в речевой практике носителей современного русского языка. Возникновение этого концепта в русской национальной концептосфере во второй половине XX в. изначально вполне вписывалось в область явлений, которые В.И. Карасик обозначил как «импорт концепта» [Карасик 1996]. Однако, став удачным обобщающим обозначением той области идей и представлений, которую принято именовать «дух народа», «национальный характер» и пр., лексемы – репрезентанты этого концепта получают широкое распространение в русской речи и демонстрируют рефлексы значительного семантического расширения и коннотативно-оценочных преобразований. На этом фоне мы можем говорить о существенной «культурной разработанности» [Вежбицкая 1997] концепта 'менталитет / ментальность' именно в русском языковом сознании, что, в свою очередь, выступает свидетельством высокой степени его культурной освоенности.

Согласно концепции «культурной апроприации заимствований» Т.Б. Радбиля [Русский язык начала XXI века... 2014; Радбиль 2019], их культурная освоенность имеет самые разнообразные проявления на всех уровнях системы языка и во всех сферах ее речевой реализации. Одним из значимых показателей определенной степени культурной освоенности заимствованных понятий в речевой практике носителей русского языка, на

наш взгляд, может выступать наличие нестандартных контекстов употребления интернациональных лексем изначально терминированного характера. К таким контекстам, на наш взгляд, относятся контексты употребления слов *менталитет* и *ментальность* в моделях концептуальной метафоризации. Посредством вхождения в разнообразные модели концептуальных метафор эти абстрактные понятия подлежат конкретно-чувственному переосмыслению по линии овеществления и/или одушевления [Lakoff 1987; Чернейко 1997; Лакофф, Джонсон 2004; Wilson 2010]. При этом возникают новые значения и оттенки смысла, стилистические контрасты при объединении в одном контексте слов разной стилиевой принадлежности или стилистической окраски, наведенная в контексте оценочность для изначально нейтральных, внеоценочных слов и пр.

Конкретизация абстракции является общечеловеческим когнитивным и культурным механизмом рецепции отвлеченных понятий в языковом сознании носителей языка и в их речевой практике. Сам набор моделей, разумеется, универсален, как минимум, применительно к культурам европейского типа [Лакофф, Джонсон 2004; Радбильт 2011]. Однако конкретное словесное наполнение, типы предикатов и атрибутов, которые приписываются абстрактным сущностям в процессе их конкретизации, вне всякого сомнения, во многом имеют этноспецифический характер, что и проявляется в разнообразных рефлексах дискурсивного варьирования лексем *менталитет* и *ментальность* в современной русской речи. Кроме того, как будет показано далее, на содержательном уровне особенности употребления данных лексем вполне вписываются в систему базовых категорий «семантического универсума» русского языка [Вежбицкая 1997], в культурные доминанты в русском языке [Карасик 1996], в национальный лингвокультурный код [Ковшова 2012], в ключевые идеи русской языковой картины мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005] и пр.

2. Обоснование концепции исследования

Еще в работах Л.О. Чернейко были сформулированы идеи о важности контекстов употребления абстрактных имен в генитивной метафоре (*панцирь отчуждения*) или в сочетаемости с акциональными глаголами (*время бежит*) для выявления «глубинных проекций» абстрактного имени (Л.О. Чернейко), определить характер его овеществленного или одушевленного представления в языковой картине мира. «Оторвавшись от своего истинного хозяина ("Я", личности), умопостигаемые сущности, экзистенциально значимые смыслы, облаченные в абстрактные имена, облачаются, подобно носу майора Ковалева, знаками собственной независимости и самостоятельности (субстанциональности) – предикатами. Эти вторичные предикаты (предикаты предикатов), сочетаясь в связанном значении с ключевым абстрактным именем, раскрывают представления

сознания о стоящей за ним сущности через ее воплощения, опредмечивания» [Чернейко 1997: 289]. Именно «исчисление» подобных контекстов, в соответствии с замыслом нашего исследования, позволит нам вынести суждение о той или иной степени культурной освоенности данного концепта в национальной концептосфере.

Таким образом, в соответствии с логикой предпринятого исследования, нам было необходимо задать исходные типы репрезентативных концептов, в которых наиболее явственным образом реализуются указанные выше модели концептуальной метафоризации лексем *менталитет* и *ментальность*. Эмпирическим путем в предыдущих наших работах мы определили три модели сочетаемости, значимые для нашего исследования. Это модели атрибутивной и генитивной сочетаемости лексем *менталитет* и *ментальность*, а также модели субъектно-предикатной сочетаемости [Жуковская 2021]. В настоящей работе мы рассмотрим еще один тип сочетаемости, предположительно релевантный для реализации моделей концептуальной метафоризации данных лексем – модель предикатно-объектной сочетаемости по схеме «гл. + сущ. в косв. пад. (в объектном значении)».

На предварительном уровне исследования, опираясь на труды: [Чернейко 1997; Лакофф, Джонсон 2004; Jackendoff 2010; Русский язык начала XXI века... 2014; Sperber, Wilson 2015], – мы определили два основных направления в концептуальной метафоризации абстрактных понятий: (1) модели овеществления (реификации), в соответствии с которыми менталитет представлен в качестве чувственно-воспринимаемого объекта (вещи), в качестве вещества (субстанции), в качестве физической среды или пространства и в качестве трехмерного контейнера (вместилища); (2) модели одушевления, в рамках которых менталитет осмысливается как живая, активно и целесообразно действующая инстанция, человеческое существо или сверхчеловеческая сущность. Ниже мы покажем, как эти два типа реализуются в контекстах неузуальной предикатно-объектной сочетаемости лексем *ментальность* и *менталитет*.

3. Цель, методы и материал исследования

Цель исследования – проанализировать особенности дискурсивного варьирования лексем *ментальность* и *менталитет* в контекстах предикатно-объектной сочетаемости в современной русской речи, в которых воплощаются модели концептуально-метафорического овеществления и/или одушевления абстракции, характерные для русской языковой картины мира.

Для реализации данной цели мы разработали методику комплексного когнитивно-дискурсивного анализа концептуально-метафорических моделей [Жуковская 2021], которая базируется на исследовательском инструментарии теории концептуальной метафоры [Чернейко 1997; Лакофф, Джонсон 2004], идей когнитивно-дискурсивных исследований [Lakoff 1987;

Fauconnier 2010; Wilson 2010; Sperber, Wilson 2015], принципах лингвокультурологического анализа языковой картины мира [Gümen, Herwartz-Emden 1996; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Ковшова 2013; Радбиль 2016] и «языка культуры» [Fleischer 1991; Gibbs 1994; Wierzbicka 1997], методологии логического анализа языка [Чернейко 1997; Радбиль 2014], а также на методах концептуального анализа, принятых в Нижегородской научной школе [Горшкова, Ручина 2011; Радбиль 2011], и методах комплексной интерпретации активных процессов в современном русском языке [Русский язык начала XXI века... 2014; Радбиль 2019].

Материалом для исследования являются текстовые данные по вхождению слова *ментальность* в массив контекстов употребления, извлеченный из Национального корпуса русского языка (НКРЯ; <https://ruscorpora.ru/>).

4. Результаты исследования

Важность контекстов именно предикатно-объектной сочетаемости для интерпретации путей овеществления абстракции в языковой картине мира заключается в том, что именно эти контексты показывают нам, что можно делать с ментальностью или менталитетом, осмысляемыми в качестве чувственно-наблюдаемой сущности – объекта (вещи) или вещества (субстанции): какие физические воздействия производить, в каких параметрах воспринимать посредством органов чувств, как перемещать в пространстве или оценивать конфигурацию, как работать с данным инструментом или механизмом и пр.? Далее мы последовательно рассмотрим рефлексы дискурсивного варьирования лексем *ментальность* и *менталитет* в контекстах предикатно-объектной сочетаемости, реализующих модели концептуально-метафорического овеществления или одушевления, на материале из НКРЯ.

4.1. Дискурсивное варьирование лексемы *ментальность* в контекстах предикатно-объектной сочетаемости

Итак, в ряде контекстов *ментальность* представлена, например, как объект, который можно перемещать в пространстве:

- *Во времена сталинской индустриализации мы перетащили в город сельскую ментальность, которая пустила здесь глубокие корни* [Галина САПОЖНИКОВА. Историк Владимир Булдаков: «Вирус революции запряган внутри нас». Часть 2 // Комсомольская правда, 2012.11.02].

Если данный конкретно-чувственный объект мыслится как находящийся на некотором расстоянии, он может быть представлен как цель, в которую необходимо попадать:

- *В нашей стране главный секрет в том, чтобы точно попасть в российскую ментальность* [«В Москве негде играть мюзиклы» // РБК Daily, 2009.10.12].

С ментальностью в качестве физического объекта можно выполнять самые различные действия, например, можно ее переделывать, воссоздавать, реконструировать, трансформировать во что-то другое, если данный объект имеет сложную структуру:

- – Герой «Горького квеста», очень немолодой высокообразованный американец, должен **воссоздать** (на то есть семейные причины, не будем пересказывать весь роман) **ментальность**, характер, вкусы, образ мышления своего дальнего родственника [Елена Дьякова. Александра Маринина: «Ребята не знают, что такое несвобода». Почему она теперь пишет не про милицию, а про новое поколение, и какой эксперимент ставит в новом романе «Горький квест» // Новая газета, 2018.09.17];

- Мне показалось интересным **реконструировать его ментальность**, посмотреть, как можно было вот так увидеть мир [А.Л. Доброхотов, Иван Мартов. «Постструктурализм – это в основном бредятина». Читательская биография философа Александра Доброхотова (2017.02.22)];

- **Способность денег к поистине универсальной символизации не только трансформировала ментальность буржуазии и наемных рабочих, но обещала неисчерпаемые перспективы в рационализации социальной и экологической среды** [Руслан Хестанов. Эссе о времени, труде и капитале // «Отечественные записки», 2003].

Можно также увеличивать объем данного объекта:

- Капуро при этом **впитывала различные музыкальные впечатления от поп-рока до этники, расширяла свою ментальность** [Филиппок Оксана. МАРИНА НАЧИНАЕТ ЗАНОВО // Труд-7, 2000.10.21].

Ментальность как некий стойкий, прочный физический объект можно даже использовать в качестве опоры:

- **И все же Соков считает себя художником сугубо русским – хотя бы потому, что, по его собственному признанию, способен опираться по-настоящему лишь на отечественную культуру и ментальность** [Дмитрий Смолев. Мэрилин Монро в гостях у Сталина // Известия, 2012.05.23];

- Он запросто может **опираться на ментальность вчерашнего дня** [Николай АЛЕКСАНДРОВ. Название больше, чем содержание // Известия, 2004.09.23].

Ментальность может быть в этом смысле представлена как некий полезный объект, под который можно что-нибудь приспособить:

- Именно в этом и заключался смысл его занятия – **приспосабливать западные рекламные концепции под ментальность российского потребителя** [Виктор Пелевин. Generation «П» (1999)].

Оценка объектов как нужных, полезных для человека с точки зрения целесообразности является вполне обычным способом включить объект в мир человека. Это объекты, которые можно хранить, приобретать, терять, а потом возвращать утраченное. Ментальность в контек-

стах предикатно-объектной сочетаемости также обладает подобными свойствами:

- *И при этом уважали бы наше Отечество, обретали нашу **ментальность*** [Александр ГАМОВ. Нанимая иностранных землекопов, мы роем себе яму // Комсомольская правда, 2002.04.17];

- *Конечно, в отношении себя я в какой-то степени ослабил воздействие исторического вырождения, кое в чем преуспел, но аристократическую **ментальность не сохранил*** [Марк Захаров. Суперпрофессия (1988–2000)];

- *Мне кажется, что наши «управляющие элиты» замкнулись сами на себя и потеряли живую связь с народом, **потеряли тот широкий кругозор, ту замечательную советскую геополитическую ментальность**, которая позволяла смотреть на мир масштабно и решать крупные научные и производственные задачи [«Донецкие» в Питере: «кто-то тянулся к великой культуре, кто на заработки...» // Новый регион 2, 2006.12.07];*

- *Он отметил, что украинским властям нужно решать, как вернуть людей и их **ментальность**, напомнив жителям, что они украинцы* [Зеленский высказался о возведении стены с Донбассом // lenta.ru, 2019.12.13].

А если вещь становится ненужной, то ее можно исключить из обихода, например выбросить:

- *Настало время отбросить **ментальность** «холодной войны» и перестать быть столь разборчивыми в выборе союзников, если мы хотим победить «Исламское государство», пишет мэр Лондона Борис Джонсон в своей колонке для газеты *The Telegraph* [Раздел «Политика». *Telegraph*: мэр Лондона готов пойти на сделку с Путиным // gazeta.ru, 2015.12.07].*

Человека окружает мир объектов и веществ, которые неизменно попадают в сферу его восприятия, наблюдения. Физические вещи и объекты воспринимаются чувственно, в отличие от абстрактных сущностей, которые умопостигаемы. Ментальность также становится объектом, который можно непосредственно наблюдать с помощью органов чувств (например, зрения) или ощущать, чувствовать ее бытие по наблюдаемым признакам:

- *Конечно, мы можем попробовать **взглянуть на свою ментальность** немного со стороны, постараться вслед за учеными мужами пре-парировать мифы, как сделал это, например, в эссе «Табулатура» Владимир Березин («Октябрь», 2001, № 2) [Борис Колымагин. За пеленой дождя // «Октябрь», 2001];*

- *Через ее образ **чувствуешь** всю нашу **ментальность*** [Николай ЕФИМОВИЧ, Фото автора. Родион ЩЕДРИН: Я всю жизнь мечтал о «Боярыне Морозовой» // Комсомольская правда, 2006.11.01].

Импликацией когнитивной ситуации чувственного восприятия является возможность изобразить то, что ты воспринимаешь, наглядно

описать объект, сделать его копию или создать его модель. То же мы можем совершить и в результате чувственного восприятия такого объекта, как ментальность:

- *Признаюсь, что, рассказывая о человеке, я никогда не ставил главной целью **изобразить** его национальную или социальную **ментальность*** [Анатолий Ким. Мое прошлое (1990–1998) // «Октябрь», 1998];

- *Рогожкин увлеченно **портретирует** русскую **ментальность** и мифологию, и поэтому она зачастую приобретает в его фильмах фантазмагорические черты: в его фильмах люди летают в креслах на воздушных шарах, совершают путешествия в загробные миры и медитируют в садах камней на приусадебных участках* [АЛЕКСАНДР РОГОЖКИН: «НАДО УНИЧТОЖИТЬ В СЕБЕ ЧУВСТВО ВТОРОГО НОМЕРА» // Труд-7, 2008.05.29].

Вещи и вещества в мире человека могут быть не только физически. В частности, ментальность может восприниматься и в качестве биологического вещества, которое можно прививать:

- *Европа, а в фильме более узко – французская школа, «задыхающаяся» в потоке нелегальных переселенцев, пытается **привить** хоть какую-то местную культурологическую **ментальность** бывшим жителям африканского континента* [коллективный. Форум: Класс – Франция (2008–2011)];

- *Населению необходимо **привить** другую **ментальность**: работа в госсекторе – это плохо, в малом бизнесе – хорошо* [Каха Кахиани. России не хватает предпринимателей // «Время МН», 2003].

Объекты и вещества возможны и как элементы социальной действительности, когда они осмысляются в качестве товара, имущества, наследства, становясь элементами разного рода общественных отношений между людьми. Нами, в частности, обнаружены контексты, в которых ментальность рассматривается как элемент имущественных отношений – приданое или наследство:

- *А сколько голливудских мужчин переженались на русских девушках, **получив в приданое** русскую **ментальность**, столь быстро прививающуюся?* [Алексей ОСИПОВ, Анна ВЕЛИГЖАНИНА. Олег Видов: «Жена меня держит в хорошей форме» // Комсомольская правда, 2013.06.11];

- *– Видимо, люди во многом **наследуют** еще советскую **ментальность**, – считает он* [Со вкусом Франции // lenta.ru, 2018.01.30].

В концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона в класс «онтологических метафор», помимо метафоры объекта (вещи) и/или вещества (субстанции), включаются и метафоры «контейнер (вместилище)», когда нечто понимается в виде особого объекта, который представляет собой полое трехмерное пространство, ограниченное со всех сторон, и предназначен для того, чтобы в него можно было помещать предметы или вещества [Лакофф, Джонсон 2004]. Ментальность также может быть осмыслена в

качестве вместилища, в которое, например, можно что-то внедрить или может что-то проникнуть:

- *Властным и идеологическим структурам удалось **внедрить в ментальность** советских людей представление о самоубийстве как о предательстве дела социализма, как о малодушии, почти как о преступлении* [Н.Б. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю // Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015];

- *Язык – это путь, по которому мы **проникаем** как в современную **ментальность**, так и в древние воззрения на мир, общество и самих себя, которые сохранились в пословицах, устойчивых оборотах (фразеологизмах), символах культуры* [Елена Сергеева. В начале было слово // «Пятое измерение», 2003].

Примеры реализации моделей концептуально-метафорического одушевления неодушевленной сущности в нашем материале представлены в небольшом количестве. Это, на наш взгляд, связано с тем обстоятельством, что в основном типовая, стандартная модель концептуальной метафоризации такого типа актуализуется в контекстах другой разновидности, а именно – в субъектно-предикатных конструкциях (*ментальность знает, подразумевает, предполагает, воспринимает* и под. [Жуковская 2021]). Однако и в области предикатно-объектных сочетаний мы всё же обнаружили ряд примеров, когда слово *ментальность* употребляется в зависимой позиции объекта при глаголах, в норме управляющих существительными, которые обозначают одушевленное существо, – это такие глаголы, как *парализовать, подпитывать, поощрять*:

- *Эта установка надолго **парализовала ментальность** советских людей, которым активно внушалась мысль о том, что любые формы девиантности, в том числе и контакты с проститутками, свойственны лишь неполноценным в классовом отношении людям* [Н.Б. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю // Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015];

- *Пожалуй, ничто так не **подпитывает** антикапиталистическую **ментальность** у нас в стране, как поведение отдельных капиталистов* [Дмитрий Дробницкий. Есть ли у вас миллиард, нет ли у вас миллиарда... // Известия, 2013.08.13];

- *Государство всячески **поощряет** антикапиталистическую **ментальность** в сознании людей* [Андрей Шальнев, председатель федерального комитета Либертарианской партии России. Либертарианская перспектива // РБК Дейли, 2013.07.09].

В целом разнообразие и широкая представленность моделей концептуально-метафорического овеществления и одушевления для лексе-

мы *ментальность* свидетельствует о значительной степени концептуальной освоенности данного понятия в речевой практике современных носителей русского языка.

4.2. Дискурсивное варьирование лексемы *менталитет* в контекстах предикатно-объектной сочетаемости

Дискурсивное варьирование лексемы *менталитет* в контекстах предикатно-объектной сочетаемости в принципе демонстрирует те же особенности концептуально-метафорического овеществления и одушевления, что и проанализированная выше лексема *ментальность*. Поэтому ниже, в порядке сопоставления, мы просто ограничимся наиболее показательными примерами из НКРЯ уже без пространного комментария.

Итак, модели концептуально-метафорического овеществления абстракции реализуются, как правило, так же как и для лексемы *ментальность*, в сочетании лексемы *менталитет* с глаголами физического воздействия, в норме требующими существительное в значении физического объекта, вещи, например *ломать*, *растаскивать* и пр.:

- *Зато мы сильны духом и знакомы с понятием «звующей тоски русской души», так что не будем ломать менталитет и изменять себе* [Катаева Нина. ТРИ КРУГА АДА // Труд-7, 2002.05.21];

- *И этой позицией между Азией и Европой, которая растаскивает менталитет на два куска* [Андрей Битов. Русский устный и русский письменный // «Звезда», 2003].

Данный объект может быть природным или сделанным людьми. В последнем случае его можно, например, перекроить (сравним с исследованной ранее *ментальностью*, которую можно было переделывать, воссоздавать, реконструировать, трансформировать):

- *Вдруг велосипед перекроит наш менталитет решительней, чем самая наижелезная из всех железных рук?* [Дмитрий Соколов-Митрич, журналист. Человек педальный // Известия, 2010.08.03].

Менталитет может переосмысляться в качестве неопределенной чувственно воспринимаемой сущности, с которой, например, можно столкнуться или в которую упереться (сравним с проанализированной выше *ментальностью* в роли опоры):

- *Безусловно, после открытия магазинов мы столкнемся с местным менталитетом покупателей* [Елена Желобанова. «Телемакс» строит максималистские планы // РБК Daily, 2005.02.15];

- *Многое, помимо всего прочего, упирается в менталитет, если говорить о том, что происходит при этом внутри «конюшни»* [Рассказова И. Президент «Маруся-моторс» Николай Фоменко: Уже хочется повеситься! // Советский спорт, 2011.03.26].

Менталитет, так же как и *ментальность*, можно потерять, как необходимую для человека вещь:

- *Нужно объяснять людям, что ребенок без книжки теряет воображение, не читая отечественных авторов, дети **теряют** русский **менталитет*** [Максим ВЛАДИМИРОВ. Фото Андрея КАРА. Наташа Ростова – немодная девчонка? // Комсомольская правда, 2006.12.04].

Разные виды объектов, в качестве которых мыслится менталитет, оказывается, можно перемещать (что тоже было показано ранее на примере лексемы *ментальность*):

- *Похоже, в область современных цифровых технологий некоторые представители американского истеблишмента **переносят** конфронтационный **менталитет** и неизжитые алгоритмы эпохи «холодной войны», уверены российские дипломаты* [Елизавета Серьгина, Иван Петров. Всемирная сеть под колпаком Госдепа // РБК Дейли, 2011.12.20].

Как было сказано ранее, все эти концептуальные метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном относятся к так называемым «онтологическим метафорам». Помимо переосмысления некоторой сущности в виде объекта или вещества, к таковым метафорам относятся и случаи переосмысления некой сущности в терминах физической среды действия, физического пространства, в котором можно размещать или перемещать объекты и/или вещества [Лакофф, Джонсон 2004]. Применительно к лексеме *менталитет* такой тип концептуальной метафоры реализуется в объектной сочетаемости с глаголами *пронизывать* или *просачиваться*:

- *При этом само синтоистское мировосприятие по-прежнему насквозь **пронизывает** японский **менталитет*** [Дмитрий Соколов-Митрич. Идеальные православные // «Русский репортер», 2012];

- *Наглядная картина того, как гибридная война и ее продолжение: пропаганда, фейковые новости – **просачиваются** в отношения, **менталитет**, в глаза и уши* [Лариса Малюкова. Канны-2018. О фильмах «Холодная война» Павликовского, который претендует на главный приз Канн, и о «Донбассе» Лозницы, который у нас не покажут // Новая газета, 2018.05.11].

Примеры реализации моделей концептуально-метафорического одушевления неодушевленной сущности для лексемы *менталитет*, как и для лексемы *ментальность*, проанализированной ранее, представлены в небольшом количестве. Однако мы всё же обнаружили ряд примеров, когда слово *менталитет* употребляется при каузативном глаголе, в норме каузирующем некое состояние для одушевленного существа – например, *возбуждать*:

- *А может, реклама или забугорные кинокадры сильно **возбуждают** неустойчивый национальный **менталитет** и общая незрелость мешает спокойно существовать в мире, полном соблазнов?* [Ярмарка тщеславия // «Сельская новь», 2003.11.11].

В ряде случаев, видимо, можно говорить о контекстах, в которых нейтрализуется противопоставление живого и неживого объекта, но при

этом сохраняется общая тенденция к овеществленному представлению абстрактного объекта:

• *Вопросы журналистов. «В Америке боятся русского менталитета»* [Павел Лысенков. Сергей Федоров: Торчетти уже учит русский язык // Советский спорт, 2013.07.12].

Рассмотренные явления концептуальной метафоризации лексемы *менталитет* отражают осмысление менталитета как становящегося во времени явления с определенным устройством и определенными свойствами (порою – самыми неожиданными), как живого и активно действующего существа с сознанием, волей и телом, что явным образом свидетельствует о значительной «культурной разработанности» концепта ‘менталитет / ментальность’ в русской языковой картине мира.

5. Заключение

Анализ особенностей дискурсивного варьирования лексем *ментальность* и *менталитет* как репрезентантов соответствующего концепта ‘менталитет / ментальность’ позволяет увидеть, каким образом эти лексемы, будучи абстрактно-терминологическими по типу семантики и иноязычными по происхождению, легко и естественно вписываются в типично русские модели овеществления абстракции или одушевления неодушевленной сущности – точно так же, как это свойственно исконно русским абстрактным понятиям типа *мысль, разум, время* и под. Во многом именно эффекты подобной концептуальной метафоризации обуславливают высокую степень культурной апроприации соответствующего концепта в речевой практике современных носителей русского языка.

Возникающие в процессе расширения сочетаемости нестандартные контекстуальные значения и оценочные коннотации лексем *менталитет* и *ментальность*, возникающие в речевой практике носителей современного русского языка, существенно превышают стандартный семантический объем данных лексических единиц, фиксируемый в словарях и энциклопедических источниках. Эти слова также приобретают высокую частотность употребления, смысловую диффузность (расплывчатость содержания и неточную денотацию, проблемы в их рецепции), нераспределенную многозначность, контекстную метафоричность, эмоционально-экспрессивные и ценностные оттенки смысла, что в целом присуще самым обычным лексическим единицам активного запаса, но никак не терминам с абстрактным и сложным понятийным содержанием.

Лексемы *ментальность* и *менталитет*, изначально выражая явно инокультурное понятие, входят в национально обусловленные модели мифологического переосмысления менталитета как вещи, вещества или живого существа. Тем самым концепт ‘менталитет / ментальность’ уже воспринимается в современной национальной концептосфере не как чу-

жеродное явление, а как что-то близкое, доступное носителю языка, включенное в сферу его мира.

Список литературы

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
- Горшкова Т.М., Ручина Л.И.* Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6, ч. 2. С. 130–135.
- Жуковская Л.И.* О репрезентативных контекстах концептуальной метафоризации лексем менталитет и ментальность в современной русской речи // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.И. Рацибурская. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 230–238.
- Жуковская Л.И.* Языковая экспликация концепта «менталитет / ментальность» в русском языке последних лет (по данным Национального корпуса русского языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 402–405.
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
- Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск: ВГУ, 1996. С. 3–16.
- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 453 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / под ред. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 256 с.
- Радбиль Т.Б.* Активные лексико-грамматические процессы в русском языке начала XXI века: проблема лингвокультурологической интерпретации // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2019. Вып. 20. С. 218–227.
- Радбиль Т.Б.* «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: материалы XV междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сент. 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54.
- Радбиль Т.Б.* Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
- Радбиль Т.Б.* «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6, ч. 2. С. 569–573.
- Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: коллектив. моногр. / под ред. Л.В. Рацибурской. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. 325 с.
- Чернейко О.Л.* Логико-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. 320 с.

- Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages* / ed. by D. Geeraerts and H. Cuyckens. Repr. ed. 1994. Oxford: The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics, 2010. 190 p.
- Fleischer M. *Die Semiotic des Spruches: Kulturelle Dimensionen moderner Spruche*. Bochum: Brockenmeyer, 1991. 422 s.
- Gibbs R.W. *The poetics of mind: figurative thought, language and understanding*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 527 p.
- Gümen S., Herwartz-Emden L. *Ethnische Stereotypen, Fremdheit und Abgrenzung* // Osnabrücker Jahrbuch Frieden und Wissenschaft. Osnabrück: Universitätsverlag Rasch, 1996. Band 03/1996: Dialog: Wissenschaft – Gesellschaft – Politik – Kultur. S. 181–197.
- Jackendoff R. *Meaning and the Lexicon. The Parallel Architecture 1975-2010*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 485 p.
- Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.
- Sperber D., Wilson D. *Beyond speaker's meaning* // Croatian Journal of Philosophy. 2015. No. 15 (44). P. 117–149.
- Wierzbicka A. *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York: Oxford University Press, 1997. 328 p.
- Wilson M. *The retooled mind: How culture re-engineers cognition* // Social, Cognitive, and Affective Neuroscience. 2010. No. 5, iss. 2-3. P. 180–187. DOI: 10.1093/scan/nsp054.

References

- Cherneiko, O.L. (1997), *Logiko-filosofskii analiz abstraktnogo imeni* [Logical and philosophical analysis of an abstract name], Moscow, Moscow State University publ., 320 p. (in Russian).
- Fauconnier, G. (2010), *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*, Repr. ed. 1994, ed. by D. Geeraerts and H. Cuyckens, Oxford, The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics publ., 190 p.
- Fleischer, M. (1991), *Die Semiotic des Spruches: Kulturelle Dimensionen moderner Spruche*, Bochum, Brockenmeyer publ., 422 p. (in German).
- Gibbs, R.W. (1994), *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language and Understanding*, Cambridge, Cambridge University Press, 527 p.
- Gorshkova, T.M., Ruchina, L.I. (2011), Combined-type dictionary as a way of lexicographical description of the Russian folk tales. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, No. 6, pt. 2, pp. 130-135. (in Russian).
- Gümen, S., Herwartz-Emden, L. (1996), *Ethnische Stereotypen, Fremdheit und Abgrenzung* [Ethnic stereotypes, strangeness and differentiation]. *Osnabrücker Jahrbuch Frieden und Wissenschaft* [Osnabrück Yearbook of Peace and Science], Vol. 03/1996. Dialogue: Science – Society – Politics – Culture, Osnabrück, Rasch publ., pp. 181-197. (in German).
- Jackendoff, R. (2010), *Meaning and the Lexicon. The Parallel Architecture 1975-2010*, Oxford, Oxford University Press, 485 p.
- Karasik, V.I. (1996), *Kul'turnye dominanty v yazyke* [Cultural dominants in a language]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty* [Language Personality: Cul-

- tural Concepts], collected scientific works, Volgograd, Arkhangelsk, Volgograd State University publ., pp. 3-16. (in Russian).
- Kovshova, M.L. (2012), *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguo-culturological Method in Phraseology: Codes of Culture], Moscow, LIBROKOM publ., 453 p. (in Russian).
- Lakoff, G. (1987), *Women, Fire and Dangerous Things*, Chicago, University of Chicago Press, 614 p.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2004), *Metaphors We Live By*, Moscow, URSS publ., 256 p. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2019), Active lexical-grammatical processes in Russian at the beginning of the xxist century: a problem of linguo-cultorological interpretation. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, Iss. 20, Moscow, pp. 218-226. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2016), "Precedent names" as elements of "culture language". Klimkova, L.A, Suprun, V.I. (eds.) *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region], Materials of the 15th International Scientific Conference, Arzamas, Sarov, Interkontakt publ., pp. 49-54. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2014), Detection of content and speech indicators of dishonest informing in expert activities of a linguist. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, No. 6, pp. 146-149. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2011), "Language of values" in modern Russian speech and the ways of its calculation. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, No. 6, pt. 2, pp. 569-573. (in Russian).
- Ratsiburskaya, L.V. (ed.) (2014), *Russkii yazyk nachala 21 veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst* [Russian Language at the Beginning of the 21st Century: Lexis, Word-Formation, Grammar, Text], Collective Monograph, Nizhny Novgorod, Lobachevsky University of Nizhni Novgorod publ., 325 p. (in Russian).
- Sperber, D., Wilson, D. (2015), Beyond speaker's meaning. *Croatian Journal of Philosophy*, No. 15 (44), pp. 117-149.
- Wierzbicka, A. (1997), *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [A Language. Culture. Cognition], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 411 p. (in Russian).
- Wierzbicka, A. (1997), *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*, New York, Oxford University Press, 328 p.
- Wilson, M. (2010), The retooled mind: How culture re-engineers cognition. *Social, Cognitive, and Affective Neuroscience*, No. 5, iss. 2-3, pp. 180-187. DOI: 10.1093/scan/nsp054.
- Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. (2005), *Klyuchevye idei russkoi yazykovoivoi kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World], collected articles, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 540 p. (in Russian).
- Zhukovskaya, L.I. (2021), On representative contexts of conceptual metaphorization of the lexemes "mentalitet" and "mentalnost" in modern Russian speech. Ratsiburskaya, L.V. (ed.) *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noe i internatsional'noe* [Active processes in modern Russian language: national and international], collected articles, Moscow, Flinta publ., pp. 230-238. (in Russian).

Zhukovskaya, L.I. (2015), Language explication of the concept "mentalitet / mental'nost'" ("mentality") in the latest Russian language (according to the data of Russian National Corpus). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, No. 2 (2), pp. 402-405. (in Russian).

**DISCURSIVE VARIATION OF THE LEXEMES
MENTAL'NOST' AND MENTALITET ("MENTALITY")
IN ETHNO-SPECIFIC CONCEPTUAL-METAPHORIC MODELS
OF PREDICATE-OBJECTIVE COMPATIBILITY**

L.I. Zhukovskaya

*National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)*

Abstract: The article examines the features of the discursive variation of the lexemes *mental'nost'* and *mentalitet* (*mentality*) as representatives of the corresponding concept 'mentalitet / mental'nost' ('mentality') in modern Russian speech through the prism of the problem of national conditioning of the models of its speech implementation. Special attention is paid to the language implementation of the lexemes in representative contexts of non-usual predicate-objective compatibility, which reflect models of conceptual metaphorization of these lexemes in the direction of reification or animation of abstraction. The work shows that, despite the universality of the models of conceptual metaphorization, the specific verbal content, the types of predicates and definitions that are attributed to abstract entities in the process of their concretization, no doubt, are largely ethno-specific and cultural-specific in nature. It is noted that the lexemes *mental'nost'* and *mentalitet* (*mentality*), being abstract-terminological in the type of semantics and foreign-lingual in origin, easily and naturally fit into the typically Russian models of the reification of abstraction or the animation of an inanimate entity – just as it is characteristic of primordially Russian abstract concepts such as *thought*, *mind*, *time* and so on. Mentality can be conceptualized as physical or biological object, as product of social interactions – property and inheritance, as substance, as living being. The conclusion is made about a high degree of cultural appropriation of the concept 'mentalitet / mental'nost' ('mentality') in the speech practice of modern Russian native speakers. Due to this, this concept is perceived in the modern national conceptual sphere not as an alien phenomenon, but as something close, accessible thing to a native speaker, included in his own sphere of interests. This, in turn, gives rise to the ethnically and culturally determined nature of the models of speech implementation of this concept.

Key words: *mentality*, ethno-specific model of speaking realization, conceptual analysis, semantic predicate-objective compatibility, conceptual metaphor, Russian speech.

For citation:

Zhukovskaya, L.I. (2021), Discursive variation of the lexemes *mental'nost'* and *mentalitet* ("mentality") in ethno-specific conceptual-metaphoric models of predicate-objective compatibility. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 530-546. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).530-546. (in Russian).

About the author:

Zhukovskaya, Larisa Igorevna, PhD, Head of the Institute of Philology and Journalism

ORCID: 0000-0002-2044-1829

Corresponding author:

Postal address: 4, Ashkhabadskaya ul., Nizhny Novgorod, 603105, Russia

E-mail: lara_nn@mail.ru

Received: April 17, 2021

Revised: May 24, 2021

Accepted: July 20, 2021

“TEXTS ABOUT TEXTS”, OR “COMMUNICATION ABOUT COMMUNICATION” (BASED ON THE UNPREPARED READING OF RUSSIAN TEXTS BY NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)

Kong Chunxia

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The article examines the phenomenon of metacommunication in spontaneous reading in both Russian as native and non-native language. The material includes 112 monologues texts reading (equally plot and non-plot texts), as well as 40 recorded monologues of 20 Chinese and 72 recorded monologues of 33 Russians. The object of analysis was metacommunicative insertions (MI) in monologues. While running this study, we identified 11 types of MIs which present the following functions: self-correction, doubt, speech organization and there after its continuation, comments on the original text, questions (not always verbalized), confirmation of one's own words, accusations, discursive marking of the texts' beginning and end, forgetting of a word or fact, as well as search for words – a mean of self-expression. In the speech of Chinese speakers such MIs were 3 times fewer than in the speech of Russians native speakers, and, accordingly, there was a smaller variety of MIs (only 5 types). Russian informants, who are versed in their native language, often not only read, but also parallelly create a separate “text about the text” and generate “communication about communication”. The analysis of the given material confirmed that reading is one of the types of spontaneous speech: this is evidenced, in particular, by a variety of metacommunicative insertions used by speakers within this speech scenario. MIs are used while reading in both native and non-native languages, fact that is triggered by their main property: to verbalize the speaker's difficulties in the speech scenario realization. At the same time, they are addressed either to the speaker himself or to the interlocutor. In addition, the number of MIs correlates with the individual characteristics of the informants. On a comparatively more diverse material of recorded texts read by Russians, it was found that women, especially extroverts and philologists, especially use a lot of MIs in their reading.

Key words: metacommunication, unprepared reading, spontaneous speech, metacommunicative insertion, interference.

For citation:

Kong, Chunxia (2021), “Texts about texts”, or “Communication about communication” (based on the unprepared reading of Russian texts by native speakers of Russian and Chinese languages). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 547-559. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).547-559.

About the author:

Kong, Chunxia, postgraduate student of the Russian Language Faculty

ORCID: 0000-0001-9812-1457

WoS ResearcherID: ABI-2822-2020

RSCI SPIN-code: 7661-9044

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: kong.chunxia@mail.ru

Received: April 5, 2021

Revised: April 17, 2021

Accepted: July 20, 2021

1. Introduction

Metacommunication is an integral characteristic of spontaneous oral speech, both dialogical and monologic. It has been shown that the more dialogical the speech presents to be, the less difficulties the speaker experiences in constructing the text and, accordingly, there will be less metacommunicative insertions (MI) in such a text [Bogdanova 2012: 331].

MI's "are addressed by the speaker to himself or to the interlocutor who records the speech (the experimenter), and most often they represent the informant's complaints about the difficulty of the task, the assessment of his ability to perform it, or a conversation with himself during the realization of this scenario (a kind of inserted "text about text")" [Bogdanova 2008: 327]. Such difficulties (and, thereafter, complaints about them) arise quite often in oral monologue speech not only for the speaker, but also for the reader as well, despite the fact that reading is the most linguistically motivated type of oral monologue, whose spontaneity is often denied.

In case of reading in a non-native language, the natural difficulties of an unprepared speech generation are further complicated by the insufficient knowledge of this language. Most of the times informants' reading is challenged by unfamiliar or simply "non-trivial" words and expressions, stressing, difficult morphology, syntax and much more. All of the above listed factors not only cause mistakes, reservations, doubts and questions in the informants' reading monologue, but also provoke the speakers desire to discuss all this out loud, referring to themselves or to the experimenter recording speech (see, for example: [Zaides 2016]). This is how sometimes a parallel "text about text" or "communication about communication" is born»¹.

¹ Yu.A. Levitsky suggested calling such dialogues of the self-talker *the second communication*, in contrast to *the first communication*, which is a conversation with a partner-interlocutor [Levitsky 2011]. However, this second communication, "directed from the speaker to the speaker, that is, to himself". In this case, the author only talks about the process of cognition [Levitsky 2011: 166], which can hardly be applied to the material of this study.

2. Object, material, technique and purpose of the study

The **object** of attention in this study is the Russian monologue speech produced by speakers of Russian and Chinese languages.

The **material** for the analysis is presented by 112 monologues texts reading (equally plot and non-plot fragments) from the Russian monologue speech corpus "Balanced Annotated Text Library" (SAT), created at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University (see about it: [Bogdanova-Beglarian 2013; Bogdanova-Beglarian et al. 2017, 2019]): 40 monologues recorded by 20 native Chinese speakers, and 72 monologues from 33 Russians.

All source texts were taken from the golden fund of Russian classics. Russian informants read the following texts: M. Zoshchenko's plot story "A Fantasy Shirt", non-plot excerpt from V. Korolenko's story "The River Plays", plot and non-plot episodes from A. Pushkin's stories "The Noblewoman-Peasant" and "The Station Master". Another Russian informant read 4 plot and 4 non-plot episodes from the following literary texts: of M. Saltykov-Shchedrin "Golovlyov Family", V. Nabokov "Invitation to Execution", L. Tolstoy "Anna Karenina" and "War and Peace", A. Platonov "The Pit", V. Korolenko "The River Plays" and "The Blind Musician", L. Leonov "Russian Forest". The Chinese informants read the story of M. Zoshchenko "A Fantasy Shirt" and an excerpt from the story of V. Korolenko "The Blind Musician".

The **informants** are students and post-graduate students of St. Petersburg universities, about the same age (20-28 years old). Among the Chinese – 10 boys and 10 girls, among the Russians – 17 girls and 16 boys. All Chinese were divided into two groups, according to the level of Russian language proficiency¹: 10 people with B2 level (less advanced) and 10 with C1 level (more advanced). Russians were also divided into two groups, according to their more or less professional attitude towards languages: 21 philologists and 12 non-philologists. According to the psychological testing [Personality Questionnaire EPI... 1995], the Chinese group included 5 extroverts, 6 ambiverts and 9 introverts, and the Russian group included 6 extroverts, 15 ambiverts and 12 introverts. The Chinese took this test in Chinese².

3. Results of material analysis

A total of 59 uses of metacommunicative insertions were found in reading monologues: 45 in the speech of Russians (0.6 units / mon.) (units per monologue) and 14 in Russian speech of the Chinese (0.24 units / mon.). It can be seen that in the reading of the Chinese, MI is almost 3 times less than that of the Russians; accordingly, their variety is smaller.

Following K.D. Zaides [Zaides 2016], based on the analysis of monologues texts reading, 10 different types of metacommunicative insertions were

¹ Language Testing Center of St. Petersburg State University. Available at: <https://testingcenter.spbu.ru/> (accessed: October 12, 2020). (in Russian).

² Eysenck Personality Questionnaire (EPQ) (adult version). Available at: <https://types.yuzeli.com/survey/epq85> (accessed: December 14, 2020). (in Chinese).

identified: self-correction (15; 25.4 %), doubt (10; 16.9 %), speech organization and promotion (6; 10.2 %), questions (5; 8.5 %), confirmation of one's own words (5; 8.5 %), accusations (4; 6.8 %), discursive markers of the final (3; 5 %) and beginning (2; 3.4 %), markers of forgetting a word or fact (2; 3.4 %), a search marker (1; 1.7 %).

In addition to the types of metacommunicative insertions proposed by K.D. Zaides, in the present paper is also discussed a new type of MIs with the function of commenting the original text (6; 10.2 %).

Let's look what kind of MIs were exactly found in the Russian speech of Chinese and native speakers.

(1) MI with self-correction function (25.4 %)

Such metacommunicative insertions turned out to be the most frequent in reading texts. On the one hand, for Chinese native speakers, reading in a non-mother-tongue language can be difficult because of the unfamiliar, long, infrequent or simply "non-trivial" words and complex grammar. On the other hand, oral spontaneous speech in principle is characterized by errors and reservations; most of the times the reader can stumble, as they say, out of the blue. Sometimes these errors go unnoticed, but if they are noticed, the informants tend to correct them, although the result of such an operation is not always positive (on the typology of errors in unprepared reading, see, for example: [Sapunova 2009]). Self-correction in Chinese native speakers' discourse/reading monologue is often carried out using such units as *oj*, *ne*, *a*, cf.:

1) *kupit' / kakuyu-nibudi-i [eta-a...] oi <ts> etAkuyu fan-tAnzi <laughter>* (S-chin.)¹;

2) *prikhodi [govorit / vy [e-e akkurat [pered e-e veche-ri-i-nkoi / i [nadeval ne nadevaya svoyu [rubakhu* (S-chin.);

3) *e-e no-o [dlya-a slEn-pogo [eto-o bylo / tol'ko [neobyas... [obya-sy-nimaya tIma / kotoraya a-a ne-obychno [volnovala-a... [si [vokrug / e-e shevelilasi / rokolo... rokotala i-i [e-e zvenila / pro-t'a-givAiasi ke ne... nemu / e-e prikAya... k prikAsayasi [ke-e ego [e dushe / so vsekhe-e storonU [stOron [e-e ne-izve-dannymi [eshchy [eyo [a eshchy [e-e ne-obychnymi [e-e vpechatleniyami* (S-chin.).

Facing this kind of difficulty, the informant can involuntarily react to it by using all sorts of signs of spontaneity: physical pauses of hesitation (*[*), paralinguistic elements (clattering of the tongue <ts>, <laughter>), vocalizations (*e-e*), stretching of vowels (*eta-a...*) and so on [for more details on signs of spontaneity in the monologues of unprepared reading, see: [Sapunova 2009; Baeva 2018; Kong Chunxia 2021]. Then he or she corrects the error (1), (3) or simply explicitly rejects what has already been said and reads it again (2).

¹ A capital (capital) letter in a word indicates an incorrect stress. Other features of the spelling presentation of the sounding material are described in detail in the work: [Bogdanova-Beglarian, Kong Chunxia 2020]. All examples in the article are attributed with the indication of the informant (speaker – S) – Russian or Chinese.

Self-correction is more frequent in Russian native speakers' reading monologue, since they face the same difficulties as foreigners, with the exception that they also use some other markers (within the framework of the research material) such as *net* or *vernee*, cf.:

4) *zvenela zyb' udaryaya v vorota staroi lodki <laughter> // net // udaryayas' / udaryaya v borta staroi lodki* (S-rus.)

5) *ty chto / s uma soshla vernee chto ty / s uma soshla?* (S-rus.).

(2) MI with doubt function (16,9 %)

Further, in decreasing frequency, there are MIs with the function of doubt. Such an insertion in the speech of native speakers was noted in the research material only a few times – when they encountered an unfamiliar word or proper name. Often, Russians directly expressed their doubts with the help of introductory words expressing approximation (*naverno / naverno*) (6). And sometimes such doubts gave rise to a whole inserted sentence, which made the reading more dialogical (7)–(9), cf.:

6) *khotelos' kakuyu-nibud' rubashku pokrasivei kupit' kakuyu-nibud' etakuyu / fa... / f... / fEntezi naverno* (S-rus.);

7) *no eshchyo Chiklin / Chiklin Chiklin / Chiklin / mne tak bol'she nraivits'a* (S-rus.);

8) *Berestov i stremyan <...> i stremyanni <...> stremyanni <...> stremennoi ya by skazala / zakrichali vo vsyo gorlo / pustili sobak sledom / poskakali vo ves' <...> opor* (S-rus.);

9) *Chiklin i Elisei ne doshli do kuzni... / tsy dolzhno byt' / no tut napisano do kuzni / ne doshli do kuzni* (S-rus.).

In the reading of the Chinese, such MIs were not found.

(3) MI as a marker of speech organization and promotion (10.2 %)

In the Chinese speakers' discourse this type of marker is being realized with the help of a unit *i* (conjunction or particle, which in this case is not even important):

10) *neplokho by dumayu / prostirnut' li / vsego i razgovoru / dvu-u... y-n dvu-grivennyi / a za... zato prinyato nadet' / pobezhal i pobezhal k prachke* (S-chin.).

However, in the speech of native speakers, the range of such units, as one might expect, is much wider and more interesting; cf.:

11) *razvivalis' opyat' i opyat' dal'she / otchego po vsei reke vperegongu neslis' kloch'ya zheltovato-beloi peny* (S-rus.);

12) *sii stol' oklevEtannye sm <...> a! oklevEtannye <...> net <...> oklevEtannye s <...> ladno / oklevEtannye smotriteli voobshche sut' mirnye <...> lyudi ot prirody usluzhlivye / sklonnye k obshchezhitiyu / skromnye v prityazaniyakh na pochEsti i ne slishkom serdo <...>* (S-rus.).

A similar marker appears in speech when the informant, for some reason (sometimes purely external, not explicitly expressed), loses his usual speech rate, and with the help of such units he is able to restore it and continue

reading: see contexts (10), (11). In example (12) the informant, with the help of MI (which has the function of doubt), "discusses" with himself the difficulty of stress in the word *oklevetannye*, chose one of the variants, fixed this choice with the help of MI "okay" and continued reading.

(4) MI with the function of commenting the original text (10,2 %)

By means of such a metacommunicative insert, the informant expresses his own reflection on what he read. This makes the reading monologue more individual and natural, thus revealing the spontaneous nature of reading and speaking in general.

The reader can make a commentary which in some cases may seem to be an emotional exclamation about a particular word or a fragment of a text, cf.:

13) *ili ty k nim pitaesh' nasledstvennyuyu nenavist' / kak romanticheskaya geroinya? // ou!* (S-rus.);

14) *o! // kto ne proklnal stantsionnykh smotritelei / kto s nimi ne brani <...> nivalsyA?* (S-rus.).

Sometimes, while reading, the informants demonstrate an extraordinary creative potential, showing different types of creativity – and this can also be regarded as metacommunicative insertions within the original text. An interesting fact regarding example (15) – the informant, after reading the expression "shot gun", began to fantasize and ironically continued the plot line of the story: he took the position of the author, or, more precisely, the position of the narrator, and came up with his own "metatext", cf.:

15) *no on naekhal na Berestova vovse neozhidanno / i vdrug ochutilsya ot nego v rastoyanii pistoletnogo vystrela // dostal pistolet... <smekh>* (S-rus.).

There are also cases when the informant tries to edit the text, believing that his punctuation is wrong, cf.:

16) *to rasstavlennyye polukruzhiyami i slozhnyimi krivymi fasady / slozhnyimi krivymi fasady / zapyatoi ne khvataet / i slozhnyimi krivymi / fasady obshchestvennykh zdaniy kotorymi / kak punktirnymi mazkami oboznachalos' napravlenie nabereznykh ili krupnykh magistralei / v odnom prosvete mezhdu nimi sizymi nikel... / a-a-a / sizym nikel'nyim bleskom mertsala reka* (S-rus.);

17) *vstavalo samoe znamenitoe arkhitekturnoe sozdanie russkikh / zapyataya Kremli' / zapyataya / velichestvennoe nag.../ nagromozhdenie kamennykh ploskosti polusfer* (S-rus.).

It is worth noting that the contexts (16), (17) are obtained from one extrovert informant, whose monologues are significantly different from the original text: due to the MIs, they are much more voluminous. The researchers believe that, in addition to extensive psychological testing, speech also helps to determine one's personality. Sometimes it even discloses some implicit characteristics that were not revealed during psychological testing [Furnham 1990; Boyd, Pennebaker 2015]. For example, analyzing the metacommunicative-discursive properties of spontaneous speech, N.A. Khan states that metacommunication one of the "indicators of one's personality, is more often found in the

speech of extroverts"; it is they who mostly use different strategies for constructing a monologue (including reading) and often add their own observations and comments. Introverts tend to stick to only one strategy, and this way in their speech metacommunication doesn't occur so often [Khan 2013: 22-23].

In the monologues of the Chinese, such MIs were not found.

(5) MI-question (8.5 %)

This type of metacommunicative insertion can be found only in native speakers' speech. Russian informants sometimes directly ask a question – to the listener (experimenter) or to themselves, not necessarily counting on an answer (18). Sometimes they build an affirmative-interrogative construction (19), and sometimes the question is not even delivered verbally, but only by means of certain interrogative intonations, which the decoder marks in parentheses (20)¹, cf.:

18) *Berestov provodil ego do samogo kryl'tsa / a Muromskii uekhal ne prezhdе / kak vzyav s nego chestnoe slovo na drugoi zhe den' / i s Alekseem Ivanovichem / priekhat' otobedat' po-priyatel'ski / v Priluchino // takim obrazom // PrilUchino ili PriluchIno? e-e* (S-rus.);

19) *rubashka fan... // fantAzii // eto tak i nado da / fantAzii* (S-rus.);

20) *dalee vysilis' krasivye // osokOri <asking> i velichavye sosny // osOkori naverno // <sighing> v odnom meste na vyрубke beleli kladi dosok svezhie brevna i sruby a v neskol'kikh sAzhenyakh* (S-rus.).

In the monologues of the Chinese, such MIs were not found.

(6) MI with the function of confirming your own words (8.5 %)

In Chinese monologues was identified such a MI, which has the function of confirming one's own words, – *da* and *o*:

21) *na [poemnykh lugakh [lugakh da / stoyala voda / shi-ro-okimi [lim... [limanAmi [limonami [o belye [oblAchka / otrazhayasi v nikh vmeste sy [opro... o... oprok... [kinutymi [tutym [lazurnym [svodnom* (S-chin.).

In example (21), the informant pronounced the word form *lugakh*, doubted the accent (*l*), but confirmed it by repeating the word and saying to himself the affirmative *da*. Then, in the same context, he tried to read the word form *limanami*: the first time with the wrong accent, the second time he realized a similar word form *limonami* instead, and finally, after hesitation (*l*), he pronounced the Chinese particle *da*, which sounds like [o]. This can be attributed to the phenomena of interlingual interference.

In the reading material for Russian native speakers, this kind of MI often appears in the same row with other markers. About such “magnetism” of pragmatic markers, which include metacommunicative insertions, or their increased “syntagmatic activity” see, for example: [Bogdanova-Beglaryan et al. 2019], cf.:

¹ K.D. Zaides noted that such interrogative intonation in some fragments of a monologue is especially common in the spontaneous speech of foreigners [Zaides 2016]. Among those foreigners whose speech was analyzed by K.D. Zaides, actually, there were no Chinese.

22) *vlevo / seryi neukl'yuzhii stolb s shirokoyu / doshchatoyu kryshei / s kruzhkoi / i s doskoi / oi / da s kruzhkoi i doskoi* (S-rus.);

23) *stol' zhe dolgo ne mog ya privyknut' i k tomu / chtob razborchivyi kholop obnosil menya blyudom na guber <...> natorskom <...> net // da // gubernatorskom obede* (S-rus.).

In examples (22), (23), the informants doubted what they had already read, responding to it with units *oi* and *net*, and afterwards immediately confirmed that they read everything correctly (*da*). Thus it can be said that we confront with a kind of microdialogs of the speaker with himself: *oi – da; net – da*.

(7) MI with charge function (6.8 %)

Markers with the function of accusation were found only in the speech of Russians. Accusation or simply negative emotions towards someone or something (oftenly to himself or to the author of the text), are often expressed using metacommunicative inserts *blin*, *bred*, *mat' moya*, cf.:

24) *v to zhe samoe vremya / Grigorii Ivanovich Muro <...> mskii / soblaznyas' khorosheyu <...> soblaznyas' khorosheyu pogodoyu / velel osedlat' kutsuyu svoyu <...> kobytku i rus'yu a-a <...> i rys'yu poekhal skvoz' <...> blin! // i rys'yu poekhal okolo svoikh an <...> glizirovannykh vladenii* (S-rus.);

25) *Muromskii ne mog otказа<...>t'sya / ibo chuvstvoval sebya obyazannym / i takim obrazom Berestov vozvratilsya domoyu za <...> so slavoyu / zatraviv zaitsa i vedya svoego protivnika ranenym i pochti <...> voennoplennym // mat' moya* (S-rus.);

26) *budet ona stiranaya i glazhenaya s dvumya / pristezhnymi vorotnichka-mi // bred* (S-rus.).

In the context of (24), the informant got confused many times, repeated fragments of the text, which in the end led to such an exclamation as *blin* (*damn*)! In the next example (25), the exclamation *mat' moya* (*my mother*) is again the speaker's reaction to his own multiple speech failures, but also to the expression “war prisoner” in relation to another expression “hunted hare”. Such MIs can be regarded as accusations of readers against themselves.

Finally, in example (26), the informant was “baffled” by the outdated model of the expression “пристежного воротничка” (unreliable, unsteady man), which he evaluated with the metacommunicative insertion *bred*. And this is already an accusation against the author of the text.

In the monologues of the Chinese, such inserts were not found.

(8) MI as a marker of the ending (5.0 %)

In the conditions of experimental recording, the informant sometimes has to verbalize the end of his monologue. So, one of the Chinese used the MI as word *konets* as a marker of the ending (22) – in fact, a message to the experimenter that the recording can be finished:

27) *bolezne bi-i-IOs' / detskoe serdtse // ze konets <laughter>* (S-chin.).

Laughter is also present in this example, since the subjects, due to difficulties in the reading process, often feel tension and want that the recording process to be finished as soon as possible.

There are many other similar MIs in monologues texts reading of Russians, cf.:

28) *no medved' i bez togo nastol'ko userdno staralsya / chto pakhlo palenoi sherst'yu sgorayushchaya / ...ei ot iskry metalla / a medved' etogo ne chuvstvoval / vsyo konets* (S-rus.);

29) *no-o-o dlya slepogo eto byla tol'ko neobychnaya t'ma kotoraya neobychno volnovalas' vokrug / shevelilas' rokotala i zvenela / potyagivayas' k nemu prikasayas' k ego dushe so vsekh storon neizvedannymi / eshchyo neobychnymi vpechatleniya / vpechatleniyami ot naplyva kotorykh boleznennno bilos' detskoe serdtse // tochka* (S-rus.).

(9) MI as a start marker (3.4 %)

Unprepared reading does not imply a preliminary acquaintance of the informants with the text, therefore, having received the text, some readers tried to mentally prepare for the task and used various metacommunicative start markers, cf.:

30) <laughter> *podozhdi sekundu* <laughter> *Vetluga ochevidno vyzgrala / neskol'ko dnei nazad shli sil'nye dozhdi* (S-rus.);

31) *nu ladno* / e-e *rubashka* / fEntezi (S-rus.).

In example (30), the informant cannot immediately tune in to the task, as evidenced by repeated laughter and the request to the experimenter: *podozhdi sekundu* (wait a second) – this phrase can be considered a marker of the beginning of a monologue. In the context of (31), such a marker becomes a remark *nu ladno* (okay), after which the speaker also reads the title of the story.

In the monologues of the Chinese, such MIs were not found.

(10) MI as a marker of forgetting a word or fact (3.4 %)

Metacommunicative inserts can also be found in speech of Chinese speakers in their native language, more often in those cases when the informant does not know or has forgotten the correct pronunciation of the Russian word, cf.:

32) 忘了重音, 不知道重音在哪了 [I forgot the stress. I don't know where to put the stress] *Korolenko* // «Slepoi [muzykant]» (S-chin.);

33) *na gorlo [ne lezyOt [ne lezet [ne lezyOt* 忘了 [I forgot] (S-chin.).

It should be noted that such a phenomenon (verbalization of forgetting) is characteristic for speeches in any language. However, in this study, such MIs were not found in Russian monologues texts reading; they demonstrate the difficulty of reading in a non-native language.

(11) MI as a search marker (1.7 %)

In the present research material MVs with the word search function were also found. However, in the transcripts of monologues texts reading such a search turned out to be just an excuse to fill in a long pause of hesitation: the

reader got lost, involuntarily interrupted the smooth reading, after vocalization (*m-m-m*) verbalized this problem (lost a line), and then repeated the entire fragment again, cf.:

34) *i ves' etot / m-m-m / poteryala strochku / i ves' etot mirnyi peizazh na moikh glazakh kak budto ozhival perepolnyayas' shorokhom* (S-rus.).

In the monologues of the Chinese, such MIs were not found.

4. Correlations with the characteristics of the text and the speaker

The analysis has convincingly shown that metacommunication is present in reading in both the speaker's native and non-native languages. The Chinese, as well as native speakers of the Russian language, correct themselves after reservations or hesitations, confirm what has been said, verbalize forgetting the place of stress in a word – and do this with the help of various MIs. Reflecting on this, they can use such inserts in their own language.

If in the monologues of the Chinese only 5 types of MIs were identified (markers of self-correction, planning and continuation of speech, confirmation of one's own words, forgetting and ending), then Russians have a rather wide range of such insertions (10 types) and a variety of their use.

It is difficult to talk about any correlations between the number of MIs in monologues texts reading and the characteristics of the informants on the basis of a small amount of material, but nevertheless, it was possible to make some observations of this kind. Thus, on average, a lot more MIs are observed in the speech of women (0.85 units / mon.), than in the speech of men (0.34 units / mon.); in the speech of extroverts (1.33 units / mon.), rather than in the speech of introverts (0.63 units / mon.) and ambiverts (0.2 units / mon.); in the speech of philologists (0.81 units / mon.) than in the speech of non-philologists (0.25 units / mon.). At the same time, there couldn't be revealed any differences in the considered relation between monologues of reading plot and non-plot texts. Compared to foreigners's discourse, they being limited by the lack of vocabulary and the framework of the communicative scenario, the speech behavior of Russians turns out to be much more loose and free, since Russians frequently add MIs in their monologues.

Thus, reading, maximally motivated by the original text, is still a type of spontaneous speech, as evidenced, in particular, by the various metacommunicative insertions used by the readers. In the reading process in a non-native language, we can also see the interfering influence of the informant's native language. In addition, reading in general depends on the individual characteristics of the reader.

References

- Baeva, E.M. (2018), Hesitation phenomena in spoken Russian speech of low spontaneity. *Communication Studies (Russia)*, No. 1 (15), pp. 75-84. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.75-84. (in Russian).

- Bogdanova-Beglarian, N.V. (ed.) (2013), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech], Collective Monograph, Pt. 1. Reading. Retelling. Description, St. Petersburg, Philological faculty of the St. Petersburg University publ., 532 p. (in Russian).
- Bogdanova, N.V. (2012), Metakommunikatsiya v ustnoi spontannoi rechi (dialog vs monolog) [Metacommunication in Spontaneous Speech (Dialogue vs Monologue)]. *Kommunikatsiya v sotsial'no-gumanitarnom znanii, ekonomike, obrazovanii* [Communication in Social and Humanitarian Knowledge, Economics, Education], Materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference, Minsk, pp. 330-331. (in Russian).
- Bogdanova, N.V. (2008), Raznye tipy kommunikativnykh stsenariiev v spontannoi rechi i "tekst o tekste" kak raznovidnost' vstavnoi konstruktсии [Different Types of Communicative Scenarios in Spontaneous Speech and „Text about Text“ as a Kind of Plug-in Construction]. *Rusistika i sovremennost'* [Russian Studies and Modernity], Materials of the 10th International Scientific and Practical Conference, Vol. 1. Cultural Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg, MIRS publ., pp. 326-334. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V., Blinova, O.V., Zaides, K.D., Sherstinova, T.Ju. (2019), Corpus "Balanced Annotated Text Collection (Textotec)" (SAT): studying the specificity of Russian monological speech. Plungyan, V.A. (ed.) *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, Iss. 21. The National Corpus of the Russian Language: Research and Development, Moscow, pp. 110-125. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V., Kong, Chunxia (2020), Chinese speakers' reading "strategies" of unfamiliar Russian words. *Socio- and Psycholinguistic Research*, Iss. 8, pp. 32-39. (in Russian).
- Bogdanova-Beglarian, N.V., Sherstinova, T.Yu., Zaides, K.D. (2017), Korpus "Sbalansirovannaya Annotirovannaya Tekstoteka": metodika mnogourovnevnogo analiza russkoi monologicheskoi rechi ["Balanced Annotated Text Library": a Technique for Multilevel Analysis of Russian Monologue Speech]. *Analiz razgovornoi russkoi rechi (AR³-2017)* [Analysis of Colloquial Russian Speech (AR³-2017)], Proceedings of the Seventh Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Politekhnik-print publ., pp. 8-13. (in Russian).
- Boyd, R.L., Penebaker, J.W. (2015), A Way with Words: Using Language for Psychological Science in the Modern Era. Dimofte, C., Haugtvedt, C., Yalch, R. (eds.) *Consumer Psychology in a Social Media World*, New York, Routledge publ., pp. 222-236.
- Furnham, A. (1990), Language and Personality. Giles, H., Robinson, W.P. (eds.) *Handbook of Language and Social Psychology*, Chichester, UK, John Wiley & Sons publ., pp. 73-95.
- Khan, N.A. (2013), *Spontannye monologi raznogo tipa v kommunikativno-diskursivnom aspekte na materiale Zvukovogo korpusa russkogo yazyka* [Spontaneous Monologues of Various Types in the Communicative-discursive Aspect: on the Material of the Speech Corpus of the Russian Language], Author's abstract, St. Petersburg, 24 p. (in Russian).
- Kong, Chunxia (2021), Unprepared reading as a type of spontaneous speech (on signs of spontaneity in reading in a non-native language). *Perm University Herald*.

- Russian and Foreign Philology*, Vol. 13, iss. 2, pp. 36-46. DOI: 10.17072/2073-6681-2021-2-36-46. (in Russian).
- Levitsky, Yu.A. (2011), K voprosu o vtoroi kommunikatsii [To the Question of the Second Communication]. *Problemy sotsio- i psikholingvistiki* [Problems of Socio- and Psycholinguistics], Iss. 15. Perm Sociopsycholinguistic School: Ideas of Three Generations, On the Occasion of the 70th Birthday of Alla Solomonovna Stern, Collection of Articles, Perm, Perm State National Research University publ., pp. 159-167. (in Russian).
- (1995), Personality Questionnaire EPI (Method of G. Eysenck). *Almanakh psikhologicheskikh testov* [Almanac of Psychological Tests], Moscow, KSP publ., pp. 217-224. (in Russian).
- Sapunova, E.M. (2009), Linguistic features of unprepared reading as a type of speech activity. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, Iss. 1, pt. 2, pp. 145-151. (in Russian).
- Zaides, K.D. (2016), Meta-communicative insertions in Russian oral spontaneous speech of native speakers and foreigners. *Communication Studies (Russia)*, No. 3 (9), pp. 19-35. (in Russian).

**«ТЕКСТ О ТЕКСТЕ», ИЛИ «КОММУНИКАЦИЯ ПО ПОВОДУ
КОММУНИКАЦИИ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕПОДГОТОВЛЕННОГО
ЧТЕНИЯ РУССКИХ ТЕКСТОВ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО
И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Кун Чунься

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Рассматривается явление метакоммуникации в спонтанном чтении на русском языке как родном и как неродном. Материалом послужили 112 монологов чтения (поровну сюжетных и несюжетных текстов), в том числе 40 монологов, записанных от 20 китайцев, и 72 монолога, записанных от 33 русских. Конкретным объектом анализа были метакоммуникативные вставки (МВ) в монологах. В ходе исследования было выявлено 11 типов МВ, с функциями самокоррекции, сомнения, планирования и продолжения речи, комментария исходного текста, вопроса (не всегда вербализованного), подтверждения собственных слов, обвинения, маркирования финала и старта, забывания слова или факта, а также поиска. В речи китайцев таких МВ оказалось в 3 раза меньше, чем в речи русских, и, соответственно, меньше их разновидностей (всего 5 типов). Русские информанты, хорошо владеющие родным языком, зачастую не только читают, но и создают параллельно отдельный «текст о тексте», порождая «коммуникацию по поводу коммуникации». Анализ материала подтвердил тот факт, что чтение является одним из типов спонтанной речи: об этом свидетельствуют, в частности, разнообразные метакоммуникативные вставки, используемые говорящими в рамках этого речевого сценария. МВ используются в чтении и на родном, и на неродном языке, что связано с их основным свойством: вербализовать трудности говорящего в реализации данного сценария. Об-

ращены они при этом либо к самому говорящему, либо к собеседнику. Кроме того, количество МВ коррелирует с индивидуальными характеристиками информантов. На сравнительно более разнообразном материале русских было установлено, что женщины, особенно экстраверты и филологи, употребляют в своем чтении особенно много МВ.

Ключевые слова: метакоммуникация, неподготовленное чтение, спонтанная речь, метакоммуникативная вставка, интерференция.

Для цитирования:

Кун Чунься. «Текст о тексте», или «Коммуникация по поводу коммуникации» (на материале неподготовленного чтения русских текстов носителями русского и китайского языков) // *Коммуникативные исследования*. 2021. Т. 8. № 3. С. 547–559. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).547-559. (На англ. яз.).

Сведения об авторе:

Кун Чунься, аспирант филологического факультета

ORCID: 0000-0001-9812-1457

WoS ResearcherID: ABI-2822-2020

SPIN-code РИНЦ: 7661-9044

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: kong.chunxia@mail.ru

Дата поступления статьи: 05.04.2021

Дата рецензирования: 17.04.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

КАК В ДОКОРОНАВИРУСНОЕ ВРЕМЯ ГОВОРИЛИ О БОЛЕЗНЯХ И ЗДОРОВЬЕ В АВСТРИИ И В РОССИИ. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА

Р. Ратмайр

Венский экономический университет (Вена, Австрия)

Аннотация: Рассматривается повседневное общение на тему здоровья и болезней в докоронавирусное время. Сопоставляется дискурс в русской и австрийской лингвокультурах. Сопоставление служит только для более яркого освещения ситуации в русской лингвокультуре, а не является полноценным исследованием немецкоязычного общения. Цель и задачи анализа – описание дискурса, важного для всех культур и периодов докоронавирусной эпохи. Методами сопоставительной прагматики анализируются этикетные формулы, содержащие корень *здоров*, например *Будь здоров / будьте здоровы; Bleib / bleiben Sie gesund*; записи диалогов на тему «здоровье / болезнь», проведенных в конце 2019 – начале 2020 г., опрос, в котором респонденты должны были представить себя в описанных ситуациях и ответить на вопросы или составить маленькие диалоги. Применяется также метод включенного наблюдения. Записи русских диалогов, на первый взгляд, не обнаруживают существенных отличий от австрийского повседневного общения. Ответы в опросниках тоже обнаруживают больше сходств, чем различий. Маленькую выборку нельзя было расширить вследствие пандемии, но некоторые особенности всё же были выявлены. Близость собеседников является предпосылкой для откровенного сообщения о тяжелом заболевании, при этом австрийские респонденты чаще, чем русские, употребляют предварительные реплики типа: *у меня серьёзный разговор / ты не волнуйся*. В разговорах о болезнях австрийские респонденты проявляют большую общительность, чем русские, – это неожиданный результат, так как высокая степень общительности считается характерной для речи русских.

Ключевые слова: дискурс о здоровье и болезнях, сопоставительная прагматика, повседневное общение, этикетная формула, социокультурная установка, речевое табу.

Для цитирования:

Ратмайр Р. Как в докоронавирусное время говорили о болезнях и здоровье в Австрии и в России. Сопоставительная прагматика // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 560–578. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).560-578.

Сведения об авторе:

Ратмайр Ренате, доктор филологических наук, профессор кафедры делового общения на иностранных языках Института славянских языков

Контактная информация:

Почтовый адрес: А-1020, Австрия, Вена, Вельтхандель платц, 1

E-mail: renate.rathmayr@wu.ac.at

Дата поступления статьи: 15.06.2021

Дата рецензирования: 23.06.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

1. Введение

Состояние здоровья – деликатная, но давно популярная тема, и еще в 1673 г. Мольер в своей комедии «Мнимый больной» издевался над завышенным интересом и озабоченностью собственным здоровьем. В современных русских и австрийских обществах здоровье среди ценностей на одном из первых мест как старших, так и молодых поколений¹.

Разговор о своем здоровье и болезнях – это разговор о внутрителесных ощущениях. А.В. Нагорная [Нагорная 2014: 32–37] рассматривает дискурс «невыразимого» с учетом как регулирующей роли культуры, так и проблемы исторической изменчивости и индивидуальной вариативности средств выражения субъективного интероцептивного опыта. На примере современных англоязычных нарративов А.В. Нагорная показывает, что среди механизмов овнешнения субъективной реальности метафоризация и, в меньшей степени, метонимизация являются центральными.

Социокультурные установки к здоровью и болезням подвержены изменениям. Так, левые революции 1968 г. привели к смягчению многих табу, в том числе и относительно тяжелых болезней. Считается, что взрослый человек сам хозяин своего здоровья, поэтому врачи больше не имеют права скрывать от него состояние его здоровья, даже если оно плохое. С другой стороны, в обществе достижений и преуспевающих слабость и болезни замалчиваются, так как необходимо демонстрировать постоянную успешность: чтобы не потерять работу – приходят полубольными, если что-то не так – стараются это скрыть. Рекомендуются даже не желать здоровья после чихания, потому что это подчеркивает слабость адресата.

В лингвистической литературе изучается, в первую очередь, общение медицинских специалистов с непрофессионалами, например, с фоку-

¹ См.: Россияне считают здоровье высшей социальной ценностью, но не хотят о нем заботиться // Пресс-центр Росстата. 2013. 29 нояб. URL: <https://kirovstat.gks.ru> (дата обращения: 06.05.2021); Bericht zur Lage der Jugend in Österreich, 2011 / BMFJ. 2011. S. 252. URL: <https://www.bmfj.gv.at/service/publikationen/jugend/6-bericht-zur-lage-der-jugend-in-oesterreich-2011.html> (дата обращения: 03.05.2021).

сом на различную компетентность участников в коммуникации (ср.: [Gülich 1999]), на роль статуса, пола участников и перебивания в диалоге «врач – пациент» [Menz, Al-Roubaie 2007], на влияние культуры на сообщение о плохих диагнозах [Günthner 2019a] или на функции обращения по имени в разговорах экспертов с больными онкологией [Günthner 2019b].

2. Цель и метод

В данной работе мы анализируем сходства и различия в повседневной коммуникации о болезнях и здоровье в русской и австрийской лингвокультурах. Приведу один показательный случай культурно обусловленной разницы в общении о болезни, в данном случае – серьезном заболевании ребенка: когда я пришла на работу на кафедру, было видно, что я еле-еле сдерживаю слезы и недавно плакала. Мои австрийские сотрудники сделали вид, что ничего не заметили, а приглашенный на один семестр профессор из Москвы сразу подошел и спросил, что случилось, и постарался меня утешить. Все мои сотрудники, как и приглашенный русский профессор, хорошо ко мне относились, все вели себя по принятым в своей культуре правилам вежливости, соблюдали принятую дистанцию, выражали принятое сочувствие. И действительно, кого можно или даже нужно спросить, *что случилось, почему так плохо выглядишь, чему так рад?* Это зависит, безусловно, от многих индивидуальных, социальных и ситуативных факторов: близости отношений, возраста, пола, социальной дистанции (иерархии), официальности ситуации, – но и от культуры и принятых в ней чаще даже неписанных правил и норм, которые сознательно или бессознательно соблюдаются или нарушаются, например принятые нормы физической, психологической или этической дистанции.

В дальнейшем анализируются этикетные формулы, типичные разговорные диалоги, а также записи диалогов, представленные в маленьком анкетном опросе. В основном, описывается ситуация в русской культуре, но для более яркого подчеркивания культурной обусловленности данного дискурса (ср., напр.: [Нагорная 2014: 296]) приводятся параллели и расхождения с австрийской культурой. Таким образом, имеется ввиду употребление немецкого языка именно в Австрии; варианты немецкого языка в Германии, Швейцарии и Люксембурге имеют свою специфику и здесь не рассматриваются (о полицентричности немецкого языка см.: [Ammon 1995; Kellermeier-Rehbein 2014]).

Метод соответствует концепциям культуроведческой лингвистики [Куссе 2016] и межкультурной прагматики [Kecskes 2014: 219–234] и включает сочетание анализа данных из словарей (этикетные формулы), примеров из корпусов устной разговорной речи и ответов на опросники. Некоторые вопросы обсуждались в неформальных интервью с носителями русского языка, дополнением и в русской, и в австрийской сре-

де служило непосредственное включенное наблюдение. Материал был собран с середины 2019 г. до 1 марта 2020 г.

Ситуация заполнения опросника, естественно, отличается от спонтанного общения: информант должен представить себя на месте кого-то другого, что частично облегчает задачу: он не должен раскрывать собственный внутренний мир. С другой стороны, из многочисленных социологических исследований ясно, что ответы в опроснике не всегда соответствует тому, как респондент реагировал бы реально в описанной ситуации (ср., напр.: [Diekmann 2009; Esser 1975]). Это учитывается при интерпретации опросников.

3. Этикетные формулы

Одна из сфер различий между национально обусловленными моделями коммуникации – это использование лигвоспецифичных речевых формул, в частности этикетных формул. Давно известны формулы приветствия (*доброе утро / добрый день / вечер, здравствуйте; guten Tag / Morgen / Abend, Grüß Gott, servus* – в Австрии и Баварии), прощания (*до свидания, пока; auf Wiedersehen, tschüss, baba, bis später, servus, ciao, bye bye*), выражения благодарности (*спасибо / большое; herzlichen / vielen Dank, danke*) и реакции на них (*не за что; keine Ursache*). К культурной специфике, кроме самих формул, принадлежит и социальный фактор: кто кого приветствует первым, подают ли руку, смотрят ли в глаза. Глобализация всех сфер жизни и международный опыт участников в коммуникации приводят к тому, что этикетные формулы употребляются и далеко за границами первоначального исхода: итальянское *ciao*, как и английское *bye-bye*, широко употребляется в немецкоязычных культурах.

Сейчас даже в речевом этикете есть отпечаток коронавирусной ситуации: мы не только пьем за здоровье, как раньше, но и прощаемся, желая здоровья, по-немецки: *Bleiben Sie gesund; Sei bitte vorsichtig und bleibe gesund!* – и по-русски: *не болей / не болейте (werde / werden Sie nicht krank)*. Даже в электронном письме русский лингвист заканчивает выражение благодарности за отправку статьи пожеланием здоровья: *Дорогие коллеги! Большое спасибо всем откликнувшимся и приславшим! Пожалуйста, будьте все здоровы!.. С уважением, Илья Иткин (mosling@googlegroups.com; 11.3.2021)*. Такие пожелания мы встречаем и в официальных, адресованных массе читателей текстах на немецком языке. Например, WU Executive Academy Team заканчивает свою новостную рассылку от 8 апреля 2021 г. словами: *Viel Spaß beim Lesen und bleiben Sie gesund!* (*Приятного чтения и не болейте!*)

Вопрос о самочувствии собеседника (*Привет, ну как ты? / Здравствуйте, ну как дела / как Вы поживаете?*) в русской лингвокультуре чаще (пока) действительно воспринимается как вопрос, на который отвечают, а в австрийской (в какой-то степени вслед за английским языком) посте-

пенно превращается в формулу приветствия, на которую ответа не требуется. В Австрии маленький тест среди коллег по работе показал, что примерно только один из десяти повторяет вопрос, если ответа нет. Все остальные, по существу, не задавали вопроса о самочувствии, а просто расширили формулу приветствия.

Посмотрим этикетные формулы, содержащие корень *здоров*, *gesund*, в повседневном общении. Например, пожелание здоровья как реакция на чихание: *Будь здоров! / Будьте здоровы!* (нем. *Gesundheit!*) Несмотря на семантическую близость – и там и тут пожелание быть здоровым, – есть различие в адекватности применения этой формулы: современный немецкий деловой этикет требует не заметить чихания, чихнувший должен извиниться, а другие – ничего не говорить. Пожелание здоровья подчеркнуло бы по деловому этикету слабость адресата. А слабость противоречит господствующим в идеологии менеджмента и бизнеса постулатам успешности, силы и здоровья. Практика в русских компаниях такую норму пока не отражает, сосуществуют реакции *будь здоров* и извинения за чихание, которое не воспринимается как слабость. Но в условиях пандемии коронавируса и в русском корпоративном этикете можно найти рекомендацию игнорировать чихание: «В этикете всегда считалось дурным тоном акцентировать внимание на телесных проявлениях: чихании, кашле, икоте и тому подобных звуках. Как и прежде, не стоит желать кому-то выздоровления или испуганно вопрошать, не болен ли человек. Просто проигнорируйте и держите социальную дистанцию. Если вы чихнули сами – прикройте рот сгибом локтя, платком (если он под рукой), а не ладонью» – дальше больным рекомендуется не ходить в общественные места¹. Кроме того, русское *будь здоров!* часто употребляется как усилительная частица в значении *очень много, очень сильно, очень хорошо*, например: *В Большом. Что ты / в Малом оперном / он в Мариинске пел / будь здоров пел* (Разговор о театре, 1960–1980)². Тут нет немецкоязычных параллелей: в некоторых контекстах употребления усилительного *будь здоров* походило бы (*na*) *Mahlzeit! Na servus!* в значении «Ну вот! Привет!» (дословно: пожелание приятного аппетита и австрийская формула приветствия и прощания).

Русское сочетание *на здоровье* употребляется с императивами *кушайте, ешьте, пейте* и после комплимента за вкусную еду. По-немецки в этих ситуациях говорят *lassen Sie es sich schmecken / wohl bekomme's!* А русское *на здоровье* употребляется еще и в сочетании с другими глаголами потребления чего-нибудь, например *несите на здоровье (купленное пальто)! Приходите ещё* (Разговор на вещевом рынке, 2007). По-немецки су-

¹ Зарецкая О. А вы и не знали! Вот как изменился бизнес-этикет с приходом пандемии // Про бизнес. 2020. 28 июля. URL: <https://probusiness.io/style/7388-a-vy-i-ne-znali-vot-kak-izmenilsya-biznes-etiket-s-prikhodom-pandemii.html> (дата обращения: 20.03.2021).

² Здесь и далее приводятся по Национальному корпусу русского языка (<https://ruscorpora.ru/>).

ществует только тост: (*Auf die*) *Gesundheit!* (за здоровье). Любопытно, что иностранцы (не только с немецким языком как родным) любят употреблять на здоровье как тост, хотя этим показать знание русского языка, может быть, вслед за плохо синхронизированными фильмами.

Здоровый образ жизни стал клише еще в конце XX в., *gesund leben, gut für die Gesundheit, gesundheitsfördernd* – это привлекательно, вызывает интерес, считается успешной рекламой и в России, и в Австрии. Есть мало жира, пить меньше алкоголя, заниматься больше спортом – всё это способствует здоровому образу жизни. И хотя нет сомнения в том, что для здоровья лучше алкоголя вообще не пить или хотя бы только в очень маленьком количестве, пьют за здоровье и в России, и в Австрии.

4. Тема болезни в повседневной устной речи

Последний раз мне повезло побывать в России, точнее в Москве, как раз накануне начала эпидемии коронавируса: с 20 февраля по 1 марта 2020 г. Не ожидая серьезных перемен в жизни, придя вечером домой, я записала свои воспоминания о разговорах на встречах с хорошими, давними друзьями. Нам всем было около 70 лет, и за столом почти все рассказывали – притом в шутовском тоне – о своих болезнях, болях, посещениях врачей, физиотерапевтов, ситуациях ожидания в кабинете и в очереди. Те, у кого онкология, говорили о прошедших и предстоящих анализах, дамкловом мече. Но, в основном, говорили весело. Зубы лечат за большие деньги, врач по страховке и частный врач сильно различаются в плане очереди и тона общения. Другие друзья рассказывали о самолечении путем нулевой диеты; болезни и здоровье были далеко не единственной темой в веселой компании давних друзей. А к чему мы пришли сейчас? В компании с русскими друзьями мы – австрийцы – вообще не можем собираться, даже заявку на визу в Россию пока еще невозможно подать, а о поездках мы после года более или менее строгого карантина уже почти перестали мечтать. Когда сейчас (в апреле 2021 г.) у нас в Австрии собираются друзья на прогулку или маленькой компанией дома, то даже когда кто-то из них просит не говорить о коронавирусе, раньше или позже мы приходим к этой теме, обсуждая (не)возможность вакцинации, риски заразиться, депрессию из-за закрытых театров и ресторанов, фитнес-клубов и прочих мест развлечения и отдыха, а также запретов на путешествия. Максим Кронгауз очень правильно называет наше время новой эпохой, «эпохой коронавируса», которая «революционным образом изменила нашу коммуникацию так, что возвращение на предыдущий уровень стало невозможным» [Кронгауз 2020: 735, 742]. Итак, попробуем вернуться к этому недавнему прошлому.

В хрестоматиях устной речи тема болезни или больницы иногда присутствует. Так, в речи москвичей темы разговоров определяются локусом – больницей: уборка палаты, проход врача, вызов на операцию, раз-

личные процедуры, разговор со знакомым пациентом из соседней палаты и т. п., – и, конечно, болезни. Авторы констатируют ослабление этикетных ограничений на выбор тематики бесед и разговоров с малознакомыми людьми. Обсуждается, например, выздоровление пациента из соседней палаты, у которого слух полностью восстановился, резко критикуется лечение в психиатрии: *Как они лечат в этой / в психиатрии / это что-то жуткое //* [Китайгородская, Розанова 2005: 478]. Другие пациенты говорят о смерти хорошей медсестры, которой было 48–49 лет: *через год я туда что-то пошла / мне нужно было / она умерла // Такая была живая вообще! Поехала в санаторий / э-э у нее криз был / и умерла // Вот //* В другом отрывке две женщины обсуждают страх перед операцией, одна из них боится, как когда-то перед экзаменом [Китайгородская, Розанова 2005: 480].

В собрании текстов разговорной речи тема «болезнь» не заявлена, но присутствует, например, в разговоре «воскресное утро в семье»: жена (А) рекомендует мужу (Б) выпить лекарство от желудка: *А. Сейчас я тебе дам немножко водички (лекарственный настой). Может, она еще не заварилась как следует / (пауза), а ты бы от желудка еще что-нибудь выпил // Б. Что? Викалин? А. Викалин!* [Русская разговорная речь 1978: 246].

В коллективной монографии «Еда по-русски в зеркале языка» тоже присутствует тема здоровья – в разделе «Идеология здорового питания в российских СМИ» О.С. Иссерс анализирует пользу и вредность генетически модифицированных продуктов [Иссерс 2013]. В главе «Современные пищевые стереотипы, по данным анкет» А.В. Занадворова, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова описывают заботу о здоровье и состоянии здоровья как один из факторов, определяющих ассортимент питания: надо избегать острого, жирного, жареного, алкоголя и многого другого [Занадворова, Китайгородская, Розанова 2013: 530–531].

Приведем еще примеры из живой речи уральского города в разделе «общение в семье» [Живая речь уральского города... 2011: 12–72], где можно найти несколько примеров по теме «болезнь»: 25-летняя внучка говорит 75-летней бабушке: *Вам сосуды надо укреплять / аскорбин Вам нужно // знаете /, в аптеке купите / есть такие / как витаминки или таблетки кисленькие / укрепляют сосуды // Вот в следующий раз приедем //* [Живая речь уральского города... 2011: 26].

В Национальном корпусе русского языка находим следующий пример, где муж общается не с больной, но с беременной женой: (Андрей, муж) *Да / рассказывай / нам уже всё... присядь / присядь / ну как ты себя чувствуешь? В твоём положении? Не тошнит? Мы заказали солёных огурчиков / селёдки / у тебя раздражения на цветы нет? Можно ей? Ты уже курить бросила?* (Реалити-шоу «Дом-2» на телеканале ТНТ (2006)).

Приведенные примеры, на первый взгляд, не удивляют австрийского реципиента, но если обратиться к ответам на вопросы опросника, то различия проявляются более ярко.

5. Опрос о повседневном дискурсе на тему здоровья и болезней

Задачей респондентов было вдуматься в описанные восемь ситуаций (см. приложение) и ответить на вопросы или составить маленькие диалоги. До начала пандемии коронавируса было получено 42 русские заполненные анкеты, возраст респондентов от 20 до 77 лет, две трети респондентов – женщины. Большинство информантов имеет законченное или незаконченное высшее образование и большую часть жизни провели в больших городах России: Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Красноярске, Волгограде, Иркутске; две женщины из деревни в Иркутской области. Так как выборка невелика, процентные данные не приводятся.

Русские респонденты

Пол	Возраст, лет				Всего
	20–30	30–45	50–60	60–75	
Женщины	12	1	4	11	28
Мужчины	5	4	1	4	14
Всего	17	5	5	15	42

Для сравнения были использованы десять анкет, заполненных австрийскими респондентами – носителями немецкого языка и тоже разного возраста, пола и из разных городов. Изначально проведенный опрос был запланирован как тест с целью усовершенствования опросника и расширения количества респондентов. Однако в эпоху коронавируса опросник о докоронавирусном общении уже нельзя изменить, как и расширить число опрошенных. Таким образом, нельзя обобщить результаты, но тем не менее некоторые предварительные выводы заслуживают внимания и указывают на особенности дискурса в выбранных лингвокультурах. Посмотрим отдельные результаты анализа, при этом цитируются, в основном, только типичные высказывания, использованные некоторыми информантами.

5.1. Социальная близость определяет степень откровенности

Как и следовало ожидать, большую роль играет близость собеседников: близким говорят прямо и о тяжелых болезнях. При этом австрийские информанты чаще, чем русские, употребляют предварительные реплики типа: *у меня серьёзный разговор / ты не волнуйся*, – а посторонним все отвечают только в общих чертах.

Предстоящей операции многие боятся, и в ситуации встречи после долгого перерыва (сит. 1) 58-летняя женщина пишет, что только самым близким друзьям она будет говорить об операции, очень близкой подруге она скажет: *Ужасно. Боюсь очень, но стараюсь держаться. Надеюсь, что всё будет хорошо*. А коллеге, которая ничего не знает о болезни, она вообще говорит: *Нормально, Всё хорошо*. Похожие реакции характерны и для мужчин: *Всё хорошо* (м., 64). *Ничего, а Вас что-то давно не видно* (м., 71).

Этот информант прокомментировал ответ словами: *пытаюсь перевести разговор на другую тему*. Молодые женщины и мужчины тоже не рассказывают об операции коллеге по работе, отвечают: *да потихоньку-помаленьку* (ж., 26), *да всё хорошо. А у Вас?* (м., 20).

Неудивительно также, что тема здоровья волнует, скорее, старшее поколение. Молодые говорят о болезнях детей, но, как правило, не о своем здоровье. Это подтверждают как австрийские, так и русские анкеты. Интересно, однако, подтверждают ли реакции респондентов общепринятое представление о русской культуре как в высшей степени общительной [Прохоров, Стернин 2006: 181–182] и склонности носителей немецкого языка к избеганию общения [Куликова 2009: 189], т. е. говорят ли русские респонденты о здоровье / болезнях более подробно, чем австрийские? Ответ отрицательный: общаясь на эту тему, русские более сдержанны, чем австрийцы. Объяснением может быть более сильная табуизация темы болезней в русской культуре. Возможная причина этого коренится также и в том, что репрезентация концептов 'болезнь' и 'здоровье' в русских пословицах и поговорках подводит к выводу о том, что «типичное состояние человеческого организма является пограничным между здоровьем и болезнью» [Чихова 2011: 186–187]. Об этом свидетельствуют и многочисленные ответы на вопрос о самочувствии типа *ну так себе, потихоньку* и т. п. (см. раздел 5.7). А может быть, смирение и выносливость, традиционно воспринимаемые как характерные черты русского характера [Сергеева 2005: 151], здесь тоже играют свою роль.

Австрийские респонденты реагируют примерно, как русские: общаясь не с близкими друзьями, смягчают сообщение и говорят, например: *Danke der Nachfrage, prinzipiell ganz gut, aber ich muss demnächst für ein paar Tage ins Krankenhaus, um eine notwendige OP machen zu lassen* (ж., 61) / *спасибо за вопрос, в принципе неплохо, но мне скоро нужно лечь на операцию в больницу*; *Ganz gut, aber ich muss mich am Knie operieren lassen. Kismet* (м., 80) / *неплохо, но нужно сделать операцию на колене. Ничего не поделаешь*.

На вопрос, с кем они обсуждают беспокойство перед медицинской проверкой (сит. 6), женщины-информанты назвали следующих возможных собеседников: *дочь* (ж., 58), *маму* (ж., 37); мужчины: *супругу, близких родственников* (м., 77); один ответ: *ни с кем не говорю до проверки* (м., 71). Австрийские респонденты называют тех же родственников и близких людей: *жену* (м., 80, м., 65), *маму, папу, хороших подруг* (ж., 26), *подругу* (ж., 72), *сестру* (ж., 73).

5.2. Эмпатия: реакция на тяжелую болезнь близких, забота о других

Проявление эмпатии – одна из адекватных реакций на сообщения о чем-то неприятном, тяжелом. В русском языке для этого существует ряд речевых клише, связанных со стратегией успокаивания, утешения и подбадривания [Брагина 2020: 14]. В опросниках на сообщение об инфаркте

двоюродного брата (сит. 3) информанты реагировали именно эмпатией, выражая ужас и сочувствие, и предложили конкретную помощь: *Привет! Мне сказали, что у тебя недавно был инфаркт. Как ты себя чувствуешь? Я могу чем-то помочь тебе?* (м., 77). Тем не менее особенно мужчины иногда просто спрашивают о самочувствии больного, желают соблюсти дистанцию и нейтрально говорят о *проблеме*, а не *инфаркте*: *Я только узнал о твоей проблеме. Как ты?* (м., 71). Женщины, как правило, проявляют эмпатию: *Ты как? С тобой все в порядке? Как ты себя чувствуешь? Я так за тебя испугалась!* (ж., 20), *как ты себя чувствуешь? Нужна помощь? Мы скоро приедем* (ж., 21), но иногда тоже реагируют лаконично: *алло, держись, брат!* (ж., 20).

В ситуации приближающегося гриппа (сит. 5) многие, особенно русские информанты, заботятся о своих близких и предупреждают их: *держись от меня подальше*, даже предлагают спать отдельно, надевать маску: *Мне кажется, что я заболела гриппом. Давай сегодня наденем на лицо маски и будем спать в разных комнатах* (ж., 73). Пример показывает, что дистанция и маски применялись еще до пандемии коронавируса. И австрийские респонденты предлагают соблюдать дистанцию: *Bei mir scheint sich eine Grippe anzubahnen. Es wäre gut, wenn wir uns nicht zu nahekommen* (м., 66) / *у меня начинается грипп, хорошо было бы держаться подальше друг от друга*.

5.3. Разговор о некоторых болезнях несколько табуирован

Считается, что для русского общения число тематических и речевых табу по сравнению с западными лингвокультурами невелико [Прохоров, Стернин 2006: 118–119]. На основании экспериментального опроса, в котором участвовали 41 носитель немецкого и 50 носителей русского языка, Н.И. Замерченко исследовала тематические табу в немецкоязычной и русскоязычной публичной коммуникации в условиях мультикультурности. Относительно табу на тему *болезнь* она пришла к выводу, что «в обеих культурах о болезнях в целом говорится много и охотно. Исключения составляют тяжелые болезни, а также болезни, связанные с половыми органами, органами пищеварения, органами выделения, а еще с протезами и париками, которые являются табу...» [Замерченко 2015: 27].

В настоящее время в обеих рассматриваемых культурах происходит ослабление табу. Это не в последнюю очередь связано с глобализированной рекламой, например лекарств и предметов женской гигиены. Тем не менее возможность смертельного исхода болезни, как правило, по-прежнему табу, и в обеих культурах принято, по возможности, максимально сохранять надежду больного на выздоровление. Количество сообщаемой врачом информации определяется критерием пользы для пациента, который существенно различается в разных лингвокультурах [Жура 2013: 175]. Между собой респонденты указывают на достаточно свободное общение даже на тему о заболевании раком (сит. 8). *Да, всё плохо. Всё под-*

твердилось, – так вспомнила информант (ж., 71) ответ своей мамы на вопрос, что сказал врач, в ситуации, когда был диагностирован рак. Другой информант указывает на необходимость *планировать дальнейшую жизнь с учетом новых обстоятельств* (ж., 62). Некоторые информанты (ж., 66, ж., 72 и др.) утверждают, что *обычно женщины молчат до последнего*. Информант-мужчина (м., 77) пишет, что подруга сказала своему мужу: *была у врача. Всё плохо. Похоже, что у меня рак*. Некоторые респонденты, как и следовало ожидать, затруднились ответить.

Австрийские респонденты чаще используют предварительные реплики: *setz dich lieber hin, ich muss dir was Schlimmes sagen* (м. 77) / *ты лучше садись, должна тебе сказать что-то страшное*; *reg dich jetzt nicht auf, aber der Arzt hat leider eine schlimme Diagnose für mich gestellt...* (ж., 73) / *ты не волнуйся, но врач, к сожалению, поставил мне плохой диагноз*; *ich muss dir was schlimmes erzählen* (м., 27) / *должна тебе сказать что-то страшное*.

5.4. Маму, не задумываясь, просят о помощи в случае заболевания ребенка

В ситуации заболевания ребенка (сит. 4) респонденты должны были сформулировать просьбу к маме остаться с сыном, так как им нужно идти на работу. Диапазон формулировок просьбы весьма широкий, от лаконичной просьбы до сильно расширенной, где приводят причины, почему сами не могут сидеть с ребенком, и обещают забрать его как можно раньше: *он немного приболел, можно он посидит с тобой?* (м., 21); *Мам, я не могу уйти на больничный. Посиди, пожалуйста с ... Завтра у меня две пары, я освобожусь в час и сразу приеду за ним* (ж., 58). Из всех опрошенных русских только приблизительно половина объясняют, почему нужна помощь.

Австрийские респонденты, как правило, аккуратно объясняют, почему нужна помощь мамы. Это говорит о том, что в Австрии отношения мам и взрослых детей часто не такие близкие, как в России, присутствует взаимное понимание, что могут быть другие более важные обстоятельства и приоритеты, чем помощь дочери или сыну. Хотя в обеих лингвокультурах представлен большой диапазон формулировок, обнаруживается различие между лингвокультурами: русские – и женщины, и мужчины – бесцеремонно привозят ребенка к бабушке или вызывают ее, а австрийские респонденты более тщательно формулируют просьбу и причины для такой просьбы о помощи с ребенком.

5.5. Тяжесть заболевания скорее смягчают, чем преувеличивают

В официальных сообщениях о состоянии здоровья политиков и других официальных лиц принято сильное смягчение тяжести заболевания. Б.Ю. Норман приводит пример, в котором говорится о состоянии больного народного артиста СССР Михаила Пуговкина в 2008 г. В номере газеты «Комсомольская правда» за 10–16 июля 2008 г. сказано: «Сегодня он не совсем здоров. Редко встает с постели, не принимает гостей». Это

сильно приукрашивает действительность, тем более, что прожил после этой публикации артист недолго [Норман 2017: 417].

Многие опрошенные также обнаруживают тенденцию к смягчению тяжести заболевания, например (сит. 5): *ты знаешь, я, кажется, сегодня не в форме. Как бы не разболеться* (м., 62); *всё непросто, надеюсь на лучшее* (ж., 72); преувеличения весьма редки, например, когда болит живот или голова, молодой мужчина, скорее всего, иронично говорит: *мне кажется, я умру* (м., 21). Возможность смертельного исхода болезни, как правило, – табу, но о тяжелых болезнях, как рак или инфаркт, стали говорить и в русской, и в австрийской культурах более откровенно, чем еще двадцать лет назад (см. выше раздел 5.3).

5.6. Замечания о том, как говорят о болезнях

Далеко не все респонденты реагировали на просьбу указать особенности дискурса о болезнях, т. е. перейти на метауровень. Многие утверждают, что *редко говорится о болезнях, а если – да, то чаще это превращается в фразу: «У меня проблемы с желудком / с коленом / с сердцем и т. д.» Мы склонны преуменьшать наши болезни* (ж., 29). Студент из Сибири уточняет: *Очень часто мужчины не идут к врачу, терпят. Нередко это приводит к печальным последствиям. Отсюда идет поговорка: «У русско-го мужика два состояния: они либо здоровый, либо мертвый»* (м., 20).

Любопытную особенность немецкого дискурса о здоровье приводит один информант, мнение которого весьма типично: *Am liebsten sprechen die Menschen über ihre eigenen Krankheiten auch wenn sie gerade von der Krankheit ihres Gegenübers gehört haben. Bei eigenen Krankheiten wird übertrieben, bei denen anderer reduziert. Sie geben Ratschläge, was man unbedingt machen muss* (м., 78) / *Больше всего люди любят говорить о своих болезнях, даже если они только что услышали о болезни собеседника. Говоря о своих болезнях, преувеличивают, говоря о болезнях других, преуменьшают. Дают советы, что обязательно нужно сделать. Я сама, в принципе, люблю хорошие советы, но иногда воспринимаю их как попытку собеседника как можно быстрее избавиться от моих проблем. Удивительно, что среди русских информантов ни один не рассказал о таком наблюдении.*

5.7. Ответ на вопрос о том, как поживает собеседник

Задавая вопрос: *как поживаешь / поживаете?* – интересуются о самочувствии адресата или – часто в австрийской культуре – употребляют как этикетную формулу (см. выше раздел 3). Только некоторые из молодых информантов говорят, что употребляют в ответ формулы типа: *отлично, всё хорошо*. По ответам информантов, это вызвано опасением сглазить. В Австрии чаще отвечают, что всё хорошо. Кроме того, за ответом следует почти обязательный контрвопрос о самочувствии собеседника, который, очевидно, скорее, входит в этикетную норму и потерял функцию вопроса. Русские респонденты в ответ только редко добавляют контрвопрос: *нормально, так себе, могло бы быть лучше / хуже. А как Вы?*

6. Заключение

В статье анализируются сходства и различия в обсуждении тематики здоровья и болезней в повседневном общении непрофессионалов в русской и австрийской лингвокультурах. Материалом служат этикетные формулы, записи диалогов, результаты маленького опроса. Метод исследования – сочетание анализа данных из словарей, примеров из корпусов устной разговорной речи и ответов на опросники. Часть примеров получена путем включенного наблюдения. В целях сопоставления опрос проводился параллельно и на немецком языке. Однако это делается только для более яркого освещения ситуации в русской лингвокультуре, но не как полноценное исследование немецкоязычного общения.

В повседневном общении употребляется несколько этикетных формул, содержащих корень *-здоров-*. *Bleib / bleiben Sie gesund* (дословно *остановитесь/тесь здоровым/ой/выми* в смысле русской формулы *не болей/те*) стали этикетными формулами прощания только после начала эпидемии коронавируса и употребляются даже в некоторых стандартных деловых письмах клиентам.

Дополнительный источник – опросник, в котором респонденты должны были вдуматься в описанные ситуации – их восемь – и ответить на вопросы или составить маленькие диалоги. Не удивляет, что в обеих культурах большую роль играет близость собеседников: близким говорят прямо и о тяжелых болезнях, хотя – чаще в австрийской лингвокультуре, – употребляя предварительные реплики типа: *у меня серьезный разговор / ты не волнуйся*, – а посторонним отвечают только в общих чертах. Такие темы, как смертельные сердечные и онкологические заболевания, которые раньше табуировались, сегодня потеряли характер табу, но детабуизация в австрийской лингвокультуре выражена сильнее, чем в русской.

Вообще, наблюдается склонность к вербальному уменьшению тяжести заболевания, и только весьма редко к преувеличению. Это, кстати, подтверждает личное впечатление из переписки с русскими друзьями в ситуации эпидемии коронавируса: они терпят, жалуются только минимально, надеются на лучшее и держатся оптимистично. Основное содержание реплик – реакций на информацию о болезни у респондентов из обеих культур: выражение эмпатии и предложение конкретной помощи.

Пол интерактантов не менее важен, чем их близость: женщины чаще и легче говорят о болезнях, иногда, но не всегда, больше жалуются, чем мужчины. Мужчины же часто умалчивают о болезни, приукрашивают действительность и предпочитают говорить, что всё хорошо, и создают имидж здорового сильного человека – настоящего мужчины. Но и у женщин смягчение тяжести болезни более распространено, чем ее преувеличение. Еще один пример из личного опыта: когда я во время болезненной физиотерапии не жаловалась на боли, австрийский врач-физиотерапевт, у которого лечатся и русские пациенты, знающий, что я – славист, сказал: «Das

ist Ihre russische Seele, die russischen Frauen machen auch keinen Muchs» (Это ваша русская душа, русские женщины тоже не издают ни звука).

Подводя итоги, можно сказать, что сходств в русской и австрийской лингвокультурах гораздо больше, чем различий. Маленькая выборка позволяет только осторожную констатацию некоторых тенденций, среди которых одна особенно бросается в глаза: несмотря на высокую степень общительности, характерную для русской культуры, общительность в разговоре о болезнях у австрийцев, кажется, даже выше. В дальнейшем предстоит уточнение этого наблюдения.

Приложение

АНКЕТА

Представьте себе, пожалуйста, нижеописанные ситуации и придумайте подходящие реплики или маленькие диалоги:

1. Вы несколько месяцев не видели Татьяну Петровну, Вашу коллегу по работе. Она при встрече спрашивает Вас: *Ну как Вы?* Как Вы отвечаете, если Вам предстоит операция?

2. Ваша подруга Тамара давно болеет панкреатитом. Вы вместе приходите в ресторан, и она затрудняется найти еду, которая ей подойдет. Это первый раз, что она так «капризничает». Как Вы ее спрашиваете об ухудшении болезни? И как она отвечает?

3. Ваш двоюродный брат недавно пережил инфаркт. Вы только что об этом услышали и сразу звоните ему. Что Вы говорите?

4. Ваш 5-летний сын сильно кашляет, Вы должны идти на работу, хотите привести его к бабушке, Вашей маме. Что Вы ей говорите?

5. Вы боитесь заболеть гриппом. Уже кашляете и чувствуете себя плохо. Как Вы об этом сообщаете Вашему мужу / другу / Вашей жене / подруге?

6. Вам предстоит медицинская проверка. У Вас есть подозрение, что что-то не так, есть боли в животе, которые Вас беспокоят. С кем Вы об этом говорите и что именно Вы говорите?

7. У Вас сильно болит голова, но Вы вечером после работы хотите пойти на концерт, билеты уже есть. Как Вы просите Вашу коллегу по работе дать Вам таблетку?

8. Врач Вашей подруги сообщил ей серьезный диагноз – рак желудка. Как она об этом сообщает своему мужу?

В конце анкеты сформулирована просьба привести замечания о том, как говорят о болезнях:

Ваши замечания о том, как говорят о болезнях: Кто, кому, о чем? Как формулируют? Преувеличивают ли или скорее смягчают ли степень болезни?

В самом конце заполнитель анкеты должен был указать, как он/а сам/а чаще всего отвечает на вопросы типа: *Как дела? Как Вы себя чувствуете? Ну как?* И указать, отвечает ли он/она иногда на вопрос *Как дела?* – *Отлично, всё хорошо?*

Список литературы

- Брагина Н.Г.* Клише эмпатии в повседневной речи // *Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения): тез. докл. междунар. конф. (Москва, 23–25 февр. 2020 г.)* / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2020. С. 14–15.
- Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия* / сост. И.В. Шалина. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2011. 357 с.
- Жура В.В.* Экология общения врача и пациента // *Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллектив. моногр.* / отв. ред. Н.Н. Панченко. Волгоград: Перемена, 2013. С. 172–178.
- Замерченко Н.И.* Коммуникативные табу в немецкой и русской лингвокультурах // *В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по материалам XLIX междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2015. С. 23–31.*
- Занадворова А.В., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Тема пищи в повседневном общении // *Еда по-русски в зеркале языка. М.: РГГУ, 2013. С. 366–551.*
- Иссерс О.С.* Идеология здорового питания в российских СМИ // *Еда по-русски в зеркале языка. М.: РГГУ, 2013. С. 169–174.*
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005. 492 с.
- Кронгауз М.А.* Screenlife в эпоху карантина // *Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 735–744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.*
- Куликова Л.В.* Коммуникативный стиль в межкультурном общении. М.: Флинта, 2009. 286 с.
- Куссе Х.* Культуроведческая лингвистика. Введение / пер. с нем. М. Новоселовой. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2016. 368 с.
- Нагорная А.В.* Дискурс невыразимого: вербалика внутрителесных ощущений: моногр. М.: Ленанд. 2014. 320 с.
- Норман Б.Ю.* Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2017. 463 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2006. 193 с.
- Русская разговорная речь: тексты* / отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М.: Наука, 1978. 307 с.
- Сергеева А.В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта, 2005. 314 с.
- Чихова М.Е.* Репрезентация концептов «болезнь» и «здоровье» в русской наивной языковой картине мира // *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. Вып. 11. С. 183–189.*
- Ammon U.* Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz: Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin; New York: de Gruyter, 1995. 575 p.
- Diekmann A.* Empirische Sozialforschung. Grundlagen, Methoden, Anwendung. 20. Aufl. Reinbek: Rowohlt. 2009. 784 s.
- Esser H.* Soziale Regelmäßigkeiten des Befragtenverhaltens. Meisenheim: Hain, 1975. 409 s.

- Gülich E. „Experten“ und „Laien“: Der Umgang mit Kompetenzunterschieden am Beispiel medizinischer Kommunikation // *Werkzeug Sprache. Sprachpolitik, Sprachfähigkeit, Sprache und Macht* / Hrsg. K. Weisrock. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1999. S. 165–196.
- Günthner S. ‚Kultur-in-kommunikativen-Praktiken‘. Kommunikative Praktiken zur Übermittlung schlechter Nachrichten in onkologischen Aufklärungsgesprächen // *Linguistische Kulturanalyse* / Hrsg.: J. Schröter, S. Tienken, Y. Ilg, J. Scharloth, N. Bubenhofer. Berlin; Boston: de Gruyter, 2019a. S. 269–292. DOI: 10.1515/9783110585896-012.
- Günthner S. Namentliche Anreden in onkologischen Aufklärungsgesprächen: eine interaktional ausgerichtete Studie zu Formen und Funktionen onymischer Anreden // *SpIn-Arbeitspapierreihe (Sprache und Interaktion)*. 2019b. No. 82. URL: <http://arbeitspapiere.sprache-interaktion.de/82-susanne-guenthner-03-2019.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
- Kecskes I. *Intercultural Pragmatics*. New York: Oxford University Press, 2014. 277 p.
- Kellermeier-Rehbein B. *Plurizentrik. Einführung in die nationalen Varietäten des Deutschen*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2014. 264 s.
- Menz F., Al-Roubaie A. Quantifizierende Verfahren in der qualitativen Forschung zur Arzt-Patient-Kommunikation: Unterbrechungen, Status und Geschlecht // *Empirieorientierte Ansätze in der Diskursanalyse* / Hrsg.: H. Gruber, M. Kaltenbacher, P. Muntigl. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2007. S. 169–197.

References

- Ammon, U. (1995), *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz: Das Problem der nationalen Varietäten* [The German language in Germany, Austria and Switzerland: The problem of national varieties], Berlin, New York, de Gruyter publ., 575 p. (in German).
- Bragina, N.G. (2020), *Klishe empatii v povsednevnoi rechi* [The cliché of empathy in everyday speech]. Krysin, L.P. (ed.) *Povsednevnyaya rech' kak obyekt leksikografii (Trinadtsatye Shmelevskie chteniya)* [Everyday speech as an object of lexicography (13rd Shmelev readings)], Moscow, Institute of Russian language of the RAS publ., pp. 14-15. (in Russian).
- Chikhova, M.E. (2011), *Reprezentatsiya kontseptov “bolezni” i “zdorov'e” v russkoi naivnoi yazykovoi kartine mira* [The representation regarding concepts of “disease” and “health” in the Russian naive linguistic understanding of the world]. Kormilitsyna, M.A. (ed.) *Problemy rechevoi kommunikatsii* [Problems of communication], Inter-university collection of scientific papers, Iss. 11, Saratov, Saratov University publ., pp. 183-189. (in Russian).
- Diekmann, A. (2009), *Empirische Sozialforschung. Grundlagen, Methoden, Anwendung* [Empirical social research. Basics, methods, practice], 20th ed., Reinbek, Rowohlt publ., 784 p. (in German).
- Esser, H. (1975), *Soziale Regelmäßigkeiten des Befragtenverhaltens* [Social regularities regarding behaviour of interviewed persons], Meisenheim, Hain publ., 409 p. (in German).
- Gülich, E. (1999), “Experten” und “Laien”: Der Umgang mit Kompetenzunterschieden am Beispiel medizinischer Kommunikation [“Experts” and “amateurs”. Dealing

- with differences in competence by using the example of communication in medicine]. Weisrock, K. (ed.) *Werkzeug Sprache. Sprachpolitik, Sprachfähigkeit, Sprache und Macht* [Tool language. Language policy, language ability, language and power], Hildesheim, Georg Olms publ., pp. 165-196. (in German).
- Günthner, S. (2019a), ‚Kultur-in-kommunikativen-Praktiken‘. Kommunikative Praktiken zur Übermittlung schlechter Nachrichten in onkologischen Aufklärungsgesprächen [“Culture in communicative practices”. Communicative practices for communicating bad news in consultation in oncology], Scröter, J., Tienken, S., Ilg, Y., Scharloth, J., Bubenhofer, N. (eds.) *Linguistische Kulturanalyse* [Linguistic Culture Analysis], Berlin, Boston, de Gruyter publ., pp. 269-292. DOI: 10.1515/9783110585896-012. (in German).
- Günthner, S. (2019b), Namentliche Anreden in onkologischen Aufklärungsgesprächen: eine interaktional ausgerichtete Studie zu Formen und Funktionen onymischer Anreden [Nominal forms of address in pre-operation discussions in oncology: an interactional study on forms and functions in onymic forms of address]. *SpIn-Arbeitspapierreihe (Sprache und Interaktion)*, Nr. 82 (03/2019), available: <http://arbeitspapiere.sprache-interaktion.de/82-susanne-guenthner-03-2019.pdf> (accessed: April 7, 2021). (in German).
- Issers, O.S. (2013), Ideologiya zdorovogo pitaniya v rossiiskih SMI [Ideologies of healthy nutrition in Russian mass media]. *Eda po-russki v zerkale yazyka* [Food on Russian in the mirror of language], Moscow, Russian State University for Humanities publ., pp. 169-174. (in Russian).
- Kecskes, I. (2014), *Intercultural Pragmatics*, New York, Oxford University Press, 277 p.
- Kellermeier-Rehbein, B. (2014), *Plurizentrik. Einführung in die nationalen Varietäten des Deutschen* [Pluricentrics. An introduction in the national varieties of the German language], Berlin, Erich Schmidt publ., 264 p. (in German).
- Kitaigorodskaya, M.V., Rozanova, N.N. (2005), *Rech' moskvichei: kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt* [The muscovites' speech: communicative and cultural-logical aspect], Moscow, Nauchnyi mir publ., 492 p. (in Russian).
- Krongauz, M.A. (2020), Screenlife in the age of coronavirus lockdown. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 735-744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744. (in Russian).
- Kulikova, L.V. (2009), *Kommunikativnyi stil' v mezhkul'turnom obshchenii* [Communicative style in intercultural communication], Moscow, Flinta publ., 286 p. (in Russian).
- Kusse, H. (2016), *Kul'turovedcheskaya lingvistika. Vvedenie* [Culturological linguistics. Introduction], translated from German, Kazan, Kazan University publ., 368 p. (in Russian).
- Menz F., Al-Roubaie A. (2007), Quantifizierende Verfahren in der qualitativen Forschung zur Arzt-Patient-Kommunikation: Unterbrechungen, Status und Geschlecht [Quantifying methods in qualitative research regarding communication between doctors and patients]. Gruber, H., Kaltenbacher, M., Muntigl, P. (eds.) *Empirieorientierte Ansätze in der Diskursanalyse* [Empirical Approaches to Discourse Analysis], Frankfurt am Main etc., Peter Lang publ., pp. 169-197. (in German).

- Nagornaya, A.V. (2014), *Diskurs nevyrazimogo. Verbalika vnutritelesnykh oshchushchenii* [The discourse of the inexpressible. Verbalisms regarding inner feelings], Monograph, Moscow, Lenand publ., 320 p. (in Russian).
- Norman, B.Yu. (2018), *The pragmatic potential of Russian lexis and grammar*, Yekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi publ., 463 p. (in Russian).
- Prokhorov, Yu.E., Sternin, I.A. (2006), *Russkie. Kommunikativnoe povedenie* [Russians. Communicative behaviour], 2nd ed., Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 193 p. (in Russian).
- Sergeeva, A.V. (2004), *Russkie. Stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [Russians. Behavioural stereotypes, traditions, mentality], Moscow, Flinta publ., 314 p. (in Russian).
- Shalina, I.V. (comp.) (2011), *Zhivaya rech' ural'skogo goroda: ustnye dialogi i epistol'yarnye obraztsy* [Live speech of the Ural city: dialogues and epistolary samples], Yekaterinburg, Ural University publ., 357 p. (in Russian).
- Zamerchenko, N.I. (2015), Kommunikativnye tabu v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh [Tabus of communication in German and Russian linguocultures]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: issues of philology, art studies and cultural turology], collected articles on the materials of the 49th international scientific and practical conference, Novosibirsk, SibAK publ., pp. 23-31. (in Russian).
- Zanadvorova, A.V., Kitaigorodskaya, M.V., Rozanova, N.N. (2013), Tema pishchi v povsednevnom obshchenii [The topic of food in everyday communication]. *Eda po-russki v zerkale yazyka* [Food on Russian in the mirror of language], Moscow, Russian State University for Humanities publ., pp. 366-551. (in Russian).
- Zemskaya, E.A., Kapanadze, L.A. (eds.) (1978), *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech], Texts, Moscow, Nauka publ., 307 p. (in Russian).
- Zhura, V.V. (2013), Ekologiya obshcheniya vracha i patsienta [The ecology of communication between doctor and patient]. Panchenko, N.N. (ed.) *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Emotive linguoecology in modern communicative space], Collective monograph, Volgograd, Peremena publ., pp. 172-178. (in Russian).

HOW DISEASES AND HEALTH ISSUES WERE SPOKEN OF IN AUSTRIA AND RUSSIA IN PRE-COVID-19 TIMES. COMPARATIVE PRAGMATICS

R. Rathmayr

Vienna University of Economics and Business (Vienna, Austria)

Abstract: The article deals with everyday communication on health and illness in the pre-Covid-19 era. Its comparison of discourse in Russian and Austrian linguocultures serves to highlight the special features of Russian linguistic culture in greater detail, but it is not to be seen as a comprehensive study of German-language communication. The aim and purpose of the analysis is to describe a specific discourse that is important in all cultures and periods of time and has undergone considerable changes during the Covid-19 pandemic. Etiquette formulas contain-

ing the root *health*, e.g. *be healthy / stay healthy*, and recorded dialogues on the topic of health/illness were analysed by means of methods of comparative pragmatics; additionally, a survey (from mid-2019 to February 2020), in which respondents had to imagine being in specific situations and answer particular questions or compose small dialogues was included in this analysis. Furthermore, the method of participatory observation was applied to both cultural environments. At first glance, the recordings of Russian dialogues do not show any significant differences from Austrian everyday communication. The answers in the questionnaires also reveal more similarities than differences. Unfortunately, the small sample could not be expanded due to the Covid-19 pandemic, but nevertheless, some peculiarities were detected. The most important prerequisite for frank communication about a serious illness is the interlocutors' social proximity, with Austrian respondents more often than Russian ones using preliminary cues, such as: *let's have a serious talk / You needn't worry*. The Austrian respondents are more communicative than the Russian ones when they talk about illnesses, which is an unexpected result, as a high degree of communicativeness is considered to be more characteristic of the mstyle of speech of Russian speakers.

Key words: discourse on health and illness, comparative pragmatics, everyday communication, etiquette formula, sociocultural attitude, speech taboo.

For citation:

Rathmayr, R. (2021), How diseases and health issues were spoken of in Austria and Russia in pre-Covid-19 times. Comparative pragmatics. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 560-578. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).560-578. (in Russian).

About the author:

Rathmayr, Renate, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Language Business Communication, Institute of Slavic Languages

Corresponding author:

Postal address: 1, Welthandelsplatz, Vienna, A-1020, Austria

E-mail: renate.rathmayr@wu.ac.at

Received: June 15, 2021

Revised: June 23, 2021

Accepted: July 20, 2021

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ГЛАВЫ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОГО РЕГИОНА: ДИСКУРСИВНЫЕ ТРЕКИ 2021

Т.Ю. Тамерьян¹, Е.Э. Кусаева²

^{1,2} *Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ, Россия)*

Аннотация: Недавнее назначение Сергея Ивановича Меняйло врио главы Республики Северная Осетия – Алания открыло новые перспективы развития региона в связи со сменой курса политики управления, усилением взаимодействия с массмедиа, ориентацией на информационную открытость власти в субъекте Российской Федерации. Дискурс руководителя республики как представителя политической элиты, эксплицирующий динамику позитивных изменений в регионе, гарантию социальной стабильности и правопорядка представляет особую значимость. Персонифицированный образ региональной власти, эксплицированный в коммуникативном поведении С.И. Меняйло, сигнализирует о трансформационных процессах, запущенных в регионе. Авторы исходят из того, что развитие северо-осетинской политической коммуникации осуществляется по общероссийским моделям и паттернам, вместе с тем институциональный дискурс реализуется по билингвальным, русско-осетинским, каналам с превалированием общегосударственного и международного средства общения – русского языка. Исследование, проведенное на материале скриптов заседаний правительства, интервью, встреч и публикаций в СМИ, осуществлялось на основе методов и приемов, разработанных в теории коммуникации, дискурсологии, персонологии и языковой семантике. Установлено, что речевое поведение врио главы в режиме soft power реализуется как набором традиционных стратегий, так и специфических персональных технологий. Выявлены характерные для политического лидера риторические приемы воздействия на аудиторию, такие как парцелляция, каскад риторических вопросов, редукция диалога до монолога, автодиалог и разностилевые четы идиолекта, избыточного неологизмами, аллюзиями и яркими метафорами.

Ключевые слова: речевой портрет, политический дискурс, осетинско-русское двуязычие, этническая идентичность, язык политической коммуникации, речевая стратегия.

Для цитирования:

Тамерьян Т.Ю., Кусаева Е.Э. Речевой портрет главы Северо-Осетинского региона: дискурсивные треки 2021 // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 579–594. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).579-594.

Сведения об авторах:

¹ **Тамерьян Татьяна Юльевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей

² **Кусаева Елена Эльбрусовна**, кандидат филологических наук, специалист 1-й категории отдела внешних связей

Контактная информация:

^{1,2} Почтовый адрес: 362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46

¹ E-mail: tamertu@mail.ru

² E-mail: lena_kusaeva@mail.ru

Финансирование:

Подготовлено при поддержке гранта РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 19-512-07002 (10-МК/19)

Дата поступления статьи: 17.06.2021

Дата рецензирования: 24.06.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

Введение

Осетинская политическая коммуникация оказалась в фокусе лингвистических изысканий менее десяти лет назад. Северо-Осетинский политический дискурс формируется, главным образом, по моделям российского политического дискурса, с опорой на русскую терминологическую базу, а также паттерны и стратегии реализации коммуникативных интенций политическими лидерами и социальными группами в Российской Федерации. Потоки официального политического руслу в Республике Северная Осетия – Алания ориентируются на русскоязычную коммуникацию: на полуофициальных встречах с населением, во время интервью и конференций, проводимых представителями СМИ, включение осетинского языкового кода может варьироваться от «вклинивания» коммуникативных элементов на осетинском языке до более объемных речевых фрагментов.

Образ власти на государственном и региональном уровнях – это один из ключевых образов, формирующихся в сознании граждан страны. Особую роль в формировании имиджа власти играют средства массовой информации, чье манипулятивное влияние на общественное мнение и возможности трансформировать представления о политической действительности всегда считается значимыми. Недавно назначенный врио главы Северной Осетии предпринимает попытки переформатировать сложившиеся нелицеприятные представления о массмедиа, привлечь все современные интернет-технологии для того, чтобы изменить модель восприятия властных структур и их деятельности и заложить новые модели

открытого взаимодействия с обществом. Таким образом, политический дискурс как форма «социальной деятельности опирается на общий постулат о том, что, с одной стороны, коммуникативные события формируются под влиянием социального контекста; с другой – коммуникация есть средство воспроизводства социальных отношений в новых условиях» [Ирисханова 2012: 173].

Институциональный дискурс власти в полном объеме его лингвокогнитивных составляющих традиционно рассматривается как олицетворение определенного политического режима или направления [Русакова, Спасский 2006; Тетова 2010; Чернявская 2006; Шейгал 2004; Beard 2001; Dijk 2008].

С позиции лично ориентированного дискурса выделяется дискурс политического лидера [Киуру 2005; Маслова 2007].

Постановка проблемы

В рамках дискурса политического лидера как когнитивно-дискурсивного феномена рассматривается языковая личность политика. Модель языковой личности, понимаемой как «вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс» [Караулов 1987: 4], предложенная Ю.Н. Карауловым, является системообразующим понятием для развития ряда лингвистических направлений, где языковая личность предстает как «суперкатегория», реализуемая в мыслительном, языковом, речевом и коммуникативном аспектах [Галстян 2007].

В.И. Карасик, разработавший основные понятия лингвоперсонологии, кроме лингвокультурного типажа, выделяет речевой паспорт говорящего как совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые делают личность уникальной, и идиостиль как аспект коммуникативной компетенции [Карасик 2002: 7].

Кроме того, идиостиль как речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана [Иссерс 2008].

Компетенция, по мнению В.Г. Костомарова, включает языковое чутье, представляющее собой «систему бессознательных оценок, отражающих системность языка в речи и общественные языковые идеалы» и языковой вкус, включающий систему установок человека в отношении языка и речи [Костомаров 1994: 22]. Формирование идиостиля протекает в непосредственной зависимости от психологического типа личности, уровня образования, статуса и интенций, реализуемых в конкретной ситуации общения, т. е. включает весь арсенал речевых стратегий [Иссерс 2008].

Речевой портрет политических лидеров на основе разноязыковых дискурсов рассмотрен в ряде исследований [Балыкина, Нетесина 2012; Мас-

лова, Гурина 2019; Калинин 2015; Речевая коммуникация в политике 2007: 73–80; Тамерьян, Цаголова 2017], в том числе экс-главы Республики Северная Осетия – Алания В.З. Битарова, руководителей аппарата и парламента республики [Тамерьян 2020; Джиеова, Рахматулаева, Тамерьян 2019].

Описание материала и методов исследования

Настоящая статья посвящена описанию специфики речевого портрета врио главы Республики Северная Осетия – Алания Сергея Ивановича Меняйло с позиции реализации коммуникативно-прагматических целей на материале полных скриптов и фрагментов текстов заседаний правительства, его интервью, официальных визитов, текущих проверок исполнения поручений, а также отдельных публикаций в СМИ, отражающих его двухмесячное нахождение во главе республики после приказа о назначении 9 апреля 2021 г.

Методология исследования опирается на комплексный арсенал приемов дискурсивного анализа, контент-анализ, приемы лингвоперсоналогического описания и теорию языковой личности, подходы к анализу текста и лексико-семантический анализ.

Представление результатов

Временно исполняющий обязанности главы Республики Северная Осетия – Алания Сергей Иванович Меняйло является ее уроженцем. Его мать – Татьяна Ивановна Годжиева – осетинка. Будучи профессиональным военным (вице-адмирал) и государственным деятелем, С.И. Меняйло поддерживал связи со своей малой родиной. Комментируя свое назначение на пост врио главы Северной Осетии, он подчеркнул, что не является чужаком, «засланным казачком»:

• Я приеду на новое место работы – где я родился и вырос. И там это моя родная республика, на месте, разберусь – и всё будет понятно. А назначения всегда бывают неожиданными (<https://russian.rt.com/russia/news/851244-menyailo-naznachenie-severnaya-osetiya> 20.04.2021).

Учитывая то обстоятельство, что основной массив официальной политической коммуникации в республике осуществляется на русском языке, во время представления С.И. Меняйло на заседании парламента как нового врио главы республики, отвечая на многочисленные вопросы интернет-пользователей, он подтвердил свою принадлежность к осетинскому этносу ответом на родном языке:

• Иронау æмбарын, иронау кæсын фысын æмæ дзырын без переводчика и без словаря (<https://region15.ru/novogo-vriov-glavy-severnoj-osetii-ofitsialno-predstavili-respublike/> 20.04.2021) – По-осетински понимаю, читаю, пишу и говорю.

На полуофициальных мероприятиях врио республики применяет характерный для осетин-билинггов прием чередования русского и осе-

тинского языковых кодов, вклинивая в речь на русском языке осетинские коммуникативные единицы. Так, посредством стратегии переключения кодов маркируется общая этническая идентичность, с одной стороны, и реализуется прием демонстрации близости с народом:

- *К 9 мая успеем? Чем помочь? Цы хъæу? Цавæр?* (<https://www.youtube.com/watch?v=366wucPfle8> 26.04.2021) – *Что нужно? Какой?* (про фонарный столб. – Т. Т., Е. К.) Разговор с рабочими во время инспекции состояния памятников героям Великой Отечественной войны к празднованию Дня Победы.

- *Я к вам сюда на праздник приеду. Я просто приехал сегодня посмотреть. Чи дзы кусы уый сы кусы æмæ хицауад кæми?* (<https://www.youtube.com/watch?v=366wucPfle8> 26.04.2021) – *Кто здесь есть, чем занимается, и где руководство?* – Разговор с сотрудником музея в селе Майрамадаге.

Инспектируя Республиканский физико-математический лицей-интернат, С.И. Меняйло общался с его учащимися. Будучи сам родом из Алагира, он уточнил вопрос по-осетински, обращаясь к учащемуся:

- *Откуда? Из Алагира? Кæм цæрыс?* (<https://www.youtube.com/watch?v=fVOP6iMzpeg> 26.04.2021) – *Где живешь?*

На заседании правительства С.И. Меняйло произносит название садового товарищества «Хурзарин» («Заря») в двух вариантах – на иронском диалекте и кударском говоре осетинского языка, демонстрируя равноценность субэтнических вариантов родного языка:

- *Ограждение садового товарищества Хурз[З]æрин, или Хурз[Ж]æрин, привести в порядок* (<https://www.youtube.com/watch?v=N1yDVqX4PdY> 03.06.2021).

Реакция на новую кадровую политику администрации президента В.В. Путина в регионе была неоднозначной. Заголовок «Осетия, равняйся, смирно!» в публикации Новостного агентства Южной Осетии «Эхо Кавказа» (<https://www.ekhoakavkaza.com/a/31200100.html> 01.06.2021) служит аллюзией на военное прошлое врио главы Северной Осетии С.И. Меняйло и одновременно содержит негативную оценку ожидающих республику перспектив.

Политический редактор интернет-издания «Основа» Руслан Тотров, чье мнение приводится в публикации, неодобрительно высказываясь о назначении нового врио главы республики, прибегает к игровой субституции первой части названия должности **генерал-губернатора**, который обладал как гражданской, так и военной властью в России до 1917 г.: *В Осетию прислали генерал-губернатора, или, как мне представляется, более верно говорить – адмирал-губернатора.*

Взгляд С.И. Меняйло на систему назначений руководителей регионов здесь передается предельно сконцентрированно: **Я за жесткую вертикаль власти.** *Я думаю, что выборы и демократия – это немного раз-*

ные вещи. *Выборы на сегодняшний день – это технология, и мы прекрасно понимаем и видим, на самом деле, как они иногда проходят. Поэтому я за жесткую вертикаль власти, за то, чтобы губернаторов, т. е. исполнительную власть, назначали.*

Смысловая структура высказывания усиливается за счет приема фразового повтора.

По мнению оппозиции, служение системе, федеральному центру, выхолащивает, нивелирует этническую идентичность: ***Этнический осетин в погонах*** – это уже ***не осетин*** в плане того, что это уже верный унифицированный боец системы. И здесь не должно вводить в заблуждение Меняйло он, Тотров или кто-то еще. Принадлежность к этим структурам (я сейчас даже без негатива) очень здорово и эффективно вымывает национальную идентичность с точки зрения следования национальным интересам. Да, он останется осетином, будет говорить на осетинском языке, соблюдать даже традиции, но для него ***первичной материей будет благосостояние российского государства*** и той системы, которая его вскармливает.

В приведенном выше фрагменте комплексная негативная модель строится на одном исходном основании, выполняющем различные функции: X+Add. – не есть [Att.-Ах:Х], где Х – осетин.; Add. (additive) – «аддитивный, дополнительный»; Att.-Ах. (attributive и axiological) – «атрибутивный, признаковый», «аксиологический, ценностный». Так, в когнитивной модели ***этнический осетин в погонах*** – ***не осетин*** этноним *осетин* в первой части конструкции номинирует этнос, но за счет негативного авторского осмысления аддитивного компонента в *погонах* выводится отрицание национальной принадлежности во второй части модели, где лексема *осетин* реализуется как архетипический гештальт, собирательный признаково-оценочный образ осетина. И, наконец, милитаристская метафора ***этнический осетин в погонах*** – это ***верный унифицированный боец системы*** фиксирует позицию противников государственной власти к назначенцу «со стороны».

Еще в интервью с В. Познером в 2016 г. была озвучена позиция будущего врио республики, что гражданская и военная сферы государственной деятельности идентичны:

- *Все военные нацелены на решение поставленных задач. В гражданской жизни постановка та же, что и в военной жизни;*
- *Каждый командир и руководитель на своем месте имеет право и обязан принимать решения и за эти решения отвечать <...>;*
- *Служба приучает работать в команде, управленческое решение в вооруженных силах – это коллегиальное решение, принятое одним человеком;*
- *Нет такого, что в какой-то момент прекращаются разговоры и ставится приказ. Приказом ставится задача в Вооруженных Силах.*

В гражданской жизни те же самые задачи, только постановка другая и поручения, но в итоге всё нацелено на выполнение той задачи, которая стоит (<https://www.youtube.com/watch?v=yfcmegnxJrw> 01.06.2021).

Повторы в речи Сергея Ивановича Меняйло несут прагматику акцентирования его гражданской и государственной позиции, усиливая эмфатическую выразительность высказываний. Цитируя слова президента В.В. Путина, глава доводит до кабинета министров Северной Осетии постулат, который должен лежать в основе их работы:

• *Я хочу процитировать слова нашего президента дословно: «Жить, соблюдая закон, гораздо комфортнее и выгоднее, чем пытаться его обойти». Поэтому возьмите за правило, что самый короткий путь – это путь по закону, и тогда мы с вами, или вы, или я не буду создавать условий, чтобы вас привлекали к ответственности, а вы не будете создавать условий, чтобы кто-то отвечал. Еще раз цитирую: «Жить, соблюдая закон, гораздо комфортнее и выгоднее, чем пытаться его обойти». Вот с этой позиции я буду требовать, чтобы все работали. Вот тогда будет результат* (<https://www.youtube.com/watch?v=Y4sr8zkYdPA> 11.05.2021);

• *<...> бандитским способом, утрированно говорю... больше работать не надо и нельзя. До добра не доведет* (<https://www.youtube.com/watch?v=XUzvASnjj14> 11.05.2021).

С.И. Меняйло как глава исполнительной власти намерен со всей ответственностью подойти к выполнению поставленной перед ним президентом задачи:

• *<...> каждого из вас буду перепроверять, потому что не хочу подводить того руководителя, который меня сюда назначил <...>* (<https://www.youtube.com/watch?v=XUzvASnjj14> 11.05.2021).

Прибегая к доминантному риторико-стилистическому приему повтора, С.И. Меняйло неоднократно воспроизводит девиз, под которым будет осуществляться руководство республикой в соответствии с задачами общегосударственного и регионального развития, который должен закрепиться в сознании общества:

• *Я спланирую работу, я каждого из вас заслушаю по обстановке, по направлению, которое вы курируете. Я нацелен на результат, а не на движение* (<https://www.youtube.com/watch?v=MxFAsZj3U90> 10.05.2021);

• *Попрошу всех подойти к этому вопросу со всей серьезностью. Надо работать на результат, а не на движение* (<http://gradus.pro/sergejmenyajlo-nado-rabotat-na-rezultat/> 10.05.2021);

• *<...> результат должен быть, а результата нет;*

• *<...> поступательное движение вперед должно быть;*

• *<...> друзья, привыкайте правильно изъясняться и второе – правильно действовать* (<https://www.youtube.com/watch?v=N1yDVqX4PdY> 03.06.2021).

Посредством реализации стратегий открытости врио главы региона декларирует, что отныне основными приемами работы правительства станут правила «честной игры»:

- *Вводить в заблуждение меня не надо. Давайте говорить правду друг другу в глаза* (<https://www.youtube.com/watch?v=wuhmmFJUTjI> 28.04.2021);

- *Говорить надо правду! На штабе по ЧС отдельно мне по этой теме (ковид. – Т. Т., Е. К.) доложите! Ковид никуда не денется!* (<https://www.youtube.com/watch?v=MxFAsZj3U90> 28.04.2021);

- *<...> Где я могу увидеть этот инвестпроект? Из-за чего корректируют? Из-за моего приезда на полигон? Только по-честному давайте* (<https://www.youtube.com/watch?v=Y4sr8zkYdPA> 11.05.2021).

Одним из основных направлений государственной политики является политика информационной открытости органов власти Российской Федерации и ее взаимодействие со средствами массовой информации. Эффективные организационно-структурные механизмы такого взаимодействия в Северной Осетии еще не выработаны. В связи с этим одним из первых шагов С.И. Меняйло стал открытый сетевой доступ к сведениям о деятельности органов власти, полнометражная выкладка заседаний правительства:

- *Давайте открываться потихоньку, а не прятаться от людей, да? И давайте, чтобы они информацию получали из первых уст, от соответствующих должностных лиц. Не только от меня;*

- *Чем больше мы оградим людей от общения с чиновниками напрямую, тем больше снизим риски коррупционной направленности;*

- *Мы дойдем до того, что на заседание правительства будем приглашать все средства массовой информации. Это нормальное явление и транслировать не только там, в интернете, но и в прямом эфире. Почему этого не делаем? Не знаю пока. И каждое должностное лицо, сидящее здесь и сидящее на экране, несет персональную ответственность за исполнение своих полномочий* (<https://www.youtube.com/watch?v=N1yDVqX4PdY> 03.06.2021).

Парцелляция высказывания на смысловые фрагменты, реализуемая посредством цепочки вопросительных предложений, применяется врио главы республики для акцентуации каждого вычлененного фрагмента:

- *А как же тогда реализуется инвестпроект по ТКО, если его на самом деле нет? Если нет соглашения подписанного? Если нет просчета экономически обоснованного тарифа? Как вы вообще допустили? Расскажите мне* (<https://www.youtube.com/watch?v=XUzvASnjj14> 11.05.2021).

Анадипозис, или повтор-подхват *Так? Так!*, в следующем отрывке содержит очевидный ответ на риторический вопрос, выстраивая архитектуру диалога, редуцированного до монолога:

• *Земельный участок на сколько предоставлен? На три года. Так? Так! Дальше, что дальше? Инвестор вложил деньги. Дальше у него первоочередное право выкупа. Так? Так! И он захочет пойти на выкуп. Так? Так!* (<https://www.youtube.com/watch?v=XUzvASnjj14> 11.05.2021).

Функция завершения контактного обсуждения одного из вопросов на заседании правительства осуществляется посредством имитации получения обратной связи аналогичным приемом – путем сворачивания диалогической реплики до монологической, своего рода автодиалога.

• *Договорились? Договорились.* (<https://www.youtube.com/watch?v=XUzvASnjj14> 11.05.2021).

Обрамление, сосредотачивая внимание адресатов на значении выделенного слова, усиливает его суггестивное воздействие:

• *Конкретика, уважаемые друзья, конкретика* (<https://www.youtube.com/watch?v=N1yDVqX4PdY> 03.06.2021).

Глобализация и открытость информационно-коммуникативного пространства обусловила большую диффузность, расширение стилевых границ и жанровый синкретизм [Тамерьян, Рахматулаева 2020]. Демократизация и либерализация языковых явлений [Костомаров 1971], введение разговорно-просторечной лексики в систему языковых норм, усиление процесса неологизации вызваны влиянием медиаязыка массовой коммуникации и общим ускорением динамических изменений.

Переход от официальной тональности институционального дискурса к разговорному режиму близкого контактной межличностной коммуникации является сигналом высшей степени неодобрения и критики со стороны главы республики:

• *<...> я тут один документ ношу, в Ольгинском земля в 4000 га, республика получает 429 тыс в год... Вы что с ума сошли, друзья мои?*

• *<...> у него проблема по Алагиру, по дорожной сети, а он молчит как рыба об лед, и ничего не говорит, а у него там уголовное дело идет* (<https://www.youtube.com/watch?v=XUzvASnjj14> 11.05.2021).

В приведенном выше фрагменте прецедентное высказывание используется как экспрессивный ресурс, служащий для выражения неодобрительного эмоционально-оценочного компонента значения. Фразеологизм, которому приписывается «одесское» происхождение, – «молчать как рыба об лед», т. е. «молчать, ни в чем не признаваться, ничего не говорить» – образовался в результате контаминации идиом «биться, как рыба об лед» и «молчать, как рыба». Данное высказывание приобрело прецедентный статус после выхода на экран фильма «Свадьба в Малиновке».

Наиболее частотным прецедентным высказыванием в дискурсе С.И. Меняйло является фраза В.В. Путина «сидеть ровно на одном месте» в значении «бездействовать»:

• *Если вы будете сидеть ровно на одном месте и ждать, пока вам перевозчики что-то дадут... вы ничего не организуете* (<https://www.youtube.com/watch?v=XUzvASnjj14> 11.05.2021).

Эвфемистическое выражение «пол, палец, потолок», имеющее хождение в устной речи журналистов, представляет собой ответ адресанту, сообщившему недостоверные новости или неподтвержденные факты, и сигнализирует о том, что адресант осведомлен о ложности полученной информации. В так называемом «принципе трех П» контаминировались синонимичные словосочетания «высосать из пальца», «взять с потолка» и «подобрать с пола» со значением «сочинить, придумать, выдумать». Таким способом врио главы республики имплицитно маркирует свою осведомленность о недостоверности предоставленной статистики:

- <...> *объем инвестиций, сказали, полтора миллиарда – пол, палец, потолок, – когда и в какой срок и за счет чего он их отобьет?* (<https://www.youtube.com/watch?v=XUzvASnjj14> 11.05.2021).

Разговорная инновация *заинтересант* в значении «заинтересованное лицо», которая имеет хождение с начала XXI в., в риторике С.И. Меняйло маркирует свободное владение современным официально-деловым стилем:

- <...> *разбазаривание сетей произошло очень быстро, а вот собирать их в кучу быстро мы не хотим. У меня такое чувство возникает, что в этом есть заинтересант* (<https://www.youtube.com/watch?v=N1yDVqX4PdY> 03.06.2021).

Одним из потенциалов развития политического дискурса является генерирование языковых инноваций и их узуализации из смежных областей. Такие новообразования с метафорическим компонентом «надутый», как «надутая экономика», «надутые охваты», «надутые показатели», «надутый аккаунт», содержат семантический заряд высокой эмоциональности и негативной оценочности. Например:

- <...> *послушайте, у вас показатели «надутые», «надутые» вами же* (<https://www.youtube.com/watch?v=N1yDVqX4PdY> 03.06.2021).

Проявлением широкого спектра компетенций в различных областях врио главы С.И. Меняйло отражено в переносе узкоспециальной терминологии в сферу политического дискурса:

- <...> *заседание правительства надо готовить <...> и в короткую, то, что необходимо... и в длинную – это то, что работает на долгосрочную перспективу* (<https://youtu.be/R4P4JK5Jz4U> 26.04.2021).

Выражения *в длинную* и *в короткую* характерны для лексикона финансистов и трейдеров: длинная позиция (англ. long position) предполагает инвестирование на долгосрочный период, а короткая позиция (англ. short position) связана с расчетом на получение быстрой прибыли от падения котировок на рынке. Короткая позиция открывается только на небольшой срок.

В следующем фрагменте обыгрывается выражение из современного компьютерного жаргона, применяемое для номинации сбоя, неправильной работы программы, – «работать криво». В русской ментальности

признаковая оппозиция «прямой – кривой» относится к разряду архетипических ценностных противопоставлений – «хорошо, правильно, верно, истинно / плохо, неправильно, неверно, ложно» (например: *говорить прямо, делать криво*).

- <...> *потому что ну, по кривому пошло, так давайте выпрямим и сделаем всё как надо <...>* (<https://www.youtube.com/watch?v=N1yDVqX4PdY> 03.06.2021).

С.И. Меняйло использует номинацию «унисонная программа», обладающую потенциями закрепиться как профессионализм в административно-управленческой сфере. Внутренняя образная форма лексемы *унисонный* со значением «характеристики согласованности одновременных действий» зафиксирована в музыкальной и технической понятийных областях:

- <...> *пока я не увижу унисонную программу и пока я не увижу соглашение, в том числе и на долгосрочный тариф, я земельный участок выделять не буду* (<https://www.youtube.com/watch?v=XUzvASnjj14> 11.05.2021).

Сложносоставной окказионализм *доклад-лекция*, соотносимый с элементами педагогического терминологического континуума, формируя квазиантонимическую оппозицию с общенаучным понятием «анализ» на основе противопоставления «изложение общих вопросов» – «детальное рассмотрение отдельных сторон проблемы», демонстрирует негативную аксиологию высказывания С.И. Меняйло:

- <...> *только после праздников не просто доклад-лекция, как мне кое-кто из должностных лиц написал, а анализы с первичными документами... Услышали?* (<https://www.youtube.com/watch?v=Y4sr8zkYdPA> 11.05.2021).

Последнее предложение реализует прием проверки канала обратной связи.

Заключение

Стратегическая направленность дискурса политического лидера, репрезентированного в его речевом портрете, в первую очередь, согласуется с социальным статусом, занимаемым им в институте власти.

Дискурс руководителя республики как представителя политической элиты, протекая в режиме *soft power*, в полной мере отражает все характеристики идиолекта, присущие субъекту политической власти: доминирование, выстраивание отношений подчинения, принятие на себя личной ответственности, контроль, критика, обвинение, предупреждение и обоснованное аргументирование, приоритет в принятии решений.

Приоритет интересов народа, а не представителей власти, опора на закон, соблюдение принципа иерархии власти, осознание своей бинарной позиции во властной вертикали – как главы региона, с одной стороны, и подчиненного федеральному центру, с другой, – составляют конститутивные признаки персонального дискурса С.И. Меняйло.

Врио главы республики, находясь в актуальных потоках социополитического пространства, фиксирующем события «здесь и сейчас», коммуницирует в расширенных границах институционального дискурса, взаимодействующего, главным образом, с медийным.

Вразрез установившейся оценке идиолекта высокостатусного политического лидера как эталонной языковой личности, придерживающейся нейтрального стиля общения, речевой портрет С.И. Меняйло изобилует разностилевыми элементами, в том числе разговорной тональности, инновациями, нетривиальными образами и метафорами. Врио главы демонстрирует многоуровневые языковые компетенции, креативно апеллируя к прецедентным высказываниям и высшему авторитету.

Повторы в политической риторике С.И. Меняйло являются одним из наиболее значимых суггестивных приемов убеждения и воздействия: персуазивно-суггестивная тактика, базирующаяся на данном приеме, внедряет в сознание общества идеологемы и аксиологемы, составляющие систему мировоззренческих и ценностных принципов управления.

Парцелляция, каскад риторических вопросов, редукция диалога до монолога, автодиалог как нуклеарный дискурсообразующий арсенал акцентируют специфику речевого портрета руководителя.

В дискурсе политических элит этническая компонента значима в культурологическом и историческом планах, что вписывается в общую государственную структуру ветвей власти. Именно такая иерархическая последовательность в системе ценностей и была отвергнута оппонентами нового главы. Вместе с тем прагматика переключения осетинского и русского языков в дискурсе С.И. Меняйло согласуется с механизмами функционального кодового ранжирования в билингвальном сознании жителей республики.

Список литературы

- Балыкина Т.М., Нетесина М.С.* Коммуникативный портрет современного политика // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. 2012. № 1 (2). С. 287–293.
- Галстян С.С.* Языковая личность – основа телевизионной коммуникации // Вестник электронных и печатных СМИ. 2007. Вып. № 3. С. 22–37.
- Джиоева В.П., Рахматулаева Т.Г., Тамерьян Т.Ю.* Политический дискурс постсоветского пространства: билингвальный аспект // Язык. Текст. Дискурс. 2019. № 17. С. 124–131.
- Ирисханова О.К.* Стереотипы, эталоны и другие социокультурные модели в дискурсе: сходство и различия // Вестник МГЛУ. 2012. № 638. С. 173–184.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 284 с.
- Калинин О.И.* Политический имидж как объект лингвистических исследований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52). Ч. 1. С. 79–83.

- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: моногр. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
- Киуру К.В.* Дискурс-типология политических лидеров // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7 (47). С. 129–135.
- Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 247 с.
- Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. М.: МГУ, 1971. 265 с.
- Маслова Т.Ф.* Анализ дискурса политического лидера: методика проведения и оценки // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. 2007. № 2. С. 41–43.
- Маслова В.А., Гурина Т.С.* Речевой портрет политика на материале твитов Д. Трампа // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 1. С. 58–63. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-58-63.
- Речевая коммуникация в политике: учеб. пособие / под общ. ред. Л.В. Минаевой. М.: Флинта: Наука, 2007. 244 с.
- Русакова О.Ф., Спасский А.Е.* Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С. 151–164.
- Тамерьян Т.Ю.* Осетинский язык в языковом ландшафте Северной и Южной Осетий: ценностный ракурс и метафорическая репрезентация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2020. Т. 6. № 4. С. 182–196.
- Тамерьян Т.Ю., Рахматулаева Т.Г.* Синкретичность жанра новогоднего поздравления: билингвальное ранжирование и стратегические интенции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 4. С. 32–43. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-4-32-43.
- Тамерьян Т.Ю., Цаголова В.А.* Структурные формулы когнитивной метафоры: образ Ангелы Меркель по материалам немецких СМИ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3 (27). С. 79–89.
- Тетова Л.В.* Коммуникативные стратегии в политическом дискурсе // Университетские чтения. 2010. Ч. 3. URL: http://pglu.ru/upload/iblock/ee3/uch_2010_iii_00019.pdf (дата обращения: 08.05.2021).
- Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 136 с.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: моногр. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
- Beard A.* The language of politics. London: Routledge, 2001. 123 p.
- Dijk T.A.* Discourse and Power. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 308 p.

References

- Balykina, T.M., Netesina, M.S. (2012), Kommunikativnyi portret sovremennogo politika [Communicative portrait of modern politics]. *Siberian science bulletin. Series 9. Philology. Pedagogics*, No. 1 (2), pp. 287-293. (in Russian).
- Beard, A. (2001), *The language of politics*, London, Routledge publ., 123 p.
- Chernyavskaya, V.E. (2006), *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviya* [The discourse of power and the power of discourse. Speech impact problems], Moscow, Flinta publ., 136 p. (in Russian).

- Dijk, T.A. (2008), *Discourse and Power*, New York, Palgrave Macmillan publ., 308 p.
- Dzhioeva, V., Rakhmatulaeva, T., Tameryan, T. (2019), Political discourse of the post-Soviet space: a bilingual aspect. *Language. Text. Discourse*, No. 17, pp. 124-131. (in Russian).
- Galstyan, S.S. (2007), Yazykovaya lichnost' – osnova televizionnoi kommunikatsii [Language personality as the basis of television communication]. *Bulletin of electronic and print media*, No. 3, pp. 22-37. (in Russian).
- Iriskhanova, O.K. (2012), Similar or different? On stereotypes, "paragons" and other socio-cultural models in discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, No. 638, pp. 173-184. (in Russian).
- Issers, O.S. (2008), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech], Moscow, LKI publ., 284 p. (in Russian).
- Kalinin, O.I. (2015), Political image as an object of linguistic studies. *Philology. Theory & practice*, No. 10 (52), pt. 1, pp. 79-83. (in Russian).
- Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Volgograd, Peremena publ., 477 p. (in Russian).
- Karaulov, Yu.N. (1987), *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality], Moscow, Nauka publ., 263 p. (in Russian).
- Kiuru, K.V. (2005), Discourse typology of political leaders. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"*, No. 47, pp. 129-135. (in Russian).
- Kostomarov, V.G. (1994), *Yazykovoï vkus epokhi. Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoi mass-media* [The linguistic taste of the era. On observations of the speech practice of the mass media], Moscow, Pedagogika-Press publ., 247 p. (in Russian).
- Kostomarov, V.G. (1971), *Russkii yazyk na gazetnoi polose* [Russian language on the newspaper page], Moscow, Moscow State University publ., 1971. 265 p. (in Russian).
- Maslova, T.F. (2007), Analiz diskursa politicheskogo lidera: metodika provedeniya i otsenki [Analysis of the discourse of a political leader: a methodology for conducting and evaluating]. *Scientific Bulletin of the Volgograd branch of RANEPa*, No. 2, pp. 41-43. (in Russian).
- Maslova, V.A., Gurina, T.S. (2019), A politician's speech portrait: a case study of D. Trump's tweet material. *Humanitarian vector*, No. 1, pp. 58-63. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-58-63. (in Russian).
- Minaeva, L.V. (ed.) (2007), *Rehevaya kommunikatsiya v politike* [Verbal communication in politics], Moscow, Nauka publ., 244 p. (in Russian).
- Rusakova, O.F., Spasskii, A.E. (2006), Diskurs kak vlastnyi resurs [Discourse as a power resource]. *Sovremennye teorii diskursa: mul'tidistsiplinarnyi analiz* [Modern theories of discourse: multidisciplinary analysis], Yekaterinburg, Diskurs-Pi publ., pp. 151-164. (in Russian).
- Sheigal, E.I. (2004), *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse], Monograph, Moscow, Gnozis publ., 326 p. (in Russian).
- Tameryan, T.Yu. (2020), Ossetic in the language landscape of the North and South Ossetias: a value perspective and metaphorical representation. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, Vol. 6, no. 4, pp.182-196. (in Russian).

- Tameryan, T.Yu., Rakhmatulaeva, T.G. (2020), Syncretism of the New Year's Greetings Genre: Bilingual Ranking and Strategic Intentions. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, No. 4, pp. 32-43. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-4-32-43. (in Russian).
- Tameryan, T.Yu., Tsagolova, V.A. (2017), Structural formulas of the cognitive metaphor: the image of the Angels Merkel based on the materials of the German media materials. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, No. 3 (27), pp. 79-89. (in Russian).
- Tetova, L.V. (2010), Kommunikativnye strategii v politicheskom diskurse [Communication strategies in political discourse]. *Universitetskie chteniya*, pt. 03, available at: http://pglu.ru/upload/iblock/ee3/uch_2010_iii_00019.pdf (accessed: May 8, 2021). (in Russian).

SPEECH PORTRAIT OF THE NORTH OSSETIAN REGION HEAD: DISCOURSE TRACKS 2021

T.Yu. Tameryan¹, E.E. Kusaeva²

^{1,2} *Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia)*

Abstract: The recent appointment of Sergei Ivanovich Menyailo as acting head of the Republic of North Ossetia-Alania opened up new prospects for the development of the region, due to the change in the course of management policy, increased interaction with the mass media, and focus on information transparency of the authorities in the territorial entity of the Russian Federation. The discourse of the acting head of the republic as a representative of the political elite, explicating the dynamics of positive changes in the region, the guarantee of social stability and the rule of law is of particular importance. The personified image of regional power, expressed in the communicative behavior of S.I. Menyailo, signals the transformation processes that have started in the region. The authors proceed from the fact that the development of North Ossetia political communication is carried out according to all-Russian models and patterns, while the institutional discourse is realized through bilingual – Russian and Ossetian – channels with the prevalence of the national and international means of communication, that is the Russian language. The undertaken study is based on the material of government meetings scripts, interviews and media articles. The methods and techniques developed in theory of communication, theory of discourse, personology and linguistic semantics were applied. It has been stated that the speech behaviour of the leader in the soft power mode is implemented as a set of traditional strategies and specific personal technologies. The authors reveal rhetorical methods of affecting the audience characteristic of the political leader, such as parceling, a cascade of rhetorical questions, reduction of the dialogue to a monologue, autodiologue and idiolects of different styles, replete with neologisms, allusions and vivid metaphors.

Key words: speech portrait, political discourse, Ossetian-Russian bilingualism, ethnic identity, language of political communication, speech strategy.

For citation:

Tameryan, T.Yu., Kusaeva, E.E. (2021), Speech portrait of the North Ossetian region head: discourse tracks 2021. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 579-594. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).579-594. (in Russian).

About the authors:

¹ **Tameryan, Tatyana Yulievna**, Prof., Professor of the Department of Foreign Languages for Non-Language Specialties

² **Kusaeva, Elena Elbrusovna**, PhD, 1st category specialist of External Affairs Department

Corresponding authors:

^{1,2} Postal address: 44-46, Vatutina ul., Vladikavkaz, 362025, Russia

¹ E-mail: tamertu@mail.ru

² E-mail: lena_kusaeva@mail.ru

Acknowledgements:

The reported study was funded by RFBR and MES RSO according to the research project No. 19-512-07002 (10-MK/19)

Received: June 17, 2021

Revised: June 24, 2021

Accepted: July 20, 2021

Раздел III

КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА

Part III

COMMUNICATIVE DIDACTICS

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ДИАЛОГОВЫМ СТРАТЕГИЯМ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

О.А. Зайцева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Анализируется дидактический потенциал диалогических телевизионных программ в практике преподавания русского языка как иностранного. Диалогические передачи рассматриваются в аспекте обучения иностранных студентов коммуникативным стратегиям русской речи. Исследование проведено на материале выпусков передачи «Наедине со всеми», представляющей собой телевизионное интервью-портрет, героями которого являются известные в России персоны. Овладение коммуникативными, в том числе диалоговыми, стратегиями позволяет сформировать дискурсивную компетенцию обучающихся, которая предполагает умение выбирать лингвистические средства в зависимости от типа высказывания, ситуации общения и коммуникативных задач, а следовательно, строить эффективную коммуникацию на изучаемом языке. Обучение иностранцев диалоговым стратегиям эффективнее всего проводить на примерах употребления данных стратегий и тактик носителями языка. Источником подобных примеров могут служить диалогические телевизионные программы, обладающие рядом преимуществ: они не только демонстрируют русскую речь в реальном употреблении, но и являются своеобразным ретранслятором национальной культуры, позволяя обучающимся получать представление о коммуникативных нормах, речевом этикете, стилях общения в России и выступая, таким образом, в качестве предмета, средства, инструмента обучения и образовательной среды.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, диалоговые стратегии, диалогические телевизионные программы.

Для цитирования:

Зайцева О.А. Диалогические телевизионные программы как средство обучения диалоговым стратегиям на продвинутом этапе обучения русскому языку как иностранному // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 597–606. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).597-606.

Сведения об авторе:

Зайцева Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: o.a.zaytseva@rambler.ru

Дата поступления статьи: 05.07.2021

Дата рецензирования: 12.07.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

1. Введение

Овладение диалогической речью является одним из наиболее сложных аспектов изучения иностранного языка, поскольку диалог представляет собой оперативную смену процессов порождения и восприятия речи, предполагает использование одновременно нескольких каналов передачи информации (вербального, паравербального, пантомимического и др.) и требует доведенных до автоматизма навыков общения.

Освоение диалогической речи начинается уже на элементарном уровне и продолжается на протяжении всего процесса обучения с постепенным углублением в различные аспекты диалогического взаимодействия. Так, на первых занятиях по иностранному языку обучающиеся знакомятся с простейшими вопросно-ответными комплексами, затем осваивают ролевой аспект коммуникации, а на продвинутом этапе обучения возникает необходимость в овладении коммуникативными стратегиями и тактиками диалога. Освоение стратегического аспекта коммуникации позволяет обучающимся легко вступать в коммуникацию и завершать ее, выбирать наиболее эффективные средства воздействия на собеседника, выражать эмоции и давать оценки, а также находить оптимальный выход из трудной коммуникативной ситуации.

Успешному обучению коммуникативным стратегиям и тактикам могут способствовать современные телевизионные программы диалогического характера. Эффективность подобных программ как дидактического средства обусловлена рядом факторов. Во-первых, аудиотекст здесь сопровождается видеорядом, который помогает понять смысл сложных высказываний при восприятии их на слух. Во-вторых, просмотр аутентичных видеофрагментов позволяет преподавателю разнообразить традиционный урок с учебником или аудиофайлом, выступает как сильный мотиватор для студентов в их желании научиться понимать речь носителя языка. В-третьих, аутентичные видеофрагменты не только являются источником ценных сведений о культуре поведения носителей языка в повседневной жизни, которая может в некоторых аспектах значительно отличаться от родной культуры поведения, но и дает лингвострановедческую и культурологическую информацию о стране изучаемого языка, знакомит учащегося с новой для него картиной мира.

В научно-методической литературе довольно много внимания уделяется обучению диалогической речи на иностранном языке (данному процессу посвящены работы: [Изаренков 1986; Пассов 1991; Скалкин 1981; Воробьева 2018]). Однако аспект стратегического планирования диалогического взаимодействия до сих пор не нашел глубокого и всестороннего освещения в методике преподавания иностранных языков, и русского языка как иностранного (РКИ) в частности.

Целью данной статьи является изучение дидактических возможностей диалогических телевизионных программ в процессе обучения русскому языку как иностранному. Материалом для анализа послужили выпуски передачи российского телевидения «Наедине со всеми». В качестве основного подхода был выбран описательный метод, включающий приемы наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации; в работе также использовался метод проектирования.

2. Обсуждение

Коммуникативная стратегия является одной из центральных категорий прагматики, однако в современной научной парадигме не существует единого подхода к определению данного понятия. В самом общем виде коммуникативную стратегию можно описать как определенный сценарий поведения одного из участников коммуникации в ситуации речевого общения, который соотносят с планом, нацеленным на достижение как глобальной, так и локальной коммуникативной цели [Тарасова 1992; Борисова 1996; Иссерс 1999].

В аспекте преподавания РКИ коммуникативные стратегии становятся актуальными в связи с распространением компетентностного подхода к обучению, целью которого является не столько получение знаний, сколько формирование способности и готовности самостоятельно принимать решения и действовать в ситуациях различной сложности на основе полученных знаний [Norris 1991; Hoffman 1999; Хуторской 2003; Лебедев 2004; Зимняя 2012]. В настоящее время практические задачи обучения иностранным языкам определяются через понятия иноязычной коммуникативной компетенции обучающегося. Впервые термин *коммуникативная компетенция* был введен американским антропологом и этнолингвистом Д. Хаймсом в 1972 г., утверждавшим, что для свободного владения языком недостаточно знать лексику и грамматику данного языка, необходимо еще представлять социальный и культурный контекст коммуникации, который и будет определять ход и результат общения [Hymes 1972].

Коммуникативная компетенция имеет сложную структуру, которая по-разному представлена в исследованиях последней трети XX в. Голландский исследователь Ян ван Эк считал, что коммуникативную компетенцию образуют следующие субкомпетенции: лингвистическая, социолингвистическая, дискурсивная, стратегическая, социокультурная и социальная [Van Ek 1986]. В концепции М. Кэналя и М. Суэйна выделяется че-

тыре компонента коммуникативной компетенции, которая, по мнению авторов, относится как к знаниям, так и к навыкам в реальном общении: грамматическая (или лингвистическая), дискурсивная, социолингвистическая и стратегическая субкомпетенции [Canale, Swain 1980]. Данная концепция послужила основой для дальнейшего рассмотрения состава иноязычной коммуникативной компетенции.

В российской методике преподавания иностранных языков и РКИ термин *коммуникативная компетенция* первым начал использовать М.Н. Вятютнев. Автор разграничивал языковую и коммуникативную компетенции, понимая под первой знание небольшого количества правил, которые лежат в основе построения глубинных структур языка, преобразуемых в процессе общения в разнообразные высказывания, а под второй – «выбор и реализацию программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у учеников до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации» [Вятютнев 1977: 38].

В практике преподавания РКИ приняты следующие базовые составляющие коммуникативной компетенции: лингвистическая, дискурсивная, прагматическая, социокультурная и предметная. Стратегический аспект коммуникации определяется, с одной стороны, дискурсивной субкомпетенцией, предполагающей умение строить и понимать высказывания, тексты устной и письменной речи с использованием соответствующих стратегий и тактик речевого поведения, а с другой – прагматической субкомпетенцией, заключающейся в умении вступать в вербальную коммуникацию в соответствии с коммуникативными потребностями, намерениями в ситуациях общения с учетом условий речевого акта.

Обучение иностранцев коммуникативным стратегиям эффективнее всего проводить на примерах употребления данных стратегий и тактик носителями языка. Хорошим аутентичным материалом и одновременно примером стратегически организованной коммуникации могут служить диалогические телевизионные программы. Выделяют следующие виды диалогических программ: интервью, беседа, дискуссия, ток-шоу, пресс-конференция [Шостак 1998]. Каждый вид диалогических программ характеризуется своими особенностями, которые влияют на преобладание в телепередачах определенных стратегий и тактик контроля в диалоге.

На наш взгляд, начинать работу с аутентичными диалогическими программами целесообразнее с жанра интервью. Интервью учит правильно строить и задавать вопросы, логично формулировать ответы на них. Для интервью характерна постоянная смена ролей участников, актуальность и продуманность вопросов интервьюера, доступность содержания. Всё перечисленное имеет огромное значение для развития устной речи в целом и коммуникативной компетенции в частности.

В методической литературе существуют определенные критерии отбора аутентичных материалов для занятий по РКИ: приемлемый объем, значимое авторство, яркие лингвистические характеристики [Цыкунов 2015]; наличие большого количества страноведческой информации, соответствие содержания возрастным особенностям, речевому опыту и интересу обучающихся, естественность ситуации, персонажей, обстоятельств, представленных в аутентичном материале, отсутствие излишней специфичности [Носонович, Мильруд 1999].

Телевизионная передача «Наедине со всеми», выпуски которой послужили материалом для данной статьи, соответствует как критериям отбора аутентичных материалов, так и целям обучения диалогическим стратегиям. Жанр данной программы – интервью-портрет, в ходе которого интервьюер представляет интервьюируемого через призму наиболее важных и интересных событий его жизни. Героями программы являются известные персоны (артисты эстрады, актеры, спортсмены, телеведущие и т. д.), диалог фокусируется на жизненных ситуациях, чувствах и эмоциях, общечеловеческих ценностях. Основные диалогические стратегии, используемые участниками взаимодействия в этой передаче, – стратегия ввода новой темы, стратегия сохранения темы и стратегия уклонения от темы.

Рассмотрим обучение диалогической стратегии уклонения от темы на продвинутом этапе обучения РКИ на примере видеофрагмента из программы «Наедине со всеми» от 13 мая 2014 г., 21:30–25:15 (<https://www.1tv.ru/shows/naedine-so-vsemi/vypuski/gost-masha-rasputina-naedine-so-vsemi-vypusk-ot-13-05-2014>). Героиней данного выпуска стала известная российская певица Маша Распутина.

Работа с аутентичными видеоматериалами включает три этапа: преддемонстрационный, демонстрационный и постдемонстрационный. Упражнения, направленные на обучение диалоговым стратегиям, используются преимущественно на постдемонстрационном этапе работы с видеоматериалом. Это объясняется тем, что обучающимся сначала нужно показать, как происходит реализация той или иной стратегии в коммуникативной ситуации, а уже потом давать задание на продуцирование диалога с использованием этих стратегий. Однако преддемонстрационный этап не должен оставаться без внимания, поскольку цель данного этапа заключается в подготовке обучающихся к восприятию новой информации и снятию возможных трудностей.

На преддемонстрационном этапе обучающимся можно показать фотографию певицы и задать несколько вопросов:

- 1) *Как Вы думаете, кто эта женщина? Чем она занимается?*
- 2) *Опишите ее внешность. Можете ли Вы предположить, какой у нее характер?*

Далее можно предложить обучающимся предваряющий рассматриваемый выпуск программы текст, содержащий биографическую информацию о героине выпуска:

25 лет назад девушка из маленького сибирского поселка приехала покорять Москву. Она мечтала стать примадонной на эстраде, но одна Алла на сцене уже была. И тогда ей, еще никому не известной Алле Агеевой, пришлось сменить имя и стать Машей Распутиной. Скромная сибирячка на сцене превратилась в яркую разбитную певицу. Откровенное декольте, вызывающее мини и яркий блонд – такого в СССР еще не было. Но под маской легкомысленной и бесшабашной певицы скрывалась ранимая женщина.

С первым мужем она развелась после 20 лет брака. После всех испытаний певица все-таки смогла создать крепкую семью. Ее избранник далек от сцены – это сибирский бизнесмен Виктор Захаров. Распутина полностью посвятила себя мужу и второй дочке Машеньке. Спутать ее голос невозможно, для миллионов поклонников она по-прежнему бесподобная Маша Распутина.

Что в ее биографии правда, а что – только слухи? Почему сегодня она никому не доверяет? От чего оберегает свое имя? В свой день рождения наедине со всеми – Маша Распутина. Она рассказывает о бывшем супруге, о том, почему не общается со старшей дочерью и почему не ездит на гастроли.

Данный текст, во-первых, дает общее представление о жизненном пути Маши Распутиной, во-вторых – обозначает те вопросы, которые могут составить «сферу тематической тайны» [Верещагин, Ратмайр, Ройтер 1992: 84] певицы и обусловить использование стратегии уклонения от темы.

После знакомства с текстом необходимо дать лингвокультурологический комментарий следующему фрагменту: *Она мечтала стать примадонной на эстраде, но одна Алла на сцене уже была. И тогда ей, еще никому не известной Алле Агеевой, пришлось сменить имя и стать Машей Распутиной.* Далее целесообразно провести лексическую работу, заключающуюся в семантизации единиц *разбитная, откровенное, вызывающее, легкомысленная, бесшабашная, ранимая, бесподобная, избранник, слухи, оберегать.*

На данном этапе нужно также пояснить значение слов и выражений, которые встретятся обучающимся в демонстрируемом видеосюжете: *вычеркнуть из жизни, штамп в паспорте, завести на стороне, своя / чужая кровь, вставить нож в спину, приписывать заслуги, негодяй / подлец / безбожник, одержимость сценой.*

На демонстрационном этапе при повторном показе видеофрагмента обучающимся можно предложить понаблюдать за невербальными сигналами и уловить общее настроение беседы.

Постдемонстрационный этап включает в себя следующие задания:

1. *Дайте ответы на следующие вопросы:*

- 1) *Как описывает свой первый брак Маша Распутина?*
- 2) *Что спасло героиню в сложившейся ситуации?*
- 3) *Сколько дочерей у Маши Распутиной?*
- 4) *Почему старшая дочь и героиня не общаются?*

2. *Ниже представлены реплики, с помощью которых героиня хотела закончить разговор на неудобную ей тему. Дайте оценку эти фразам по критериям: мягкая / жесткая, прямая / косвенная.*

- 1) Я не хочу даже вспоминать об этом.
- 2) Всё, больше я говорить об этом здесь не буду.
- 3) На этом мы исчерпали весь лимит нашей беседы.
- 4) Можете спрашивать насчет младшей дочери. О старшей? Не хочу.

3. Давайте разберем, как по-другому можно уйти от ответа на неудобную или нежелательную для Вас тему, и дадим оценку каждой реплике по критериям: мягкая / жесткая, прямая / косвенная.

– Без комментариев!

– Об этом спросите лучше у...

– Жизнь сложная штука / Время покажет / Поживём – увидим.

– Я не имею права об этом говорить.

– Не мне об этом говорить / не мне его осуждать.

– Это некорректный вопрос.

4. Работа в парах. Разыграйте предложенную ситуацию в жанре интервью, используя конструкции, рассмотренные выше. Обратите внимание на ситуацию и на то, какие фразы будут в ней уместны.

1) Вы чиновник, который публично обещал отремонтировать городские дороги еще в прошлом месяце, но ямы на дорогах так и остались. На пресс-конференции Вам задают вопросы: «Когда ликвидируют ямы? Куда делась деньги, выделенные из бюджета? Скоро зима, успеют ли починить дороги к первому снегу?»

2) Вы известный(-ая) певец(-ица). В интервью «желтой прессе» вас спрашивают: «Сколько Вы зарабатываете за один концерт? Кто Ваш избранник? Как Вы попали в шоу-бизнес?»

3) Вы пресс-секретарь МВД. Даете комментарий журналистам о происшествии на заводе (взорвался баллон с газом). Журналисты спрашивают у Вас: «Кто виновен в случившемся? Какое наказание будет предусмотрено? Как Вы считаете, этого можно было избежать?»

3. Заключение

Использование аутентичных материалов, в том числе диалогических телевизионных программ, оказывает влияние на формирование и повышение языковой культуры обучающихся, на их понимание национально-культурной специфики русского языка, на совершенствование речевых умений и навыков и на активизацию коммуникативного поведения в процессе общения, что подразумевает под собой и овладение диалоговыми стратегиями.

Задания и упражнения для работы с диалогическими телепередачами на занятиях по русскому языку как иностранному формируют у обучающихся умения начинать и завершать коммуникацию, склонять партнера в разговоре к выполнению желаемого действия, реагировать на такое побуждение, выражать чувства и эмоции, формулировать собственное мнение.

Список литературы

- Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. С. 21–48.
- Верещагин Е.М., Ратмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 82–93.
- Воробьева С.Н. Обучение диалогической речи на занятиях по дисциплине «Русский язык как иностранный» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2018. № 1, Т. 9. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FISK118.pdf>.
- Вятюннев М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // Русский язык за рубежом. 1977. № 6. С. 38–45.
- Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. 2012. № 6. С. 2–10.
- Изаренков Д.И. Обучение диалогической речи. М.: Русский язык, 1986. 150 с.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999. 284 с.
- Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3–12.
- Носонович Е.В., Мильруд Р.П. Параметры аутентичного учебного текста // Иностранные языки в школе. 1999. № 1. С. 18–23.
- Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991. 223 с.
- Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи. М.: Русский язык, 1981. 248 с.
- Тарасова И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. М., 1992. 175 с.
- Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
- Цыкунов И.В. Методика изучения и интерпретации медиатекстов в контексте обучения РКИ // Язык и текст. 2015. № 2. С. 54–61.
- Шостак М.И. Журналист и его произведение. М.: Гендальф, 1998. 96 с.
- Canale M., Swain M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Testing and Teaching // *Applied Linguistics*. 1980. Vol. 1, № 1. P. 1–47.
- Hoffman T. The Meanings of Competency // *Journal of European Industrial Training*. 1999. Vol. 32, № 6. P. 275–285.
- Hymes D. On Communicative Competence // *Sociolinguistics: selected readings* / eds. J.B. Pride and J. Holmes. New York; Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269–293.
- Norris N. The trouble with competence // *Cambridge Journal of Education*. 1991. Vol. 21, № 3. P. 337–344.
- Van Ek J.A. Objectives for foreign language learning. Strasbourg: Council of Europe Press, 1986. Vol. 1: Scope. 89 p.

References

- Borisova, I.N. (1996), *Diskursivnye strategii v razgovornom dialoge* [Discourse strategies in conversational dialogue]. *Russkaya rech' kak yavlenie gorodskoi kultury* [Russian speech as a phenomenon of urban culture], Yekaterinburg, pp. 21-48. (in Russian).
- Canale, M., Swain, M. (1980), *Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Testing and Teaching*. *Applied Linguistics*, Vol. 1, no. 1, pp. 1-47.

- Hoffman, T. (1999), The Meanings of Competency. *Journal of European Industrial Training*, 1999, Vol. 32, no. 6, pp. 275-285.
- Hymes, D. (1972), On Communicative Competence. Pride, J.B., Holmes, J. (eds.) *Sociolinguistics*, selected readings, New York, Harmondsworth, Penguin publ., pp. 269-293.
- Issers, O.S. (1999), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech], Omsk, 284 p. (in Russian).
- Izarenkov, D.I. (1986), *Obuchenie dialogicheskoi rechi* [Teaching dialogical speech], Moscow, Russkii yazyk publ., 150 p. (in Russian).
- Khutorskoi, A.V. (2003), Klyuchevye kompetentsii kak komponent lichnostno-orientirovannoi paradigmy obrazovaniya [Key competencies as a component of the personality-oriented paradigm of education]. *Narodnoe obrazovanie* [Public education], No. 2, pp. 58-64. (in Russian).
- Lebedev, O.E. (2004), Kompetentnostnyi podkhod v obrazovanii [Competence-based approach in education]. *Shkol'nye tekhnologii* [School technologies], No. 5, pp. 3-12. (in Russian).
- Norris, N. (1991), The trouble with competence. *Cambridge Journal of Education*, Vol. 21, no. 3, pp. 337-344.
- Nosonovich, E.V., Mil'rud, R.P. (1999), Parametry autentichnogo uchebnogo teksta [Parameters of authentic educational text]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], No. 1, pp. 18-23. (in Russian).
- Passov, E.I. (1991), *Kommunikativnyi metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu* [A communicative approach in teaching foreign language speaking], Moscow, Prosvshchenie publ., 223 p. (in Russian).
- Shostak, M.I. (1998), *Zhurnalist i ego proizvedenie* [Journalist and his work], Moscow, Gendal'f publ., 96 p. (in Russian).
- Skalkin, V.L. (1981), *Osnovy obucheniya ustnoi inoyazychnoi rechi* [Fundamentals of teaching oral foreign language], Moscow, Russkii yazyk publ., 248 p. (in Russian).
- Tarasova, I.P. (1992), *Rechevoe obshchenie, tolkuemoe s yumorom, no vs'er'ez* [Verbal communication interpreted with humor but seriously], Moscow, 175 p. (in Russian).
- Tsykunov, I.V. (2015), Metodika izucheniya i interpretatsii mediatekstov v kontekste obucheniya RKI [Methods of studying and interpreting media texts in the context of teaching RFL]. *Language and Text*, No. 2, pp. 54-61. (in Russian).
- Van Ek, J.A. (1989), *Objectives for foreign language learning*, Vol. 1. Scope, Strasbourg, Council of Europe Press, 89 p.
- Vereshchagin, E.M., Ratmair, R., Roiter, T. (1992), Rechevye taktiki "prizyva k otkrovennosti". Eshche odna popytka proniknut' v idiomatiku rechevogo povedeniya i russko-nemetskii kontrastivnyi podkhod [Speech tactics "call for frankness." Another attempt to penetrate the idioms of speech behavior and the Russian-German contrastive approach]. *Problems of Linguistics*, No. 6, pp. 82-93. (in Russian).
- Vorobyeva S.N. (2018). Teaching dialogic speech at the lessons of "Russian as foreign language". *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, No. 1, vol. 9, available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FISK118.pdf>. (in Russian).
- Vyatutnev, M.N. (1977), *Kommunikativnaya napravlennost' obucheniya russkomu yazyku v zarubezhnykh shkolakh* [Communicative orientation of teaching the Russian language in foreign schools]. *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], No. 6, pp. 38-45. (in Russian).

Zimnyaya, I.A. (1986), Kompetentsiya i kompetentnost' v kontekste kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii [Competence and competence in the context of the competence-based approach in education]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], No. 6, pp. 2-10. (in Russian).

DIALOGICAL TV PROGRAMS AS A MEANS OF LEARNING DIALOGUE STRATEGIES AT AN ADVANCED STAGE OF LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

O.A. Zaytseva

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The article is devoted to the analysis of the didactic potential of dialogic TV programs in the practice of teaching Russian as a foreign language. Dialogue TV programs are considered in the aspect of teaching foreign students the communicative strategies of Russian speech. The research was carried out on the material of the programs “Alone with everyone”, which is a TV interview-portrait, the characters of which are famous people in Russia. Mastering communicative, including dialogue strategies, allows you to form students' discursive competence, which involves the ability to choose linguistic means depending on the type of utterance, communication situation and communicative tasks, and, consequently, to build effective communication in the target language. Teaching dialogue strategies to foreigners is most effective using examples of the use of these strategies and tactics by native speakers. The source of such examples can be dialogical TV programs, which have a number of advantages: they not only demonstrate Russian speech in real use, but are also a kind of repeater of national culture, allowing students to get an idea of communicative norms, speech etiquette, communication styles in Russia and speaking in such a way, way, as a subject, tool, teaching tool and educational environment.

Key words: Russian as a foreign language, dialogue strategies, dialogical TV programs.

For citation:

Zaytseva, O.A. (2021), Dialogical TV programs as a means of learning dialogue strategies at an advanced stage of learning Russian as a foreign language. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 597-606. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).597-606. (in Russian).

About the author:

Zaytseva, Olga Anatolievna, PhD, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: o.a.plotnikova@rambler.ru

Received: July 5, 2021

Revised: July 12, 2021

Accepted: July 20, 2021

Раздел IV

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part IV

REVIEWS. CHRONICLE

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОСФЕР В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ»
(Маркова Е.М., Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Ручина Л.И. и др.
Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 217 с.)**

М.С. Милованова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия)

Аннотация: В центре внимания авторов рецензируемой монографии – язык в контексте развития русской культуры, язык как индикатор изменений современного сознания, ключевые моменты в истории развития слов – базовых концептов, отражающих основы русской ментальности. Заявленный авторами вектор исследования – «установить “связь времен” между прошлыми состояниями языковой картины мира этноса и ее бытованием в современном мире» (с. 4), представить языковую картину мира в ее непрерывном развитии, в динамике – является новым и перспективным направлением лингвокогнитивных исследований.

Ключевые слова: концепт, русская языковая картина мира, синхрония и диахрония, активные процессы.

Для цитирования:

Милованова М.С. Рецензия на коллективную монографию «Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии» (Маркова Е.М., Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Ручина Л.И. и др. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 217 с.) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 609–613. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).609-613.

Сведения об авторе:

Милованова Мария Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания

ORCID: 0000-0002-0204-028X

Контактная информация:

Почтовый адрес: 117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6

E-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Дата поступления статьи: 19.05.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

Рецензируемая монография представляет собой новый этап в развитии лингвокогнитивного описания фактов языка и национальной культуры, их аксиологического потенциала, благодаря объединению исторического материала и современного состоялась успешная попытка *преодоления антиномии «синхрония – диахрония»* (Э. Косериу) при изучении составляющих русской концептосферы. Монография углубляет представление о связи ментальности и языка (классические труды В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни; работы А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, В.В. Колесова, В.Б. Касевича, М.В. Пименовой и др.), о русской языковой картине мира (А.Д. Шмелёв, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, Е.С. Яковлева, Т.Б. Радбиль и др.).

Научная ценность исследования заключается в осмыслении фрагментов русской языковой картины мира 1) в диахронии, 2) в сопоставлении с другими славянскими языками (польским и чешским), 3) в анализе новейших актуальных представлений, отраженных в речи современников, и выявлении механизмов освоения языковым сознанием новых лексических элементов. Это актуальное исследование, связанное с уточнением *констант* и *переменных* русской культуры и пониманием особенностей современного национально-языкового мышления. Структура работы подчинена идее о многоаспектности исследования языкового материала:

- **Часть первая** – осмысление языкового образа меняющегося мира (Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, М.В. Сандакова) и системных связей языка и сознания на материале грамматических категорий (С.Н. Виноградов).

- **Часть вторая** – осмысление закономерностей в развитии концептов – исконных ('правда' – Е.Е. Смирнова, 'радость' – Л.И. Ручина, 'здоровье' – Л.В. Грехнева, 'лень' – Т.М. Горшкова) и заимствованного ('менталитет / ментальность' – Л.И. Жуковская).

- **Часть третья** посвящена семантической эволюции русских, польских, чешских лексем, репрезентирующих архетипическую славянскую оппозицию *прямой – кривой* (Е.М. Маркова, И.В. Кузьмин, Е.А. Колтунова, С.А. Рылов). Композиционное, содержательное и концептуальное единство монографии достигается благодаря введению и заключению (Т.Б. Радбиль), концентрирующим внимание читателя на программе исследований авторского коллектива и полученных результатах.

Русский язык включает, адаптирует [Радбиль 2020] заимствованные слова и понятия – и адаптируется в плане освоения новейших концептов, каким является, например, *хайп*, приобретающий статус культурного концепта (с. 25). Собственно, так происходит движение и развитие языка, отражающего (со свойственной ему экспрессией) новые реалии, специфически освоенные русским национальным сознанием, которое расставляет аксиологические акценты – от ярко положительных до сугубо отрицательных, включая отстраненно / «отстраненно»-ироничное отношение (*псевдоэлита, антиэлита, гиперхайп, толерантненько* и т. д.).

Изучение современных активных языковых процессов, по-видимому, обязательно включает элементы микродиахронного анализа¹, позволяющего выявить стремительные изменения в семантике слов, существовавших в языке, однако в настоящий момент получивших статус «модных» (*качественный, конкурентный, кризисный, популярный, проблемный, развлекательный, эксклюзивный, элитный* и мн. др.), или семантической спецификации на русской почве сверхновых заимствованных единиц и их производных (*забанить, игнорить, троллить, флудить* и др.). Одним из адаптационных механизмов становится использование ресурсов русской словообразовательной системы – варианты аффиксального оформления и словообразовательных моделей.

Разумеется, результаты исследования актуальных процессов в лексико-словообразовательной системе (гл. 1) вызовут живой отклик у читателя. Вместе с тем для доказательства общей гипотетической мысли – «базовые ценностные доминанты национальной концептосферы и ключевые идеи русской языковой картины сохраняют и расширяют свою представленность и на современном уровне развития языкового сознания» (с. 6) – не меньший интерес представляют материалы лексикографического описания концептов с включением историко-этимологических сведений, результатов ассоциативного эксперимента и анализа фольклорных текстов, фиксирующих архаичный тип русского и/или славянского мышления (гл. 2).

В еще большей степени связаны с исторической рефлексией материалы последней главы, посвященной ретроспективному осмыслению семантической эволюции слов, реализующих оппозицию *прямой – кривой*, имевшей статус концептуально-значимой для славянского этнического единства (см.: [Трубачев 2003: 222–223]) и актуальной в современном русском, польском, чешском языковом сознании.

Таким образом, комплексное исследование, выполненное с применением современных методик экспериментального исследования, разнообразных методов анализа языкового материала в традициях когнитивного, коммуникативно-дискурсивного, структурно-семантического, историко-этимологического направлений современной лингвистики, не только обладает несомненной теоретической значимостью, но имеет выход в первую очередь в практику лексикографического описания слов – носителей аксиологически маркированных русским сознанием смыслов.

В заключение можно отметить, что если «Русский ассоциативный словарь», по мнению К.Я. Сигала, отразил коллективное языковое созна-

¹ О содержании термина *микродиахрония* см.: [Боровикова 2010]. «В нашем случае мы предлагаем ввести термин “микродиахрония синхроний”. “Микро” обозначает проведение исследования частного явления в языке. “Диахрония” – изучение данного явления в процессе его развития» (с. 14). Под микродиахронией понимаем наблюдение за развитием / угасанием языкового явления на небольшом временном промежутке – 20 – 15 – 10 – 5 лет, учитывая скорость изменений в языке последнего времени. См.: [Милованова 2020: 128].

ние конца XX в. [Сигал 2020: 272], то подготовка аналогичного словаря, фиксирующего знаковые явления в языке первой трети XXI в., может стать логическим продолжением работы авторского коллектива и ближайшей перспективой исследований – тем более что солидный задел в виде настоящего монографического издания уже существует (см. также другие монографические работы Нижегородской научной школы когнитивной лингвистики: [Рацибурская 2014, 2018]).

Список литературы

- Боровикова Н.В.* Имя собственное как знак в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 13–18.
- Милованова М.С.* К определению понятия *любовь*: микродиахронный срез // Гуманитарные технологии в современном мире: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (28–30 мая 2020 г.). Калининград, 2020. С. 122–129.
- Радбиль Т.Б.* Аналитизм vs синтетизм в активных процессах в грамматике современного русского языка // Мир русского слова. 2020. № 1. С. 2–7.
- Рацибурская 2018* – Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллектив. моногр. / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 232 с.
- Рацибурская 2014* – Новые тенденции в русском языке начала XXI века: коллектив. моногр. / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта: Наука, 2014. 304 с.
- Сигал К.Я.* Теория словосочетания. М.; Ярославль, 2020. 418 с.
- Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: лингвист. исслед. М.: Наука, 2003. 489 с.

References

- Borovikova, N.V. (2010), The proper noun as a sign in language and speech. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, no. 1, pp. 13-18. (in Russian).
- Milovanova, M.S. (2020), K opredeleniyu ponyatiya lyubov': mikrodiakhronnyi srez [To the definition of love: a microdiachronic cut]. *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire* [The Humanities technologies in the modern world], Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference (May 28-30, 2020), Kaliningrad, pp. 122-129. (in Russian).
- Radbil, T.B. (2020), Analitizm vs sintetizm v aktivnykh protsessakh v grammatike sovremennogo russkogo yazyka [Analyticism vs synthetism in active processes in the grammar of the modern Russian language]. *World of the Russian word*, No. 1, pp. 2-7. (in Russian).
- Ratsiburskaya, L.V. (ed.) (2018), *Sotsiokul'turnye i pragmaticheskie aspekty sovremennykh slovoobrazovatel'nykh protsessov* [Sociocultural and pragmatic aspects of modern word-formation processes], Collective monograph, Moscow, FLINTA publ., Nauka publ., 232 p. (in Russian).
- Ratsiburskaya, L.V. (ed.) (2014), *Novye tendentsii v russkom yazyke nachala 21 veka* [New trends in the Russian language at the beginning of the 21st century], Collective monograph, Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 304 p. (in Russian).
- Sigal, K.Ya. (2020), *Teoriya slovosochetaniya* [Phrase theory], Moscow, Yaroslavl, 418 p. (in Russian).

Trubachev, O.N. (2003), *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan* [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs], Linguistic research, Moscow, Nauka publ., 489 p. (in Russian).

**THE REVIEW OF COLLECTIVE MONOGRAPH
“LINGUO-COGNITIVE ASPECTS OF STUDYING NATIONAL
CONCEPTOSPHERES IN SYNCHRONY AND DIACHRONY”**

(Markova, E.M., Radbil, T.B., Ratsiburskaya, L.V., Ruchina, L.I. et al. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Lobachevsky State University publ., 2020, 217 p.)

M.S. Milovanova

Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

Abstract: The focus of the monograph's authors is the language in the context of the development of Russian culture, language as an indicator of changes in modern consciousness, key moments in the history of the development of words – basic concepts that reflect the foundations of Russian mentality. The research vector stated by the authors (“to establish a “connection of times” between the past states of the linguistic world-view mapping of an ethnos and its existence in the modern world” (p. 4), to present the linguistic world-view mapping in its continuous development, in dynamics) is a new and promising direction of linguo-cognitive research.

Key words: concept, Russian linguistic world-view mapping, synchrony and diachrony, active processes.

For citation:

Milovanova, M.S. (2021), The review of collective monograph “Linguo-cognitive aspects of studying national conceptspheres in synchrony and diachrony” (Markova, E.M., Radbil, T.B., Ratsiburskaya, L.V., Ruchina, L.I. et al. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Lobachevsky State University publ., 2020, 217 p.). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 609-613. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).609-613. (in Russian).

About the author:

Milovanova, Maria Stanislavovna, Prof., Professor of the Department of General and Russian Linguistics

ORCID: 0000-0002-0204-028X

Corresponding author:

Postal address: 6, Akademika Volgina ul., Moscow, 117485, Russia

E-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Received: May 19, 2021

Accepted: July 20, 2021

«МОЖНО ТОЛЬКО НАУЧИТЬСЯ»¹ К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ ВИКТОРОВНЫ ШМЕЛЁВОЙ

А.Н. Сперанская

Ланьчжоуский университет (Ланьчжоу, Китай)

Аннотация: В юбилейной заметке, посвященной известному русисту, профессору Новгородского университета им. Ярослава Мудрого Татьяне Викторовне Шмелёвой, рассматривается не только научная деятельность и лингвистические идеи, но и личность этого неординарного ученого и замечательного Учителя. Представлены некоторые педагогические принципы, которыми руководствуется Татьяна Викторовна в своей преподавательской работе: научить ничему нельзя – можно только научиться; в науке нет периферии. Выделены научные направления, где идеи юбиляра сыграли, по мнению автора статьи, наиболее заметную роль, – семантический синтаксис, речевые жанры, язык города, речеведение (лингвистика речи). Пожалуй, самая цитируемая работа юбиляра – это публикация о речевых жанрах, где предложена модель описания – «анкета речевого жанра». Не до конца оцененной, как представляется, остается статья «Ключевые слова текущего момента», имеющая несомненный, но пока не реализованный научно-исследовательский потенциал. Отмечается важность предложенной Т.В. Шмелёвой концепции речеведения, которая позволила систематизировать уже накопленные знания и создать логичный понятийный аппарат для изучения речи. По мнению исследователя, речеведение включает пять разделов, каждый из которых посвящен одному из параметров речи: роль, фактура, сферы, жанр, правило.

Ключевые слова: Татьяна Викторовна Шмелёва, юбилей, научная деятельность, семантический синтаксис, жанр речи, язык города, речеведение.

Для цитирования:

Сперанская А.Н. «Можно только научиться». К юбилею Татьяны Викторовны Шмелёвой // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 614–620. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).614-620.

¹ «Научить ничему нельзя. Можно только научиться» – это педагогический принцип Татьяны Викторовны. Он размещен у нее на странице в социальной сети «ВКонтакте» сейчас, и о нем она пишет в далеком от сегодняшнего дня 1984 г. в газете «Университетская жизнь» (Красноярск) в № 13 от 7 мая.

Сведения об авторе:

Сперанская Алевтина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент института иностранных языков и литературы

ORCID: 0000-0002-0712-1337

Контактная информация:

Почтовый адрес: 730000, P.R. China, Lanzhou, Gansu, South Tianshui Road, 222

E-mail: alsperanskaya@yandex.ru

Дата поступления статьи: 10.07.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

В этой юбилейной статье речь пойдет о трех гранях личности Татьяны Викторовны Шмельёвой – известного ученого, замечательного человека и необыкновенно чуткого и отзывчивого научного руководителя. Об этих гранях невозможно говорить по отдельности, так как они не просто переплетены в одном человеке, а, как мне кажется, питают друг друга: одно ярко проявляется в другом, одно усиливает другую сторону личности. Я не смогу говорить о Татьяне Викторовне только как об ученом еще и потому, что она почти сорок лет присутствует в моей жизни.

Т.В. Шмельёва, март 2020 г., Великий Новгород.

Фотография С. Разумовской

Весной 1982 г. Татьяна Викторовна, молодой талантливый лингвист, приехала из Москвы в Красноярский государственный университет на только что созданное отделение, ставшее впоследствии факультетом филологии и журналистики. Татьяна Викторовна прочитала несколько пробных лекций по семантическому синтаксису: думаю, оназнакомилась с ву-

зом и с коллективом, со студентами, с сибирским городом, так непохожим ни на ее родную Кубань, ни на Москву. И с 1 сентября того же года мы уже имели счастливую возможность слушать лекции Татьяны Викторовны, читавшую нам курс современного русского языка, начиная с морфемики. Через год желающие могли выбрать спецсеминар «Активные аспекты грамматики», которым она руководила. Изучение классических университетских курсов морфемики, морфологии и синтаксиса шло не совсем традиционно, так как учебных пособий по активной грамматике и семантическому синтаксису не существовало, хотя нам, тогдашним студентам, повезло, что вышел в свет отличный учебник «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой (М.: Высшая школа, 1981), научного руководителя Татьяны Викторовны¹. Однако учебник учебником, а личность педагога, преподавателя всегда была определяющей. Татьяна Викторовна умеет открывать новое и увлекать лингвистическими идеями. Думаю, все, кто знают Татьяну Викторовну, замечают ее способность сложные теоретические вопросы излагать в доступной (и даже занимательной) форме. Это одна из ее черт как человека и как преподавателя.

Умение наблюдать и замечать, видеть работу языковых единиц в любом тексте – вот чему она старается научить своих студентов. Акцент в преподавании делается не на сумму знаний (которая, безусловно, нужна, но без применения мертва), а на умение анализировать текст. Чтобы до конца понять, о чем идет речь, представьте, что на экзамене студент получает не билет с вопросами, а текст. И возможность пользоваться любыми справочными материалами, включая свои конспекты и учебники. В предложенном преподавателем тексте (не учебном, а реальном, взятом из газет, журналов, книг) необходимо обнаружить «10 проблем, связанных с морфемикой», на следующем экзамене – «10 морфологических проблем», а на последнем экзамене – описать семантическое и формальное устройство отрывка. То есть нужно было не «сдавать» предмет, а подтвердить свою квалификацию лингвиста практикой. Вот такой смелый и очень эффективный методический прием использовала Т.В. Шмелева. А если назвать главную черту Татьяны Викторовны как научного руководителя, то, по-моему, это определение – *вдохновляющий*.

Началом научной и педагогической деятельности Т.В. Шмелёвой был московский период, связанный с одним вузом – МГУ: обучение на

¹ Об уважительном и бережном отношении Татьяны Викторовны к своему Учителю и к ее научным идеям нужно говорить отдельно, и Татьяна Викторовна сама не раз об этом писала. Отмечу такую особенность: им обеим близка метафора семьи. Вера Арсеньевна – ученица В.В. Виноградова, и Татьяна Викторовна говорила своим спецсеминаристам, что они научные правнуки Виноградова. Мне кажется, знание своего филологического «генеалогического древа», т. е. своих академических истоков и корней, позволяет студенту осмысленно войти в традицию научного поиска, продолжив ее своими изысканиями. И еще в этой метафоре присутствует идея ученичества – весьма действенного способа подготовки нового поколения профессионалов.

филологическом факультете; аспирантура; защита кандидатской диссертации «Смысл и формальная организация двукомпонентных инфинитивных предложений в русском языке» (1979 г.); трехлетняя работа на кафедре русского языка филологического факультета.

Красноярский период стал временем плодотворного развития начатого и создания нового. В числе продолженных (и продолжающихся по сей день) исследований – семантическая организация предложения, пониманию и описанию которой посвящены многие работы Татьяны Викторовны. Они стали основой докторской диссертации «Субъективные аспекты русского высказывания»; ее Татьяна Викторовна защитила в виде научного доклада¹. Не стану пересказывать основные положения Т.В. Шмелёвой о семантике высказывания², но отмечу уникальную по многим параметрам небольшую брошюру «Семантический синтаксис»³, где теория семантического синтаксиса изложена компактно, полно и методически безупречно. Важно и то, что помимо университетских аудиторий, идеи семантического синтаксиса попали и в среднюю школу: в результате сотрудничества с учителями была написана программа для 5–9 классов «Русский язык: через активную грамматику – к речи»⁴.

Один из научно-педагогических тезисов Т.В. Шмелёвой – в науке нет периферии. И в первую очередь этот принцип приложим к самой Татьяне Викторовне. Только начав работать в Красноярске, она открывает новую для себя научную тему – язык города. Эта тема, или, если использовать любимое слово Татьяны Викторовны, сюжет, надолго становится фаворитом в ее научных изысканиях, о чем свидетельствуют многочисленные научные статьи и огромное количество газетных публикаций о языковом облике двух важнейших для нее городов – Красноярска и Новгорода. Хочу отметить еще одну черту юбиляра, характеризующую научный метод Татьяны Викторовны, – умение увидеть проблему и целиком, и в деталях, структурировать ее и предложить оптимальный способ решения. В этом можно убедиться, прочитав первую статью Татьяны Викторовны, посвященную языку города. Работа написана в соавторстве с красноярским преподавателем К.П. Михалап⁵ и представляет собой развёрнутый план, а точнее программу исчерпывающего лингвистического изучения нового на тот момент объекта языковой действительности.

¹ Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 35 с.

² См.: Татьяна Викторовна Шмелева: библиогр. указ. / сост. Е.М. Власова. 2-е изд., испр. и доп. Великий Новгород, 2016. 147 с.

³ Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск, 1988. 54 с.; 2-е изд. 1994.

⁴ Шмелева Т.В., Мовшович Н.И. Русский язык: через активную грамматику – к речи: программа для 5–9 кл. сред. шк. // Речеведение: науч.-метод. тетради. Великий Новгород, 1999. № 1. С. 56–64.

⁵ Михалап К.П., Шмелева Т.В. Словарь города // Филологические науки. 1987. № 4. С. 81–85.

Эта тема становится частью учебного процесса – языку города посвящена практика студентов-филологов, методическую основу которой разрабатывает Татьяна Викторовна. Затем к изучению красноярского «городского языка» добавляется псковский, питерский, севастьяпольский. В 2014 г. выходит книга «Ономастикон российского города»¹, которая подводит предварительные итоги изучения проблемы. Лингвистический ландшафт города – тема для Татьяны Викторовны актуальная по сей день: в 2019 г. она в качестве приглашенного редактора журнала «Коммуникативные исследования» пишет, что есть еще немало стимулов «к дальнейшему исследованию феномена, который окружает нас каждый день, составляя часть повседневной жизни горожанина»².

Способность охватить тему в целом и осмыслить ее в конкретных категориях позволяет Татьяне Викторовне разобраться в проблеме и предложить настолько ясные методики описания, что они становятся классическими. Так произошло с публикацией о речевых жанрах³. Можно считать, что Татьяна Викторовна заново открыла этот сюжет, обобщив сведения из разных областей филологии (литературоведение, прагматика, лексикология, грамматика, речевой этикет) и предложив «анкету РЖ». Без ссылок на эту работу не обходится сегодня ни одно жанроведческое исследование.

Менее привлекательным, но не менее значимым, на мой взгляд, для современных лингвистических наблюдений и описаний остался сюжет о ключевых словах текущего момента⁴. Мероприятие, широко известное сейчас как «Слово года», проходит в России с 2007 г., по крайней мере так сообщают интернет-источники. Критерий отбора при этом – количество интернет-запросов. Частотность, конечно, важный показатель, однако не единственный. Необходим лингвистический инструмент «измерения» популярности слова, потому что оно живет и функционирует в языке и речи. В своей статье Татьяна Викторовна называет девять примет «ключевого слова текущего момента», куда, кроме частотности, входят: место в тексте; грамматический потенциал (возможности формо- и словообразования); синтагматика (сочетаемость); парадигматика (синонимия и антонимия в первую очередь); онимическое употребление (в качестве имени собственного); дефиниция (толкование слова в тексте); языковая рефлексия и языковая игра. Описание слова по данным лингвистическим признакам сможет подтвердить или опровергнуть статус ключевого слова текущего момента.

¹ Шмелева Т.В. *Ономастикон российского города*. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 137 с.

² [Шмелева Т.В.] От приглашенного редактора // *Коммуникативные исследования*. 2019. Т. 6. № 1. С. 7.

³ Шмелева Т.В. *Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка)* // *Russistik*. Berlin, 1990. № 2. С. 20–32.

⁴ Шмелева Т.В. *Ключевые слова текущего момента* // *Collegium*. 1993. № 1. С. 33–41.

Еще одна важная область научного интереса Татьяны Викторовны – речеведение (лингвистика речи)¹. Исходя из главных дифференцирующих параметров речи, Татьяна Викторовна предложила структуру речеведения в виде пяти разделов. Предметом изучения каждого из них становятся: роль (участник речи, речедеятель), фактура речи, сферы речи, жанры речи и правила речевого поведения. Не настаивая на терминологическом обозначении, Татьяна Викторовна рассматривает речеведение как объединение дисциплин, которым она дает соответствующие параметрам названия: *персонология, фактурология, сферология и жанрология*. Речеведческое направление Татьяны Викторовны продолжает успешно развивать и реализовывать в преподавании медиалингвистики, относя ее к медийному речеведению.

Безусловно, научная деятельность Татьяны Викторовны шире изложенного здесь. Она автор интереснейших работ по грамматике, словесности, семиотике, медиалингвистике... И замечательный собеседник²: «Человек интереснее своей статьи», – не перестает напоминать своим студентам Татьяна Викторовна, призывая вести кулуарные беседы с докладчиками на научных конференциях.

Поскольку жанр статьи – юбилейное слово, то в качестве итога я пожелаю Татьяне Викторовне здоровья, творческой энергии, долгих лет жизни и дальнейшего воплощения замыслов – в текстах и выступлениях!

“YOU CAN ONLY TEACH YOURSELF”. TO THE PROF. TATIANA V. SHMELEVA’S ANNIVERSARY

A.N. Speranskaya
Lanzhou University (Lanzhou, China)

Abstract: This article is devoted to the famous Russian linguist, Professor of the Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University Tatiana Shmeleva. The author talks about the scientific activity and linguistic ideas of Prof. Tatiana Shmeleva, as well as about her personality and pedagogical principles. The article discusses several scientific areas in which the ideas of Prof. Tatiana Shmeleva played the most prominent role. This is the semantic syntax, speech genres, the language of the city, Speech Studies (linguistics of speech). Modern linguistic research is not complete without references to the works of Prof. Tatiana Shmeleva in these scientific areas. The most cited is the description model proposed by Prof. Tatiana Shmeleva – the “speech genre questionnaire”. The author believes that the article by Prof. Tatiana Shmeleva “Key words of the current moment” is still underestimated, although it has a great research potential. The article notes the impor-

¹ Концепция речеведения сформулирована ею в: *Шмелева Т.В.* Речеведение: в поисках теории // *Stylistyka*. VI. Opole, 1997. S. 301–313 – и отражена в публикациях.

² См.: *Человек, язык и текст: к юбилею Т.В. Шмелевой: сб. ст. / отв. ред. Т.Л. Каминская, А.Н. Сперанская. Великий Новгород, 2011. 340 с.*

tance of the proposed by Prof. Tatiana Shmeleva concept of Speech Studies (rechevedenie), which allowed to systematize the already accumulated knowledge and create a logical conceptual apparatus for the study of speech. According to the researcher, speech includes five sections: role, texture, sphere, genre, rule.

Key words: Prof. Tatiana V. Shmeleva, jubilee, scientific activity, semantic syntax, speech genre, language of the city, Speech Studies.

For citation:

Speranskaya, A.N. (2021), "You can only teach yourself". To the Prof. Tatiana V. Shmeleva's anniversary. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 614-620. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).614-620. (in Russian).

About the author:

Speranskaya, Alevtina Nikolaevna, PhD, Associate Professor of the School of Foreign Languages and Literatures

ORCID: 0000-0002-0712-1337

Corresponding author:

Postal address: 222, South Tianshui Road, Lanzhou, Gansu, 730000, P.R. China

E-mail: alsperanskaya@yandex.ru

Received: July 10, 2021

Accepted: July 20, 2021

**ХРОНИКА III ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ»**

В.А. Юматов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация: Представлена хроника III Всероссийской научной конференции с международным участием «Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы», состоявшейся 20–21 мая 2021 г. на кафедре судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Дан краткий обзор докладов, прозвучавших на пленарном и секционных заседаниях конференции.

Ключевые слова: конференция, судебная экспертиза, лингвистическая экспертиза, криминальное пиктографическое письмо.

Для цитирования:

Юматов В.А. Хроника III Всероссийской научной конференции с международным участием «Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы» // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 621–626. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).621-626.

Сведения об авторе:

Юматов Василий Алексеевич, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой судебной экспертизы

Контактная информация:

Почтовый адрес: 603105, Россия, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4
E-mail: yumatovva@jur.unn.ru

Дата поступления статьи: 26.04.2021

Дата принятия в печать: 20.07.2021

20–21 мая 2021 г. на кафедре судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского состоялась III Всероссийская научная конференция с международным участием «Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы».

В работе конференции приняли участие 69 представителей различных субъектов Российской Федерации, а также Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Республики Беларусь, Латвийской Республики и Эстонской Республики. Известные ученые России и зарубежья в области судебно-экспертной деятельности, представители высшей школы, практики, сотрудники государственных и негосударственных экспертных учреждений обсудили насущные проблемы теории и практики судебной экспертизы.

Конференция работала в смешанном формате: участники из Нижнего Новгорода присутствовали очно, представители других регионов работали в режиме видеоконференцсвязи.

Пленарные доклады были посвящены различным вопросам криминалистических, экономических и речеведческих экспертиз, а также общетеоретическим проблемам. Большой интерес вызвал доклад Билла Лоу, профессора из Университета Ковентри (Великобритания), который в докладе «Рудольф Карнап: ограничения гения, эмпиризм и индуктивная вероятность» представил теоретическое лингвофилософское обоснование возможности применить некоторые достижения философии логического неопозитивизма к корпусным исследованиям высказываний естественного языка, в том числе к их лингвоэкспертной квалификации.

По проблематике речеведческих экспертиз также содержательные выступления были сделаны учеными и практиками из Москвы и Нижнего Новгорода. Так, представители Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) – профессор кафедры судебных экспертиз, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор Елена Игоревна Галяшина и директор Центра академического развития и образовательных инноваций, кандидат юридических наук Владимир Дмитриевич Никишин – сделали доклад на тему «Информационно-мировоззренческая безопасность личности в социальных сетях и проблемы выявления словесного экстремизма», в котором рассматриваются проблемы выявления экстремистских материалов в ходе мониторинга интернет-сайтов для профилактики экстремизма и обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности пользователей социальных сетей, сделан вывод, что правовая квалификация размещаемой в социальной сети информации как словесного экстремизма зависит от обоснованности вывода и качества лингвистической экспертизы.

Игорь Витальевич Огорелков, начальник отдела лингвистических экспертных исследований ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр», в докладе «Перспективы развития судебной автороведческой экспертизы» рассмотрел классификацию объектов автороведческой экспертизы, дал характеристику основных задач, которые решает эксперт-авторовед, привел перечень перспективных направлений развития судебной автороведческой экспертизы.

В докладе «Постклассическая теория речевых актов в производстве лингвистической экспертизы по делам об экстремизме» заведующего кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессора кафедры современного русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, профессора кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ, доктора филологических наук, профессора, академика РАН Тимура Беньюминовича Радбиля были рассмотрены возможности приложения постклассической теории речевых актов в производстве лингвистической экспертизы по делам об экстремизме, принципы и методы выявления и последующего экспертного анализа таких речевых актов экстремистского характера, как оправдание и/или обоснование враждебных, насильственных действий, а также противоправных, запрещенных законодательством идей, взглядов или отношения в адрес определяемых законодательно лиц / групп лиц (по признаку расы, национальности, происхождения, религиозной принадлежности и пр.) и как обвинение этих групп лиц в совершении указанных противоправных действий. Ученый привел примеры анализа сложных случаев употребления речевых актов оправдания, обоснования и/или обвинения, выраженных в спорных высказываниях и/или текстах как в прямой, так и в косвенной форме, в реальных лингвоэкспертных исследованиях по делам об экстремизме. Сделан вывод, что речевые акты оправдания, обоснования и обвинения имеют комплексную иллокутивную силу и при этом могут быть отнесены к дальней периферии императивных речевых актов.

Доклад «Граффити как объект комплексной судебно-почерковедческой и лингвистической экспертизы» заведующего кафедрой судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидата юридических наук, доцента, профессора РАН Василия Алексеевича Юматова и младшего научного сотрудника Руслана Ивановича Захарова был посвящен вопросам комплексного исследования в рамках судебной экспертизы такого объекта, как граффити, показана возможность разноаспектных его исследований, в том числе лингвистических – как конфликтных текстов различного содержания. Значимость таких исследований определяется масштабами распространения граффити, их задействованностью в различных коммуникациях, использованием в качестве инструмента совершения правонарушений и преступлений.

Профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор Михаил Александрович Грачев в докладе «Проблемы изучения пиктографического криминального письма экспертами-лингвистами» изложил трудности в изучении криминального пиктографического письма и возможности его изу-

чения лингвистами-экспертами, представил группы устойчивых и неустойчивых татуировок, обозначил перспективы их анализа для правоохранительных органов.

Доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук, доцент Антонина Николаевна Новосёлова выступила с докладом «Эристическая аргументация и речевая агрессия: проблемы определения при проведении судебно-лингвистической экспертизы», в котором отметила, что лингвистический анализ текстов на наличие в них оскорблений – одна из трудно решаемых проблем судебной экспертизы. Рассмотрела отдельные аспекты проблемы, в частности такую, что в текстах эристического дискурса и текстах, содержащих явную или скрытую речевую агрессию, возможно использование близких или идентичных речевых приемов, что может привести к неточной квалификации инвективности при проведении судебно-лингвистической экспертизы.

Сотрудниками Приволжского РЦСЭ Минюста России Татьяной Владимировной Мясниковой и Натальей Борисовной Рябовой в докладе «К вопросу о различии подходов к производству лингвистических экспертиз по делам о клевете» был рассмотрен семантический подход, применяемый в СЭУ Минюста России при производстве лингвистических экспертиз, на примере экспертной практики ФБУ ПРЦСЭ Минюста России, в сравнении с грамматическим подходом.

Авторами доклада «Об аспектах правового регулирования противодействия преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (опыт зарубежных стран)» Ольгой Валерьевной Зайцевой, преподавателем кафедры иностранных языков МГЮА, ведущим экспертом ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр», и Кириллом Игоревичем Дорофеевым, старшим экспертом отдела информационно-правового обеспечения Управления правовой информации МВД России, проведен анализ законодательства Германии, Австрии, Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии и правоприменительной практики использования экспертных шкал COPINE, SAP, Sexual Definitive Offences Guideline, I-KiZ и теста Миллера с целью изучения опыта регулирования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

В рамках научной конференции в корпусах юридического факультета под руководством сотрудников кафедры судебной экспертизы работали секции с участием молодых ученых. В очно-дистанционном формате обсуждались проблемные вопросы и перспективы развития судебных экспертиз различных родов и видов. В ходе работы секции «Судебное речеведение как отрасль научного знания» представителями ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Северо-Западного института (филиала) МГЮА рассматривались актуальные проблемы экспертизы рекламного текста, осо-

бенности лингвоэкспертного анализа речевой агрессии в социальных сетях (на материале социальной сети TikTok), некоторые новые методы определения признаков этнического экстремизма в интернет-текстах при проведении судебно-лингвистической экспертизы, роль ассоциативного эксперимента как метода определения сходства товарных знаков до степени смешения, специфика судебно-лингвистического исследования признаков и языковых приемов пропаганды домашнего насилия в интернет-коммуникации, лингвоэкспертного анализа использования эвфемизмов в интернет-коммуникации наркоманов и пр.

На финальном заседании участники конференции подвели итоги работы. Они солидаризировались во мнении, что использование современных методов и технологий позволит решить имеющиеся проблемные вопросы экспертной деятельности, расширит возможности экспертных исследований.

По итогам конференции подготовлен сборник докладов участников, который размещен на сайте кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (<http://sudexpertunn.ru/conferences/>).

**CHRONICLE OF THE 3rd ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
“NATIONAL AND INTERNATIONAL TRENDS AND PROSPECTS
FOR THE DEVELOPMENT OF FORENSIC EXPERTISE”**

V.A. Yumatov

*National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)*

Abstract: The chronicle of the 3rd all-Russian scientific conference with international participation “National and international trends and prospects for the development of forensic examination”, which took place on May 20-21, 2021 at the Department of Forensic Science of the Faculty of Law of Lobachevsky NNSU is presented. A brief overview of the reports presented at the plenary and breakout sessions of the conference is given.

Key words: conference, forensic examination, linguistic examination, criminal pictographic writing.

For citation:

Yumatov, V.A. (2021), Chronicle of the 3rd all-Russian scientific conference with international participation “National and International trends and prospects for the development of forensic expertise”. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 3, pp. 621-626. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(3).621-626. (in Russian).

About the author:

Yumatov, Vasily Alekseevich, PhD, Head of the Department of Forensic Science

Corresponding author:

Postal address: 4, Ashkhabadskaya ul., Nizhny Novgorod, 603105, Russia

E-mail: yumatovva@jur.unn.ru

Received: April 26, 2021

Accepted: July 20, 2021

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления авторами рукописей

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся коммуникативными исследованиями и смежными проблемами. Публикация материалов осуществляется на русском и английском языках.

Журнал выходит четыре раза в год. Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакции других журналов.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям международных рецензируемых изданий (РИНЦ, Web of Science, Scopus и др.) т.е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на **русском и английском** языках:

1. УДК.

2. Название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилию автора (-ов); аннотацию (резюме); ключевые слова (5–8 слов через запятую) – на русском языке. Обращаем внимание авторов на то, что объем аннотации к статье в международном журнале обычно составляет около **150–200 слов**. Аннотация должна быть составлена самостоятельно, а не повторять фрагменты статьи. **Структура аннотации:** введение (постановка проблемы), цель и задачи, материал, методы исследования, результаты, заключение (выводы).

3. Информацию п. 2 в той же последовательности – на английском языке (ФИО автора (ов) – в транслитерации) – после основного текста статьи (см. образец оформления статьи).

4. Полный текст статьи на русском или английском языке. Объем статьи – 8–15 страниц (14 шрифт, интервал – 1), 20000–40000 знаков с пробелами.

Основной текст должен быть разделен на озаглавленные смысловые части и содержать: 1. Введение (постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы). 2. Описание материала и методов исследования. 3. Представление результатов/Обсуждение (описание проведенного анализа и полученные результаты). Возможны подразделы. 4. Заключение (основные выводы исследования).

5. Рисунки и графики принимаются только в высоком качестве (не менее 300 пикселей). Убедитесь в том, что таблицы и рисунки пронумерованы в порядке появления в статье и снабжены соответствующими пояснениями в тексте. Подписи к таблицам оформляются более мелким шриф-

том и располагаются над таблицей; подписи к рисункам оформляются более мелким шрифтом и располагаются под рисунком. Таблицы и рисунки не должны выходить за поля текста.

6. Список литературы на русском языке. Нумерация в списке литературы идет по алфавиту, в случае нескольких ссылок на одного автора – по хронологии. В список литературы включаются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи. Количество ссылок должно содержать не менее 20 наименований. Ссылки на работы автора статьи – не более 20 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 30 %. Работы, опубликованные за последние 5–10 лет, – не менее 30 %. Во всех источниках должны быть проставлены страницы, год выпуска, город и издательство. Список литературы оформляется по ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Список литературы в латинице (References): транслитерация имени автора; год публикации (в круглых скобках); выделенная курсивом транслитерация названия источника и – в квадратных скобках – его перевод; если речь идет о публикации внутри сборника или журнала, то прежде по аналогичному принципу указывается название материала, на который дается ссылка – без выделения курсивом и отделенное от названия источника точкой; английский вариант названия места издания и транслитерация названия издающей организации (с указанием publ.). Прочие данные (сведения о редакторе или составителе, сведения об издании, номер выпуска, объем) приводятся в переводе на английский язык с использованием принятых сокращений (см. ниже образец оформления статьи). При оформлении References используется стандарт «Harvard».

В случае, если выходные сведения источника уже содержали перевод необходимых элементов записи (как правило, если речь идет о журнальных публикациях или переводной литературе), равно как если речь идет о «типовых» названиях (например, «собрание сочинений» или «толковый словарь»), в описании источника достаточно привести лишь перевод, без сопровождения его транслитерацией, но в конце описания дав в круглых скобках указание на язык источника (in Russian).

Источники в списке литературы на латинице представляются в том же порядке, что и в списке на русском.

8. Список источников речевых иллюстраций, если автор считает необходимым его представление. Оформляется отдельно по представленным выше правилам под заголовком «Источники», на латинице – «Sources».

9. Данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; должность с указанием организации; юридический адрес организации (не домашний); электронная почта автора (-ов).

10. Информацию п. 8 на английском языке в той же последовательности: фамилия, имя, отчество автора (-ов); ученая степень; ученое звание; должность; название организации; юридический адрес организации; электронная почта.

Требования к оформлению

Гарнитура – Times New Roman. Кегль основного текста – 14 pt, списков литературы, аннотации и ключевых слов – 12 pt. Везде используется абзац 1,0 см и одинарный интервал. Все поля – по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать **30 000 знаков** с учетом пробелов, включая примечания и литературу.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется в виде [Иванов 2008: 25].

Речевые иллюстрации набираются курсивом без заключения в кавычки, выделения делаются жирным шрифтом.

Ссылка на источник фактического материала оформляется в круглых скобках следующими способами:

(Л. Улицкая. Священный мусор),

(Огонек. 2013. №1),

(НТВ. Сегодня. 7.08.2013),

(<http://file-rt.ru/analytics/54> 3.03.2013).

Сноски желательно минимизировать. В случае необходимости следует давать их в сквозной нумерации в конце страницы.

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

Обращаем внимание авторов на то, что в международном журнале часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Ответственность за качество перевода возлагается на автора. Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Образец оформления списка литературы

Список литературы

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по курсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>.

References

Книга: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [The General Linguistics], Moscow, Progress publ., 448 p. (in Russian).

Статья в журнале: Kibrik, A.A. (1994), Kognitivnye issledovaniya po diskursu [Cognitive research on discourse]. *Topics in the study of language*, no. 5, pp. 126-139. (in Russian).

Часть книги: Searle, J. (1986), Indirect speech acts. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], translated from English by N.V. Pertsov, Moscow, iss. XVII, pp. 195-222. (in Russian).

Материалы конференции: Kabakova, Yu.A. (2000), Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi akt [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [Theory and practice of German and Romance Languages], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98. (in Russian).

Электронный ресурс: Guseinov, G.Ch. (2000), Zametki k antropologii russkogo Interneta [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *New Literary Observer*, no. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>. (in Russian).

Образец оформления статьи

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Петров В.В.

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Подготовлено при поддержке гранта...

Аннотация:

Ключевые слова:

Сведения об авторе (авторах):

Петров Виктор Васильевич, профессор, доктор филологических наук.

Контактная информация:

Почтовый адрес:

E-mail:

Текст статьи [1]. Текст статьи [2]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи.

Список литературы
References

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (на английском языке)

Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author:

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (ссылка на грант)

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или оформленные не в соответствии с перечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Каждая поступившая в редакцию журнала статья рецензируется двумя анонимными рецензентами из числа российских и зарубежных ученых, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить соответствие статьи проблематике журнала, актуальность и оригинальность работы, анализ материала и научный стиль, написать краткое обоснование / рекомендации. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи (без указания имени рецензента). Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Контакты

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
Факультет филологии и медиакоммуникаций. Тел.: +7 (3812) 229-815
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики. Тел.: +7 (3812) 670-620

Гл. редактор Иссерс Оксана Сергеевна

Отв. секретарь Терских Марина Викторовна (terskihm@mail.ru)

INFORMATION FOR AUTHORS

Submission Guidelines

The Editorial Board invites to cooperate all experts interested in Communication Studies and related subjects. The materials are published both in Russian and English languages.

The Journal is published four times a year. Authors should not submit an article to the journal that is already published in another journal, as well as an article that is under consideration in another journal.

The article should comply with Russian Science Citation Index (RSCI), Web of Science and Scopus, i.e. in addition to the main text the article should include the following information in Russian and English languages:

1. Universal Decimal Classification.

2. Title of the article (in capital letters); initials and surname of the author (s); abstract (summary); key words (5-8 words separated by a comma) provided in Russian. Please, pay attention to the fact that the volume of an abstract to the article in the international Journal is usually about 150-200 words. The abstract should be prepared independently, and not to repeat the pieces of a paper.

3. Information of the item 2 in the same sequence – in English (full name of the author (s) – transliterated) – after the main text of the article (See an example below).

4. The full text of the article in English or Russian. The length of the article is 8-15 pages (14 pts font, single-spaced).

The main text should be divided into the semantic parts with headlines and include: 1. Introduction (the formulation of the issue, relevance, a brief review of the scientific literature on the topic, a clear object of the work). 2. Description of the material and methods of research. 3. Presentation of results / Discussion (description of the analysis and results obtained). Possible subsections. 4. Conclusion (main findings of the research).

5. Pictures and graphics are accepted only in high resolution (at least 300 pixels). Make sure that the tables and figures are numbered in the order in which they appear in the article and are provided with corresponding explanations in the text. The captions to the tables are made in a smaller font and are placed above the table; the captions to the pictures are made in a smaller font and are placed under the picture. Tables and pictures should not be outside the text area.

6. References in Russian. References should be listed alphabetically, in the case of multiple references to one author – chronologically. The list of references should include all and only references that are actually mentioned in the text. The number of references must be at least 20. References to your works – no more than 20 %. References to sources in a foreign language at least 30 %.

Works published for the past 5-10 years – not less than 30 %. All sources should be presented with pages, year of issue, city and publishing house.

7. References in the Latin alphabet: transliteration of the author's name; year of publication (in parentheses); the italicized transliteration of the source name and – in square brackets – its translation into English; if it is a publication in a collected articles or a journal, the name of the material should be given by a similar principle mentioned above, not emphasizing in italics and separating from the source name by a point; English version of the publication and transliteration of the name of the publishing organization (indicating publ.). Other data (information about the editors or contributors, information about the publication, issue number, volume) are translated into English using the adopted abbreviations (See an example below).

If imprint of the source has already some translation of the necessary elements (usually in the case of journal publications or translated literature), as well as in the case of common titles (for example, “collected works” or “explanatory dictionary”), in the description of the source it is enough to provide only the translation, without any transliteration, but, please, give the source language in parentheses at the end of the description (in Russian).

Sources in the references in the Latin alphabet are presented in the same order as in the references in Russian.

8. Provide a list of sources of speech illustrations in case if the author considers it is necessary to present. It is made out separately under the name “Sources” according to the above mentioned rules.

9. Information about the authors: name, surname, academic degree; academic title; position at the organization, organization; legal address of the organization (not your home address); E-mail of the author (s).

10. Information of the item 8 in English in the same sequence: surname, name of the author (s); academic degree; academic title; position; name of the organization; the legal address of the organization; E-mail.

Key Formatting Issues

Use Times New Roman: 14 pts fonts for the main text, 12 pt for references, abstracts and key words. All text should be single-spaced. Indent the first line of each paragraph by 10 mm. All margins are 20 mm. When submitting the article including notes and references, keep the text for your manuscript under 30,000 characters, including spaces, remarks and references.

It is essential that the references are formatted to the specifications given in these guidelines. This Journal uses the “Author-Date” style [Ivanov 2008:25].

Speech illustrations are typed in italics, bold, and without quotation marks.

Reference to the source of actual material is made in parentheses in the following ways:

(Ulitskaya L. Sacred garbage),
(Elsevier. 2013. No.1),

(NTV. Today. 7.08.2013),
(http://file-rf.ru/analitics/54_3.3.2013).

Footnotes should be kept to an absolute minimum. Note indicators in the text should appear at the end of sentences or phrases, and follow the respective numeration. Footnotes should preferably be placed at the end of the page.

Abbreviations, symbols and citations are made in accordance with generally accepted standards.

We draw authors' attention to the fact that in the international journal some information is presented in English (the headings of articles, abstracts, key words, the names of organizations to which the author is assigned, and imprint). Authors are responsible for the quality of the translation. The other part, which is not translated into English (authors' names, Russian names of primary sources in references, names of organizations and publishers), presented in the original in Cyrillic, must be represented in the Roman (Latin) alphabet in one of the adopted transliteration systems (BSI is preferable).

This requirement is mandatory in journals peer-reviewed by the international scientific citation systems Web of Science and Scopus.

Example of references in Russian and English

Список литературы

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 01.06.2006).

References

Book: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [The General Linguistics], Moscow, Progress publ., 448 p. (in Russian).

Article: Kibrik, A.A. (1994), *Kognitivnye issledovaniya po diskursu* [Cognitive research on discourse]. *Topics in the study of language*, no. 5, pp. 126-139. (in Russian).

Part of a book: Searle, J. (1986), *Indirect speech acts. Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], translated from English by N.V. Pertsov, Moscow, iss. XVII, pp. 195-222. (in Russian).

Conference proceedings: Kabakova, Yu.A. (2000), Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi akt [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [Theory and practice of German and Romance Languages], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98. (in Russian).

Electronic resource: Guseinov, G.Ch. (2000), Zametki k antropologii russkogo Interneta [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *New Literary Observer*, no. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (accessed date: June 1, 2006).

Example of an article in Russian

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Петров В.В.

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Подготовлено при поддержке гранта...

Аннотация:

Ключевые слова:

Сведения об авторе (авторах):

Петров Виктор Васильевич, профессор, доктор филологических наук.

Контактная информация:

Почтовый адрес:

E-mail:

Текст статьи [1]. Текст статьи [2]. Текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи.

Список литературы

References

Name of the article

Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author (authors):

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (link to the grant if available)

Example of an article in English

Name of the article

Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author:

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (link to the grant if available)

Text of the article Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [1]. Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [2]. Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [3].

References

References (in Russian)

Name of the article (in Russian)

Author (s) name, name of the organization (in Russian)

Abstract and key words (in Russian)

Please note: we will not accept the materials that do not meet the subject area of the Journal nor fit the above mentioned requirements.

Each submitted article is reviewed by two anonymous reviewers among Russian and foreign scientists with expertise in the article issues. The article is sent to the reviewers anonymously, that is without the name of the author of the article and its data. The reviewer should evaluate the article compliance with the subject area of the Journal, urgency and originality of the work, material and language analysis, write a brief justification / recommendations. Notes contained in the reviews (if any) are sent to the author (without the name of the reviewer). The Editorial Board makes a decision whether to publish the article or not, taking into account the opinion of the reviewer.

Contact information

Dostoevsky Omsk State University, Prospekt Mira 55A, Omsk, Russia
Faculty of Philology and Media Communications. Tel.: +7 (3812) 229-815
Chair of Theoretical and Applied Linguistics. Tel.: +7 (3812) 670-620

Editor-in-chief Oxana Sergeevna Issers

Executive editor Marina Viktorovna Terskikh (terskih@mail.ru)